95300
Ш-61
автограф. Алексан

Михаил Смирнов

СМЕРТЬ ПАВЛА

ПЕРВАГО.

Профессора ШИМАНА и профессора БРИКНЕРА.

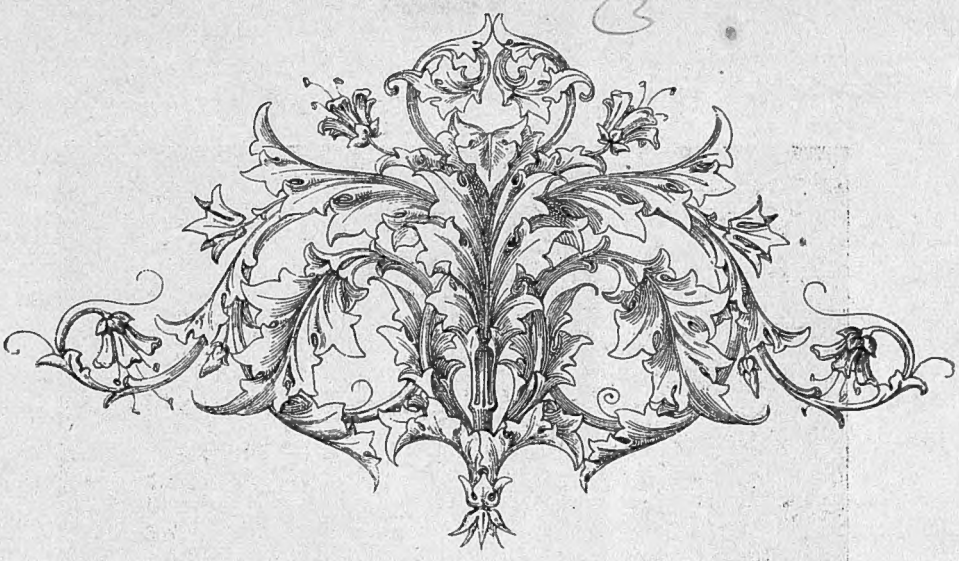
Переводъ съ нѣмецкаго со многими портретами фото-тинто и рисунками въ текстѣ.

Третье изданіе Московскаго К-скаго Т-ва
„ОБРАЗОВАНІЕ“.

МОСКВА.

Типографія Русскаго Товарищества, Чистые пруды, Мыльниковъ пер., с. д.

Телефонъ 18-35.



Нетрудно [1]) себѣ представить, что по счастливой случайности Павелъ могъ избѣжать гибели 23-го марта 1801 г., но тогда ему пришлось бы погибнуть еще болѣе ужасной смертью послѣ страшнаго кризиса, во время котораго онъ самъ, быть можетъ, уничтожилъ бы свое потомство. Несомнѣнно одно,—что императоръ не былъ въ здравомъ умѣ; его сужденія и направленіе его воли были ошибочны и опредѣлялись случайностями и импульсами, которые рождались въ его больной душѣ и не могутъ быть объяснены ни зрѣлымъ размышленіемъ, ни планомѣрностью дѣйствій, ни нормальными чувствами. Онъ оставался послѣдователенъ только въ поддержкѣ своей системы военной дрессировки и въ требованіи слѣпого, безпрекословнаго повиновенія. Если онъ замѣчалъ какой-нибудь промахъ, то видѣлъ въ немъ крамолу; поэтому онъ поступалъ, съ своей точки зрѣнія, лишь послѣдовательно, когда старался сокрушить этотъ крамольный духъ всѣми средствами той страшной власти, которой онъ располагалъ. При этомъ онъ терялъ вовсе способность различать вещи, а такъ какъ всякое возникавшее въ немъ желаніе тотчасъ же превращалось въ приказъ, въ которомъ рѣшался вопросъ о чести, имуществѣ и жизни тѣхъ,

---

[1]) Настоящая статья принадлежитъ профессору берлинскаго университета Шиману — единственному и лучшему знатоку новѣйшей русской исторіи, положившему массу энергіи для ознакомленія и отысканія первоисточниковъ. Имъ издается за границею спеціально журналъ для опубликованія русскихъ историческихъ матеріаловъ. Будучи чрезвычайно сжатою, статья Шимана отличается полнотою и законченностью, какъ выводовъ, такъ и использованіемъ матеріала. На русскомъ языкѣ она появляется здѣсь впервые.

Г. Б.

Нелидова.

кого постигалъ его гнѣвъ, то нечего удивляться, что, въ концѣ концовъ, предъ лицомъ царя никто не чувствовалъ себя въ безопасности. Тѣ самыя лица, которыхъ онъ сегодня осыпалъ знаками своей милости, могли завтра быть прогнаны съ позоромъ, такъ что около него могли удержаться, въ концѣ концовъ, только самые хладнокровные и расчетливые дѣльцы, изучившіе душу Павла до самыхъ сокровенныхъ изгибовъ. Эти-то люди его и погубили.

Въ первые два года своего царствованія Павелъ дѣйствовалъ въ гораздо большей степени, чѣмъ самъ сознавалъ, подъ двойнымъ вліяніемъ своей супруги и дѣвицы Нелидовой, которая состояла съ нимъ въ платоническихъ любовныхъ отношеніяхъ еще съ тѣхъ поръ, какъ онъ великимъ княземъ жилъ въ Гатчинѣ, и которая послѣ ряда недоразумѣній искренно старалась поддерживать хорошія отношенія между великокняжеской четой. Но честолюбіе, а, пожалуй, и способности обѣихъ подругъ не шли дальше вопросовъ о личностяхъ; поэтому въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ оказывали вліяніе на политику, мы видимъ ихъ въ качествѣ орудій чужихъ интересовъ. Мы знаемъ даже случай, когда Нелидова была подкуплена или, по крайней мѣрѣ, приняла крупный денежный даръ за свое заступничество [1]). Главнымъ же образомъ онѣ ограничивались тѣмъ, что успокаивали императора во время его гнѣвныхъ вспышекъ и старались смягчить или добиться недѣйствительности слишкомъ суровыхъ приговоровъ. Въ этомъ отношеніи Нелидова оказывала благотворное вліяніе на Павла. Старанія же императрицы были направлены на то, чтобы окружить императора людьми, которые были къ ней расположены; вначалѣ это ей удавалось. Изъ любимцевъ первыхъ двухъ лѣтъ ей были преданы оба брата Куракины, вице-канцлеръ и оберъ-прокуроръ, первый членъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ Безбородко и графъ Никита Петровичъ Панинъ, также членъ коллегіи, равно какъ и статсъ-секретарь Нелединскій и военный губернаторъ Петербурга графъ Буксгевденъ держали ея сторону. Укрѣпившееся такимъ образомъ вліяніе императрицы стало постепенно тяготить любимцевъ царя, которые не принадлежали къ этому кружку и пользовались предпочтеніемъ въ тотъ періодъ, когда онъ жилъ въ Гатчинѣ еще великимъ княземъ: генералъ-адъютанта Ростопчина и Кутайсова, бывшаго камердинера, а теперь обергардеробмейстера императора. Несмотря на громадную разницу въ способностяхъ и образованіи, оба эти лица умѣли каждый по-своему ловко обходиться съ императоромъ и избѣгать опасностей,

---

[1]) Англійскій посолъ сэръ Чарльзъ Уитвортъ уплатилъ ей 300.000 рублей послѣ или незадолго до заключенія англо-русскаго дорговаго тоговора 10/21 февраля 1797 г. (см. депешу Уитворта изъ Петербурга отъ 27 февраля 1797 г.).

которыми грозили ежедневныя встрѣчи съ нимъ. Хотя Ростопчину нельзя отказать ни въ большихъ способностяхъ, ни въ огромномъ честолюбіи, однако, въ борьбѣ за власть онъ не гнушался прибѣгать и къ самымъ низкимъ средствамъ. Въ мартѣ 1798 г. онъ попалъ къ царю въ дурную минуту и долженъ былъ выйти въ отставку, но уже въ концѣ августа снова вошелъ въ милость и съ этихъ поръ пользовался непрерывно возраставшимъ царскимъ расположеніемъ почти до самаго дня гибели Павла [1]).

Къ обоимъ этимъ честолюбцамъ присоединился князь Александръ Андреевичъ Безбородко, съ цѣлью побороть вліяніе Нелидовой и императрицы и еще больше прежняго изолировать великаго князя Александра.

И то и другое было достигнуто путемъ искусно сплетенной интриги. Тотчасъ послѣ рожденія великаго князя Михаила Павловича $\left(\frac{\text{28-го января}}{\text{9-го февраля}}\ 1789\ \text{г.}\right)$ императору было сообщено черезъ подкупленнаго врача, что всякіе новые роды являются опасностью для жизни императрицы [2]), а вскорѣ затѣмъ привлекли его вниманіе къ молодой дѣвицѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной, красоту которой онъ замѣтилъ еще во время коронаціи въ Москвѣ. Во время второго пребыванія въ Москвѣ, въ маѣ 1798 г., ее представили ему снова, и она произвела на него столь сильное впечатлѣніе, что Павелъ началъ съ тѣхъ поръ все болѣе и болѣе отходить отъ своей супруги и отъ Нелидовой; послѣдняя въ огорченіи удалилась въ Смольный. Попытки Ма-

---

[1]) Ростопчинъ былъ назначенъ 24-го октября ст. ст. 1798 г. третьимъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, 22-го февраля 1798 г. (?) возведенъ въ графское достоинство, 31-го мая назначенъ директоромъ департамента почтъ (весьма важная должность, связанная съ перлюстраціей писемъ), а 25-го сентября первымъ членомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, другими словами—министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ этой должности его засталъ указъ о ссылкѣ отъ 20-го февраля 1801 г. Павелъ фактически парализовалъ коллегіальный характеръ высшихъ русскихъ учрежденій тѣмъ, что всегда имѣлъ дѣло съ однимъ лицомъ, которое получало такимъ образомъ значительный перевѣсъ надъ остальными членами коллегіи.

Карьера Кутайсова была не менѣе блестящей. 8-го ноября 1796 г. онъ былъ произведенъ въ гардеробмейстеры, въ апрѣлѣ 1797 г. въ обергардеробмейстеры, 6-го декабря 1798 г. въ егермейстеры. 22-го февраля 1799 г. онъ получаетъ титулъ барона, 5-го мая 1790 г. возводится въ графское достоинство, а 9-го января 1800 г. производится въ оберштальмейстеры.

[2]) Зибель («Исторія смутнаго времени», т. V, стр. 185, II изд.) ошибается, когда говоритъ въ прим. 1, будто императрица сама заявила, что ей нельзя больше подвергать себя такимъ страданіямъ и опасностямъ. Наоборотъ, Марія Ѳеодоровна очень страдала отъ невниманія своего супруга (ср. «Записки графини Головиной»).

ріи Ѳеодоровны возстановить свое вліяніе только усиливали въ Павлѣ быстро возраставшую антипатію. Ему сумѣли внушить, будто всѣ считаютъ, что онъ находится въ подчиненіи у обѣихъ женщинъ. Первой жертвой этого настроенія палъ 25 іюля тайный совѣтникъ Нелединскій, три дня спустя получилъ отставку петербургскій военный губернаторъ графъ Буксгевденъ. Онъ удалился въ Эстляндію въ замокъ Лоде; Нелидова, связанная тѣсной дружбой съ его супругой, послѣдовала за нимъ туда же. При жизни Павла она одинъ только разъ пріѣзжала въ Петербургъ, но ея враги помѣшали предполагавшемуся тогда свиданію съ императоромъ. Но съ безпомощной, все болѣе одинокой императрицей она продолжала переписываться.

На важный постъ военнаго губернатора былъ назначенъ генералъ отъ кавалеріи Петръ фонъ-деръ-Паленъ, который сначала осторожно слѣдилъ за ходомъ интриги, а потомъ, обойдя торжествующихъ интригановъ, занялъ первое мѣсто подлѣ императора. Въ то самое время, когда происходила эта перемѣна лицъ, Лопухины пріѣхали въ Петербургъ. Отецъ Анны Лопухиной былъ тотчасъ же назначенъ генералъ-прокуроромъ; при этомъ пришлось поплатиться должностью одному изъ сторонниковъ Маріи Ѳеодоровны, князю Алексѣю Куракину; братъ его, вице-канцлеръ, принужденъ былъ 9-го сентября оставить всѣ свои должности, и въ то же время пришлось удалиться и будущему канцлеру, Николаю Петровичу Румянцеву, который въ то время былъ церемоніймейстеромъ.

Такимъ образомъ, Марія Ѳеодоровна оказалась вполнѣ изолированной и лишилась всякой возможности оказывать какое-либо вліяніе. Кутайсовъ и Ростопчинъ одержали полную побѣду. Нѣсколько больше времени потребовалось на то, чтобы устранить друзей наслѣдника, великаго князя Александра Павловича. Онъ находилъ поддержку въ генералъ-лейтенантѣ баронѣ Аракчеевѣ, котораго Павелъ снова призвалъ на службу въ августѣ 1798 г. Князь Александръ Голицынъ былъ, однако, сосланъ въ Москву [1]), оберъ-камергеръ Строгановъ уволенъ отъ должности, въ августѣ 1799 устраненъ и князь Адамъ Чарторижскій путемъ назначенія посланникомъ въ Сардинію [2]). Одинъ изъ друзей великаго князя, гофмейстеръ графъ Головинъ, перешелъ на сторону Ростопчина. Такимъ образомъ, и онъ остался беззащитнымъ передъ обнаружившимся и быстро возраставшимъ не-

---

1) Его низвергъ Кутайсовъ, подозрѣвавшій его въ покровительствѣ отношеніямъ Александра съ красавицей Шевалье, метрессой Кутайсова.

2) Для того, чтобы добиться отъ Павла удаленія Чарторижскаго, воспользовались, повидимому, его отношеніями съ великой княгиней Елизаветой, о которыхъ тогда много говорили. Обо всемъ этомъ щекотливомъ дѣлѣ см. записки графини Головиной.

довѣріемъ отца. Эти дѣла могли бы принять крайне опасный оборотъ, какъ для императрицы, такъ и для наслѣдника, если бы Анна Лопухина не была просто красивымъ и привлекательнымъ ничтожествомъ. Она не сдавалась на страстныя ухаживанія императора и, въ концѣ концовъ, призналась ему, что любитъ молодого князя Гагарина, который въ то время былъ въ походѣ съ Суворовымъ въ качествѣ его адъютанта. Въ порывѣ великодушія (что не было ему чуждо до самаго конца) Павелъ вызвалъ молодого офицера изъ арміи въ Петербургъ и обвѣнчалъ его 8-го февраля 1800 г. со своею возлюбленной [1]).

Такимъ образомъ въ результатѣ великой интриги 1798 г. получилось полное крушеніе вліянія императрицы и наслѣдника, возвышеніе тщеславнаго, въ сущности же, добродушнаго и невѣжественнаго, но хитраго фаворита Кутайсова, которому Павелъ довѣрялъ до такой степени, что князь Чарторижскій подозрѣваетъ магнетическое вліяніе его на царя, и наконецъ, усиленіе могущества злого тирана арміи Аракчеева и безцеремоннаго честолюбца Ростопчина. Въ связи съ бредомъ величія Павла это представляло собою ужасающую комбинацію, которая наложила свою печать на послѣдній періодъ этого несчастнаго царствованія. Она могла бы продержаться на бѣду Россіи и Европы еще много лѣтъ,—такъ какъ Павелъ отличался крѣпкимъ здоровьемъ,—если бы этотъ тріумвиратъ не распался, благодаря другой, болѣе сильной коалиціи, которая изолировала Павла точно такъ же, какъ тѣ изолировали его супругу и наслѣдника.

Первый толчекъ къ заговору, имѣвшему цѣлью устраненіе Павла, былъ данъ представителемъ политическихъ интересовъ Англіи при русскомъ дворѣ, сэромъ Чарльзомъ Уитвортомъ.

При Екатеринѣ II Уитвортъ въ теченіе восьми лѣтъ удерживалъ свою позицію, съ чрезвычайной ловкостью, какъ въ хорошія, такъ и въ дурныя времена и, въ концѣ концовъ, 7/18 февраля 1795 года, дѣйствительно, достигъ цѣли англійскихъ стремленій — союзнаго договора съ Россіей для борьбы съ революціонной Франціей. Австрія присоединилась къ этому союзу; императрица тотчасъ же отправила къ англичанамъ флотъ въ 12 военныхъ кораблей и въ августѣ 1796 г. заявила о своей готовности послать въ Германію еще въ теченіе де-

---

[1]) Отношенія Павла съ княгиней Гагариной долго оставались чисто платоническими совершенно такъ же, какъ его прежнія отношенія съ Нелидовой. Но онъ навѣщалъ ее ежедневно, и ея вліяніе было всегда чрезвычайно велико, хотя оно никогда и не имѣло политическаго значенія. О такомъ характерѣ отношеній категорически свидѣтельствуетъ графиня Головина, у которой не было никакихъ основаній щадить княгиню Гагарину. Всѣ думали, однако, наоборотъ, а Павелъ никогда не считалъ нужнымъ заботиться о видимости; въ послѣдніе же мѣсяцы его жизни княгиня была, дѣйствительно, его метрессой...

кабря армію въ 40,000 пѣхоты, 6 полковъ кавалеріи и соотвѣтствующее количество артиллеріи. Суворовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ.

Смерть Екатерины остановила выполненіе этого плана, а Павла съ трудомъ удалось склонить хотя бы на то, чтобы позволить русскому флоту дѣйствовать еще нѣкоторое время вмѣстѣ съ англійскимъ. Союзный договоръ формально не былъ уничтоженъ, но фактически онъ не приводился въ исполненіе, и нѣкоторое время можно было думать, что Павелъ будетъ, дѣйствительно, слѣдовать исповѣдуемой имъ миролюбивой политикѣ. Уитвортъ сумѣлъ использовать въ интересахъ торговой политики Англіи миролюбивое настроеніе императора, которое, какъ можно было вскорѣ же предугадать, не должно было долго продолжаться. 10/21 февраля 1797 г. былъ подписанъ морской и торговый договоръ, одобренный въ принципѣ еще при Екатеринѣ II и замѣчательный въ политическомъ отношеніи тѣмъ, что во вступительныхъ словахъ въ немъ опредѣленно указывается на существующій тѣсный союзъ между обоими государствами [1]). Уитвортъ могъ надѣяться тѣмъ скорѣе вернуться къ политикѣ договора 18 февраля 1795 г., что въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ у него былъ другъ и тайный союзникъ въ лицѣ графа Никиты Петровича Панина, который въ началѣ іюля 1797 г. занялъ важный постъ посла въ Берлинѣ.

Панинъ такъ велъ порученные ему переговоры съ посломъ французской республики въ Берлинѣ Кайяромъ, что 17-го сентября Павелъ приказалъ ему прервать ихъ; въ дальнѣйшихъ же своихъ дипломатическихъ донесеніяхъ онъ дѣйствовалъ почти какъ агентъ Англіи. Всѣ его сообщенія направлены прямо или косвенно къ тому, чтобы возстановить императора противъ Франціи и побудить его вступить въ антифранцузскій союзъ. И дѣйствительно, эта дѣятельность оказалась не безуспѣшной, и Уитвортъ сумѣлъ чрезвычайно ловко использовать постепенно измѣнявшееся политическое настроеніе императора.

Такимъ образомъ, въ концѣ іюля 1798 г. Павла склонили согласиться на отправку въ помощь австрійцамъ арміи въ 20,000 человѣкъ, затѣмъ побудили къ заключенію англо-русскаго союзнаго договора отъ 18/29-го декабря 1798 года, а весной 1799 года къ открытію въ союзѣ съ Австріей военныхъ дѣйствій противъ Франціи. Все это настолько общеизвѣстно, что нѣтъ надобности здѣсь снова объ этомъ

1) «S. M. l'Empereur de toutes les Russies et S. M. le Roi de la Grande Bretagne, déja unis par les liens de la plus intime alliance...» (Е. В. Императоръ Всероссійскій и Е. В. Король Великобританіи, уже связанные узами тѣснаго союза...).

говоритъ. Англо-русскій договоръ 11/22-го іюня 1799 г. по поводу голландской экспедиціи стоитъ также въ связи съ этими фактами и обозначаетъ зенитъ англо-русской дружбы и благоволенія къ англійскому послу. Это происходило въ то время, когда интрига, направленная противъ Маріи Ѳеодоровны, уже почти успѣла достигнуть цѣли; тогда же и была заложена контръ-мина, которая должна была подготовить гибель побѣдителямъ. Стоитъ только вникнуть въ подробности этихъ дѣлъ, чтобы само собою стало ясно, насколько сильно было въ то время вліяніе женщинъ на Павла. При Екатеринѣ этого вліянія почти незамѣтно. Царица правила, какъ мужчина и черезъ мужчинъ, а когда они попадали въ зависимость отъ женщинъ, то она умѣла во время вмѣшаться въ дѣло. На Павла женщины всегда оказывали очень сильное вліяніе, — непосредственно Марія Ѳеодоровна, Нелидова, княгиня Гагарина и ея мать, княгиня Лопухина, а косвеннымъ образомъ г-жа Шевалье, любовница Кутайсова, и другія менѣе замѣтныя женщины. Чѣмъ труднѣе становилось убѣдить Павла доводами, тѣмъ чаще избирался этотъ окольный путь, и слезами и просьбами удавалось достигнуть того, чего иначе никакъ нельзя было добиться.

Сэръ Чарльзъ (впослѣдствіи лордъ) Уитвортъ состоялъ уже нѣсколько лѣтъ открыто въ любовной связи съ Жеребцовой, красивой, но столь же легкомысленной и хитрой сестрой Зубова [1]); благодаря этому онъ послѣ смерти Екатерины и паденія князя Платона пріобрѣлъ цѣнныя связи въ тѣхъ петербургскихъ кругахъ, которые при Павлѣ принадлежали къ тайной оппозиціи. Салонъ Жеребцовой сдѣлался центромъ этихъ элементовъ, но въ то же время Уитвортъ старательно поддерживалъ и свои отношенія съ императорскимъ дворомъ. Паденіе Нелидовой, которая, какъ мы видѣли, провела для него торговый договоръ 1797 г., составляло для него потерю. Поэтому, имѣя въ виду намѣчавшіяся уже возможности, онъ пытался найти себѣ опору въ кружкѣ Александра, главнымъ образомъ, черезъ графиню Толстую, супругу гофмаршала Александра, а позже еще съ большимъ успѣхомъ черезъ графиню Паленъ, урожденную Шеппингъ, супругу новаго царскаго любимца, пріобрѣтавшаго все больше и больше вліянія.

Въ это самое время, конечно, не случайно—Панинъ былъ назначенъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Хотя Панинъ былъ Павлу лич-

---

[1]) Сынъ Жеребцовой, Александръ, былъ женатъ на второй дочери Кутайсова, такъ что и въ лицѣ тестя сына она имѣла руку при дворѣ. Этимъ объясняется, почему Жеребцова въ теченіе царствованія Павла оставалась безъ надлежащаго освѣщенія.

но крайне несимпатиченъ, тѣмъ не менѣе вскорѣ затѣмъ (осенью 1799 г.) онъ поручилъ ему дѣла вице-канцлера Кочубея, уволеннаго въ августѣ въ отставку. Производство же въ дѣйствительные тайные совѣтники и назначеніе вице-канцлеромъ послѣдовало только 7-го января 1800 г.

Между Панинымъ и Уитвортомъ тотчасъ же произошло тѣсное сближеніе. Въ Петербургѣ они сдѣлались еще болѣе рѣшительными союзниками, чѣмъ это было возможно раньше, пока Панинъ былъ въ Берлинѣ. Интересы англичанина и политическія убѣжденія вице-канцлера вполнѣ совпадали другъ съ другомъ, и до тѣхъ поръ пока Павелъ оставался вѣренъ англо-австрійскому союзу и пока извѣстія съ театра войны были благопріятны, съ точки зрѣнія императора, ничего нельзя было возразить противъ дружескихъ сношеній и совмѣстныхъ дѣйствій обоихъ этихъ лицъ. Императрица Марія Ѳеодоровна и великій князь Александръ Павловичъ видѣли въ Панинѣ друга. Зато императрица была недовольна тѣмъ, что Панинъ возобновилъ свои прежнія дружескія отношенія и съ адмираломъ Рибасомъ,—авантюристомъ, который былъ приглашенъ въ Россію Алексѣемъ Орловымъ и въ качествѣ директора петербургскаго кадетскаго корпуса пріобрѣлъ себѣ самую дурную славу. Тѣмъ не менѣе, Екатерина поручила ему воспитаніе своего побочнаго сына отъ Григорія Орлова, Бобринскаго и не лишила его своей милости даже тогда, когда надежды, возлагавшіяся на Бобринскаго, нисколько не оправдались. Рибасъ продолжалъ свою карьеру при Потемкинѣ; онъ былъ храбрымъ офицеромъ и въ то же время однимъ изъ наиболѣе энергичныхъ сотрудниковъ въ дѣлѣ основанія Одессы; подъ конецъ онъ получилъ чинъ вице-адмирала.

Въ качествѣ члена адмиралтействъ-коллегіи онъ былъ уличенъ въ подлогахъ, изъ-за которыхъ и потерялъ должность; однако, ловкій полуиспанецъ выкарабкался снова, и при Павлѣ въ 1798 г. получилъ опять прежній чинъ вице-адмирала. При этомъ Рибасъ поддерживалъ старыя отношенія съ Зубовыми и, повидимому, черезъ Жеребцову короче познакомился и съ Уитвортомъ. Какія собственно цѣли Рибасъ преслѣдовалъ, точно установить невозможно. Начиная съ осени 1799 года, онъ медленно, но непрерывно входилъ все больше и больше въ милость у императора, такъ что личныя его выгоды, повидимому, прекрасно уживались съ господствовавшей системой произвола. Мы не можемъ допустить у этого человѣка ни специфическаго русскаго патріотизма, ни твердыхъ политическихъ убѣжденій, какія были у Панина, когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ 14/25-го сентября 1795 г. Однако, первое же письмо, которое Панинъ написалъ своей женѣ изъ сто-

лицы, показываетъ, что его живо интересовало положеніе Рибаса и Палена [1]).

Въ настоящее время можно считать исторически установленнымъ, что уже въ концѣ 1799 года Уитвортъ, Панинъ и Рибасъ сочли нужнымъ обсудить вопросъ, нельзя ли устранить Павла отъ правленія и объявить Александра императоромъ или, по крайней мѣрѣ, регентомъ. Англичанина побудилъ къ этому поразительный поворотъ, который произошелъ въ русской политикѣ вслѣдствіе недоразумѣній съ Австріей и привелъ къ отозванію Суворовской арміи 11/22-го октября, за нѣсколько дней до бракосочетанія великой княжны Александры съ намѣстникомъ эрцгерцогомъ Іосифомъ [2]). А такъ какъ въ это же время и англо-русская экспедиція противъ Голландіи потерпѣла окончательную неудачу, то гнѣвъ Павла обрушился и на Англію.

При импульсивномъ характерѣ императора и его способности возбуждаться можно было ожидать въ скоромъ времени полнаго разрыва съ Англіей, тѣмъ болѣе, что непосредственные доклады по вопросамъ иностранной политики лежали на Ростопчинѣ, который былъ одинаково рѣшительнымъ противникомъ союза, какъ съ Австріей, такъ и съ Англіей. Когда же Англія въ ноябрѣ 1799 г. снова потребовала русской помощи, то на это послѣдовалъ рѣзкій отказъ. Въ это время Павла уже смущалъ вопросъ объ участи Мальты, а сарказмъ, съ какимъ Ростопчинъ критиковалъ политику Англіи и Австріи, еще усилилъ его ожесточеніе, которое у него, изъ досады за какія-нибудь мелочи, всегда, въ концѣ концовъ, обращалось противъ тѣхъ, кого онъ считалъ виновникомъ ненавистной ему политической системы. Положеніе Уитворта, несомнѣнно, должно было отъ этого пошатнуться; интересы же Англіи, повидимому, подсказывали ему, что слѣдуетъ воспользоваться многочисленными недовольными элементами столицы, переносившими до сихъ поръ пассивно всѣ насилія Павла, и побудить ихъ къ такому поступку, который устранилъ бы тирана и организовалъ новое правительство, отъ котораго и можно было бы ожидать другого направленія и въ большой политикѣ.

Въ этомъ онъ сошелся съ Панинымъ, и эта комбинація дала начало заговору, имѣвшему цѣлью арестовать Павла, какъ душевно-больного, и передать регентство великому князю Александру. Это идея была, повидимому, англійскаго происхожденія и, вѣроятно, нашла свой прототипъ въ аналогичныхъ условіяхъ, созданныхъ въ Англіи

---

[1]) «Ribas est médiocrement, Pahlen très bien en cour». (Дѣла Рибаса посредственны, Палена очень хороши).

[2]) Въ Гатчинѣ $\frac{\text{21-го октября}}{\text{3-го ноября}}$ 1799 г.

душевной болѣзнью Георга III. Достовѣрно извѣстно, что Панинъ взялся переговорить съ Александромъ [1]).

Александру предлагалось самому руководить исполненіемъ, чтобы предупредить причиненіе какого-либо вреда его отцу [2]). Эти переговоры велись устно и, вѣроятно, уже тогда, частью письменно, и Панинъ получилъ не только съ глазу на глазъ, но и на бумагѣ одобреніе великаго князя [3]); на счетъ подробностей этаго плана у насъ нѣтъ безспорныхъ свидѣтельствъ, но сохранился разсказъ, исходящій, вѣроятно, отъ графа Палена, согласно которому и для сената была намѣчена опредѣленная роль при сверженіи императора. Это едва ли можно понять иначе, какъ только въ томъ смыслѣ, что предполагалось заручиться согласіемъ сената на назначеніе великаго князя наслѣдника регентомъ; съ этимъ приходится связать и другое извѣстіе, исходящее косвеннымъ образомъ также отъ Палена, будто Панинъ обѣщалъ великому князю арестовать императора и затѣмъ предложить отъ имени народа ему, Александру, бразды правленія [4]). Однимъ словомъ, все это не вполнѣ ясно, и всего лучше будетъ держаться вполнѣ достовѣрныхъ сообщеній самого Панина. Съ другой стороны, Панинъ тщательно избѣгалъ указывать на то, что для исполненія своихъ плановъ онъ привлекъ къ участію еще одного союзника, генерала Петра Палена, который съ 28-го іюля 1798 г. состоялъ петер-

---

[1]) Письмо Палена къ Александру (безъ даты), написанное незадолго до 3-го октября 1801 г.: «Я унесу съ собою глубокое убѣжденіе, что оказалъ услугу моему отечеству тѣмъ, что я *первый* осмѣлился развернуть предъ Вами печальную картину опасностей, грозившихъ погубить имперію».

[2]) Письмо Панина къ Маріи Ѳеодоровнѣ. «Я хотѣлъ... передать Правленіе въ руки Вашего Августѣйшаго сына. Я думалъ, что, руководя лично столь труднымъ предпріятіемъ, онъ устранилъ бы негодяевъ, которые всегда стараются извлечь выгоду изъ политическихъ переворотовъ».

[3]) «Я располагаю однимъ собственноручнымъ письмомъ, которое можетъ съ полной очевидностью доказать, что все, что я задумалъ и предлагалъ для блага государства за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора Павла, получило одобреніе его сына». Это мѣсто можно толковать различно, смотря по расположенію знаковъ препинанія. Если поставить запятую послѣ «государства», то согласіе Александра послѣдовало за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Павла, т.-е. въ концѣ 1800 г. или въ началѣ 1801 г. Если же поставить запятую послѣ слова «Павла», то, значитъ, Панинъ представилъ въ это время Александру подробный планъ. И то, и другое возможно, такъ какъ Панинъ сохранялъ связь съ заговорщиками также послѣ своего паденія.

[4]) «En promettant de s'assurer de la personne de l'empereur et de lui offrir de la part de la nation les rênes du gouvernement». (Письмо Беннигсена къ Фоку въ мартѣ 1801 г.). Въ этой формулировкѣ многое должно быть отнесено на счетъ стиля. Панинъ не могъ отъ себя ничего «offrir», а «rênes du gouvernement» могутъ означать какъ престолъ, такъ и регентство. А затѣмъ, гдѣ же тутъ собственно «la nation?»

бургскимъ военнымъ губернаторомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ начальникомъ тайной полиціи.

Подготовлять за спиною Палена осуществленіе столь грандіознаго препріятія было бы крайне опасно. Описаніе заговора въ запискахъ князя Адама Чарторижскаго, основанное на разсказѣ самаго Александра, также подчеркиваетъ, что самъ Паленъ выхлопоталъ для Панина аудіенцію, во время которой тотъ изложилъ передъ великимъ княземъ Александромъ свои планы на будущее и старался расположить его въ ихъ пользу [1]). Мы знаемъ къ тому же, что еще осенью 1799 г. Паленъ заставилъ назначить свою супругу гофмейстериной супруги Александра на мѣсто графини Шуваловой. Къ веснѣ 1800 г. она пріобрѣла полное довѣріе Елизаветы, такъ что у графа Палена не было недостатка и въ оффиціальныхъ путяхъ, чтобы повліять на великаго князя въ нужномъ ему смыслѣ или узнать, какіе взгляды и настроенія господствуютъ въ великокняжескомъ дворцѣ. Я не вижу никакой возможности отдѣлять его имя отъ тріумвирата Уитворта, Рибаса и Панина. Однако, обстоятельства сложились такъ, что руководители оказались разбросанными въ разныя стороны, прежде чѣмъ они успѣли столковаться относительно способа и времени исполненія.

Англійскій посолъ палъ первой жертвой немилости Павла. Когда англичане завладѣли Мальтой, гнѣвъ императора обрушился на Уитворта. Въ рескриптѣ отъ 1-го февраля 1800 г. на имя русскаго посла въ Лондонѣ Воронцова, онъ требовалъ его отозванія, и 25-го мая послѣ ряда побочныхъ обстоятельствъ, о которыхъ можно не упоминать, посолъ получилъ, наконецъ, приказъ выѣхать изъ Петербурга вмѣстѣ съ персоналомъ посольства [2]). Это политическое положеніе, подготовлявшее переходъ во французскій лагерь, должно было, несомнѣнно, возбудить въ Уитвортѣ желаніе, чтобы намѣченная дворцовая революція совершилась возможно скорѣе. Но заговорщики, повидимому, еще не считали себя достаточно сильными; быть можетъ, и великій князь еще не произносилъ рѣшающаго слова.

[1]) Генералъ Паленъ, который въ качествѣ офицера и петербургскаго губернатора имѣлъ доступъ къ великому князю, выхлопоталъ у него тайную аудіенцію для графа Панина; первая ихъ встрѣча произошла въ банѣ. Впослѣдствіи Панинъ считалъ нужнымъ отдѣлять свой безкровный заговоръ отъ кроваваго предпріятія Палена.

[2]) См. Письмо Панина къ Крюденеру отъ 20-го мая 1800 г. «Въ скоромъ времени Вы узнаете объ одномъ политическомъ событіи, которое огорчитъ Васъ точно такъ же, какъ оно меня ошеломило. Это — отозваніе г. Казамайора, котораго милордъ Уитвортъ оставилъ здѣсь въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Оба они уѣзжаютъ сегодня. Единственной причиной или, скорѣе, единственнымъ предлогомъ для такого насилія является донесеніе Будберга (русскаго посланника въ Стокгольмѣ), который жалуется, что англійскій министръ не сдѣлалъ ему прощальнаго визита».

фото-тинто гравюра Т-ва „Образованіе“.

ИМПЕРАТРИЦА МАРІЯ ѲЕОДОРОВНА.

Пока заговорщики держались того взгляда, что руководство долженъ взять на себя самъ Александръ, до тѣхъ поръ нельзя было ожидать, что дѣло дойдетъ до рѣшительнаго поступка. Александръ слишкомъ сильно боялся отца и, можетъ быть, искалъ также выхода, который далъ бы ему возможность впослѣдствіи свалить вину и отвѣтственнось на другихъ. Какъ бы то ни было, когда Уитвортъ покидалъ Петербургъ, еще ничего не было окончательно рѣшено, но хранительницей его тайны осталась Жеребцова, а съ нею вмѣстѣ и Панинъ, Рибасъ и Паленъ.

Помогали ли англійскія деньги въ послѣдующихъ событіяхъ, — объ этомъ ничего не извѣстно, но изъ того факта, что интересы Англіи со дня на день нарушались все больше и больше, мы можемъ сдѣлать выводъ, что въ Лондонѣ, какъ и раньше, должны были считать сверженіе Павла наиболѣе желательнымъ способомъ разрѣшенія международныхъ затрудненій и избавленія Англіи отъ грозившихъ ей опасностей. Нельзя также предполагать, чтобы по возвращеніи въ Англію Уитвортъ держалъ готовившіяся въ Россіи дѣла въ тайнѣ отъ лорда Гренвиля. Старанія Наполеона пріобрѣсть расположеніе императора должны были возбудить новыя серьезныя опасенія, и нѣтъ никакого основанія считать, чтобы англійскій кабинетъ относился къ дворцовымъ революціямъ брезгливѣе, чѣмъ лично лордъ Уитвортъ.

Въ это время деспотическое поведеніе Павла все больше и больше укрѣпляло въ ближайшихъ къ нему кругахъ убѣжденіе, что императоръ психически боленъ. «Онъ буквально не въ своемъ умѣ», писалъ Уитвортъ незадолго до своей высылки, а въ мартѣ 1800 г. сардинскій посланникъ Бальбо писалъ своему правительству: «L'Empereur de Russie est fou» (русскій императоръ сошелъ съума). Панинъ же обрисовалъ положеніе въ письмѣ къ графу Воронцову отъ 9-го апрѣля 1800 г. слѣдующими словами: «Говорю Вамъ, въ Россіи нѣтъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, ни одного человѣка, который былъ бы гарантированъ отъ мучительствъ и несправедливостей. Тираннія достигла апогея».

Извѣстный русскій военный писатель Михайловскій-Данилевскій выбралъ въ 1820 г. изъ дѣлъ русскаго военнаго министерства приказы по арміи, отданные Павломъ въ теченіе своего царствованія. Для 1800 г. получается слѣдующая яркая картина:

8-го января. Выговоръ двумъ генераламъ за то, что они проводили на судѣ неправильный взглядъ.

3-го марта. Генералъ-лейтенантъ Стояновъ исключенъ изъ службы за пьянство.

4-го марта. 7 генералъ-лейтенантовъ а 28 генералъ-майоровъ уволены отъ службы.

7-го марта. 1 полный генералъ, 8 генералъ-лейтенантовъ и 22 генералъ-майора получаютъ отставку.

8-го марта. 2 полныхъ генерала, 1 генералъ-лейтенантъ и 7 генералъ-майоровъ увольняются въ отставку.

Генералъ отъ кавалеріи Денисовъ исключается изъ службы за проволочку одного дѣла.

Около этого же времени начинается рядъ приказовъ, направленныхъ противъ Суворова.

20-го марта. Генералиссимусъ князь Суворовъ, вопреки дѣйствующему предписанію, имѣлъ при своемъ корпусѣ по прежнему обычаю постояннаго дежурнаго генерала, о чемъ съ порицаніемъ сообщается къ свѣдѣнію всей арміи.

22-го марта. Е. И. Вел. съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ по возвратившимся полкамъ, какъ мало господа инспектора и начальники употребили стараній на то, чтобы удержать отрядъ въ желательномъ для Его Величества порядкѣ, и видитъ въ этомъ, какъ мало усердія они прилагаютъ къ исполненію его воли и службѣ.

17-го апрѣля. Сынъ Суворова, произведенный во время похода въ Италію въ генералъ-адъютанты, назначается снова камергеромъ.

25-го апрѣля. У князя Суворова приказано отнять адъютанта.

Его Велич. замѣчаетъ по присланнымъ изъ полковъ въ гвардію солдатамъ, что во многихъ полкахъ люди имѣютъ выправку, болѣе похожую на кулачный бой, чѣмъ приличествующую солдату. Это относится, въ особенности, къ людямъ изъ полка генералъ-майора Хитрово, которые обратились въ такую сволочь, что отъ нихъ невозможно слова добиться.

28-го апрѣля. Семь полковъ, потерявшіе свои знамена, должны быть впредь лишены знаменъ.

2-го мая. Штабсъ-капитанъ Кирпичниковъ исключается изъ службы; приказано прогнать его сквозь строй и дать ему тысячу шпицрутеновъ! [1]).

26-го мая. Генералъ-лейтенантъ Гагемейстеръ исключается изъ службы, какъ негодяй.

---

1) Михайловскій-Данилевскій пропустилъ нѣсколько аналогичныхъ приговоровъ Павла. 26-го апрѣля 1800 г. лейтенантъ гвардіи П. О. Грузиновъ наказанъ плетью, а 5-го сентября того же года Е. О. Грузиновъ засѣченъ плетью на-смерть въ Старочеркасскѣ на Дону! За измѣну намъ и Россіи, говорится въ указѣ отъ 26-го августа, лишить его чиновъ и дворянства, бить кнутомъ нещадно и отобрать имущество въ пользу короны. Въ чемъ заключалась его измѣна, мнѣ не удалось установить. Лейтенантъ Акимовъ, по вырѣзаніи языка, былъ сосланъ въ Сибирь за эпиграмму на постройку Исаакіевскаго собора.

Вообще, въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ этого года, продолжаетъ Михайловскій-Данилевскій,—императоръ сдѣлался еще строже, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ каждый указъ содержитъ въ себѣ выговоры и увольненія, сопровождающіеся нерѣдко бранными словами; кто, напримѣръ, повѣритъ собственнымъ глазамъ, читая въ приказѣ отъ 10-го августа: генералъ-майоръ Михельсонъ исключается изъ службы за то, что онъ службы не знаетъ, глупъ и недостоинъ своего званія. Однако, 4-го сентября онъ былъ опредѣленъ снова. Въ числѣ прочихъ въ этомъ году были исключены: Дохтуровъ, Льюисъ и погибшій въ сраженіи при Тарутинѣ храбрый Богговутъ,—послѣдній за то, что называлъ юнкеровъ прапорщиками.

9-го августа. Выговоръ войскамъ за маневры. Въ приказѣ говорится, что, очевидно, подобное непослушаніе и небрежность и вызвали потерю сраженій въ Швейцаріи и Голландіи.

10-го августа. «Е. И. Вел. ставитъ на видъ генераламъ финляндской инспекціи, что имъ далеко даже до посредственныхъ генераловъ, и если они не дойдутъ до нихъ, то, конечно, обязательно будутъ побиты всѣмъ и каждымъ, и т. д.

По всему этому легко понять, какое негодованіе охватило военные круги; но оно было также велико и среди гражданскихъ чиновъ, въ особенности же Панинъ былъ въ полномъ отчаяніи, такъ какъ все яснѣе и яснѣе предвидѣлъ окончательный разрывъ съ Англіей и Австріей и сближеніе съ ненавистной ему Франціей. Онъ не имѣлъ никакого вліянія и отходилъ все больше и больше на задній планъ передъ своимъ соперникомъ Ростопчинымъ. Паленъ при всей своей ловкости не былъ въ состояніи его защитить. А послѣ того какъ Талейранъ по порученію Наполеона предложилъ 7/19-го іюля возвратъ 6000 русскихъ, взятыхъ французами въ плѣнъ въ Голландіи, перемѣна политическихъ симпатій Павла стала развиваться еще быстрѣе. Предложеніе Франціи льстило ему, потому что онъ видѣлъ въ немъ выраженіе страха передъ Россіей [1]), а такъ какъ онъ самъ былъ по природѣ трусливъ и пугливъ, то любилъ внушать другимъ страхъ.

Къ 10-му августа императоръ дошелъ уже до того, что съ умышленнымъ хвастовствомъ отдалъ приказъ готовиться къ походу, который могъ быть направленъ только противъ Англіи и Австріи. Приказано было привести въ готовность 29 линейныхъ кораблей «для открытія новой кампаніи» и перевести на военное положеніе двѣ арміи: одну въ Литвѣ подъ командой Палена, другую въ Волыни подъ

---

[1]) Письмо Панина къ Крюденеру отъ 7/19-го августа 1800 г.: «Такъ какъ императоръ объясняетъ предупредительность корсиканца страхомъ, то его милость чувствуетъ себя польщенной изъ самолюбія».

начальствомъ Кутузова. Въ октябрѣ была прибавлена къ нимъ еще резервная армія у Витебска подъ начальствомъ Салтыкова. Большіе маневры между арміями Палена и Кутузова въ сентябрѣ мѣсяцѣ послужили въ то же время генеральной репетиціей, а Павелъ былъ настолько доволенъ ихъ ходомъ, что въ приказѣ по арміи высказалъ свою благодарность въ такихъ выраженіяхъ: «Подъ начальствомъ такихъ генераловъ, преимущества и таланты которыхъ проявляются съ такой арміей и націей, какова русская, безопасность и неприкосновенность государства должна быть прочной и безспорной».

Однако назначеніе Палена главнокомандующимъ имѣло слѣдствіемъ то, что 12-го августа онъ на время былъ уволенъ отъ должности петербургскаго военнаго губернатора. Своего преемника, генерала отъ инфантеріи Николая Сергѣевича Свѣчина, назначеннаго 14/26 августа, Паленъ также пытался привлечь къ участію въ заговорѣ. Графъ, разсказываетъ Свѣчинъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ,—сказалъ, что обращается къ нему какъ къ начальнику военной силы. Онъ говорилъ о планахъ «группы наиболѣе уважаемыхъ людей страны», которые помнятъ высокое положеніе государства во время царствованія императрицы Екатерины и чувствуютъ себя униженными тѣмъ, что Россія изолирована отъ Европы и не имѣетъ союзниковъ. Группа его друзей будто бы *получаетъ поддержку отъ Англіи* [1]), а теперь онъ спрашиваетъ его, Свѣчина, какъ онъ отнесется къ ихъ планамъ въ качествѣ военнаго губернатора?

Свѣчинъ разсказываетъ далѣе, что онъ рѣшительно уклонился отъ всякаго участія, но обѣщалъ молчать, и что черезъ нѣсколько дней Рибасъ его спросилъ, какъ бы онъ поступилъ въ случаѣ возстанія. Когда же Свѣчинъ отвѣтилъ, что онъ останется вѣренъ чести и долгу, то Рибасъ будто бы бросился ему на шею, цѣловалъ его и совѣтовалъ остаться при этомъ рѣшеніи. «Два дня спустя,—заключаетъ Свѣчинъ свой разсказъ,—я былъ утромъ назначенъ сенаторомъ, а вечеромъ уволенъ въ отставку».

---

[1]) «Группа наиболѣе уважаемыхъ людей страны, поддерживаемая Англіей, поставила себѣ цѣлью свергнуть жестокое и позорное правительство и возвести на престолъ наслѣдника великаго князя Александра, который по своему возрасту и чувствамъ подаетъ всевозможныя надежды. Планъ выработанъ, средства для исполненія обезпечены и заговорщиковъ много. Дѣло идетъ о томъ, чтобы окружить Михайловскій дворецъ, какъ только его займетъ императоръ и потребовать отъ него отреченія въ пользу сына. Императоръ будетъ объявленъ государственнымъ плѣнникомъ, заключенъ въ крѣпость и окруженъ всѣми заботами, какія приличествуютъ титулу государева родителя; мы не можемъ, однако, отвѣчать за тѣ случайности, какія могутъ произойти при переѣздѣ черезъ Неву во время ледохода во мракѣ ночи. Важно знать, на чью сторону вы станете въ этомъ національномъ событіи!»

Этотъ разговоръ съ Рибасомъ происходилъ, вѣроятно, 19-го октября 1800 г., а исповѣдь Палена нѣсколькими днями раньше, хотя изъ записокъ Свѣчина выносишь впечатлѣніе, будто все это случилось вскорѣ послѣ его назначенія. Но это перемѣщеніе датъ легко объясняется ошибкою памяти, что̀, какъ извѣстно, является слабой стороной всей мемуарной литературы. Здѣсь, однако, въ высшей степени замѣчательно открытое указаніе на поддержку, оказываемую Англіей планамъ Палена, и тотъ фактъ, что Паленъ принялъ на себя руководство еще въ то время, когда Панинъ былъ на службѣ.

Къ тому же Свѣчинъ, благодаря непосредственному общенію съ императоромъ въ качествѣ военнаго губернатора, вѣроятно, убѣдился, что Павелъ невмѣняемъ [1]), и это-то, должно быть, и побудило Па-

[1]) Свѣчину было поручено 16/28-го сентября 1800 г. объявить къ исполненію подъ угрозой тяжкихъ наказаній слѣдующіе старые приказы императора:

1798 года: Запрещеніе являться въ маскарадъ безъ масокъ. Запрещеніе носить фраки и жилеты, запрещеніе башмаковъ съ бантами и низкихъ сапогъ, а также высокихъ галстуковъ. Портнымъ воспрещается подъ страхомъ наказанія обработка невымоченнаго сукна, а лакеямъ и кучерамъ ношеніе перьевъ. Разрѣшеніе ѣздить по городу на дрожкахъ. Запрещеніе носить шубы всѣмъ состоящимъ на службѣ и отставнымъ офицерамъ; запрещеніе стеганыхъ шапокъ.

1799 года: Запрещеніе танцовать вальсъ. Запрещеніе носить тупей, свѣшивающійся на лобъ. Дамамъ воспрещается надѣвать черезъ плечо пестрыя ленты похожія на орденскія. Молодые люди должны всюду снимать шляпу передъ старшими. Воспрещается ношеніе короткихъ локоновъ. Маленькія дѣти не должны появляться на улицѣ безъ надзора. Цвѣточные горшки могутъ стоять въ окнахъ только за рѣшеткой. Никто не долженъ носить бакенбардовъ. Запрещаются цвѣтные воротники и обшлага. Въ театрахъ должны соблюдаться тишина и порядокъ. Кучера и форейторы не должны кричать при ѣздѣ. Всѣ ремесленники должны соблюдать срокъ, если берутъ заказъ. Женщинамъ запрещено носить синія юбки съ бѣлыми блузами и открытымъ воротомъ. Каждый отъѣзжающій долженъ быть три раза названъ въ газетахъ.

1800 года: При проѣздѣ императора каждый ѣдущій или идущій долженъ остановиться. Общественныя собранія не должны называться клубами. Штабъ-и оберъ-офицеры должны обрѣзать конецъ косички и не оставлять его висѣть. Никто не долженъ играть въ запрещенныя игры. Дворовыя собаки не должны выпускаться на улицу, а остальныя должны носить особые значки. Кто имѣетъ ордена на шинели, шубѣ и т. п., долженъ надѣвать звѣзды. Никто не долженъ ѣздить цугомъ болѣе чѣмъ въ 2 или 4 лошади. Никто не долженъ возитъ съ собою курьера. Ни одинъ портной не долженъ шить мундировъ съ высокими воротниками. Никто не долженъ ѣздить быстро. Никто изъ гражданскихъ чиновъ, состоящихъ на государственной службѣ, не имѣетъ права носить ботфорты. Запрещеніе рукоплескать въ театрѣ, пока императоръ не подастъ къ тому знака. Разрѣшеніе гражданскимъ чинамъ носить лакированные сапоги.

24-го августа 1800 г. Свѣчинъ получилъ приказаніе задержать въ русскихъ портахъ всѣ англійскіе корабли и наложить арестъ на всѣ англійскіе капиталы, а 30-го приказъ освободить и тѣ, и другіе.

13-го октября ему было поручено выслать изъ Петербурга всѣхъ ненужныхъ крестьянъ, и т. д.

лена сдѣлать свое предложеніе, такъ какъ онъ, очевидно, имѣлъ намѣреніе тогда же произвести самый переворотъ. Послѣ смѣщенія Свѣчина мы застаемъ его за дѣятельными приготовленіями. 1/13-го ноября Павелъ издалъ чреватый послѣдствіями указъ о возвращеніи въ Петербургъ лицъ, сосланныхъ въ прежніе годы царствованія. Палену удалось при помощи Жеребцовой настроить Кутайсова въ пользу этого мѣропріятія, такъ какъ она убѣдила брата своего, князя Пла-

Гр. Никита Петровичъ Панинъ.

тона, просить руки дочери Кутайсова. Тщеславный выскочка попался въ ловушку, и вмѣстѣ съ остальными ссыльными вернулись въ Петербургъ и три брата Зубовыхъ. Платонъ и Валерьянъ были назначены начальниками кадетскихъ корпусовъ, а Николай обер-шталмейстеромъ; всѣ трое были приняты императоромъ очень милостиво, а домъ Жеребцовой на Англійской набережной Невы сдѣлался центромъ, гдѣ соби-

рались руководители заговора и сочувствующіе. Но въ это-то время надъ головою Панина и разразилась долго собиравшаяся гроза. Онъ палъ жертвой своего англофильства. Павелъ узналъ изъ одной перлюстрированной депеши графа Лузи къ королю Фридриху Вильгельму III, что его вице-канцлеръ не одобряетъ принятыхъ императоромъ рѣзкихъ мѣръ противъ Англіи [1]). 15/27-го ноября Панинъ былъ уволенъ отъ своей должности и назначенъ сенаторомъ, вслѣдствіе чего руководство внѣшней политикой перешло всецѣло въ руки Ростопчина. 17-го декабря Панинъ былъ сосланъ въ свое подмосковное имѣніе Дугино; тамъ онъ и находился до восшествія Александра на престолъ [2]). Онъ не оставался безъ дѣла, такъ какъ состоялъ въ перепискѣ съ Паленомъ и Зубовыми, а также съ Александромъ и настаивалъ на скорѣйшемъ исполненіи своего предложенія. Сохранились, однако, кое-какіе намеки на то, что еще до окончательной ссылки Панина адмиралъ Рибасъ носился съ намѣреніемъ покончить съ Павломъ. Позднею осенью, во всякомъ случаѣ, не ранѣе послѣднихъ чиселъ сентября 1800 г., заболѣлъ адмиралъ Кушелевъ, и вслѣдствіе этого Рибасъ получилъ докладъ и прямой доступъ къ государю, который къ нему все больше и больше благоволилъ. «Заговорщики порѣшили, чтобы онъ воспользовался для совершенія преступленія одной изъ своихъ аудіенцій, но въ назначенный день Рибасъ заболѣлъ и вскорѣ послѣ этого умеръ». Такъ разсказываетъ графиня Головина. Она прибавляетъ, что въ бреду онъ говорилъ только о своихъ ужасныхъ намѣреніяхъ и объ угрызеніяхъ совѣсти [3]). Намѣренія

[1]) См. письмо Панина къ Крюденеру изъ Петербурга отъ 17-го ноября 1800 г., написанное химическими чернилами. Это письмо, вѣроятно, также попало въ руки императора, такъ какъ оно находится въ московскомъ архивѣ; оно, должно быть, и было причиной вторичной немилости Павла и ссылки Панина.

[2]) Письмо Беннигсена къ Фоку: «Павелъ сослалъ его въ одно изъ его имѣній, гдѣ онъ, впрочемъ, не сидѣлъ, сложа руки. Онъ сообщилъ графу Палену все, что ему удалось узнать на счетъ мнѣнія и недовольства столицы, которую можно было считать сердцемъ всего народа. Онъ совѣтуетъ торопиться, чтобы предупредить опасныя послѣдствія разочарованія и нетерпѣнія общества»... Тотъ фактъ, что Панинъ переписывался изъ ссылки съ заговорщиками, имѣетъ громадное значеніе для установки связи событій.

[3]) Рибасъ умеръ 2/14-го декабря 1800 г. Шильдеръ, не называя источниковъ, разсказываетъ объ этомъ нѣсколько иначе: «Рибасъ былъ назначенъ 12-го ноября 1800 г. товарищемъ предсѣдателя адмиралтействъ-коллегіи Голенищева-Кутузова. Благодаря болѣзни послѣдняго Рибасъ имѣлъ нѣсколько разъ случай являться къ царю съ личными докладами и очаровать его своимъ умомъ. «Sa Majesté me comble de bienveillance», писалъ Рибасъ («Его Величество осыпаетъ меня милостью»). Но по непредвидѣнной волѣ Провидѣнія Рибасу не удалось выполнить свои намѣренія, извѣстныя только ему одному. 2-го декабря 1800 г. Рибасъ умеръ. Разсказываютъ, будто Паленъ не отходилъ отъ его смертнаго одра, потому что боялся, какъ говорили, его разоблаченій». У Шумигорскаго встрѣчается ничѣмъ не оправдываемое указаніе, будто Паленъ велѣлъ убить Рибаса.

Рибаса остались его тайной. Однако, одинъ источникъ, ссылающійся на Палена, утверждаетъ, будто Рибасъ предлагалъ прибѣгнуть къ яду, какъ къ лучшему средству для устраненія Павла. Ни одна черта въ характерѣ этого человѣка не даетъ намъ права предполагать, чтобы онъ могъ остановиться передъ отравленіемъ, и если онъ думалъ дѣйствовать одинъ, то едва ли можно было выбрать другое средство. Но рѣшить этотъ вопросъ съ увѣренностью пока невозможно.

Какъ бы то ни было, послѣ смерти Рибаса и высылки Панина въ Петербургъ передъ Паленомъ встала задача заново организовать заговоръ и устранить тѣхъ, кто могъ препятствовать его намѣреніямъ. Аракчеевъ попалъ въ немилость еще 1/12-го октября 1799 г.; мы видѣли, что еще раньше, 18 марта 1798 г., ему однажды пришлось сложить всѣ свои должности, но уже въ концѣ іюля онъ былъ снова возстановленъ въ милости; на этотъ же разъ ссылка оказалась длительною, и до тѣхъ поръ, пока онъ жилъ въ своемъ имѣніи Грузинѣ, приходилось считаться только съ Кутайсовымъ и Ростопчинымъ, какъ съ безусловно преданными сторонниками Павла. Первый сталъ безвреденъ съ тѣхъ поръ, какъ за нимъ ухаживали Зубовы и Паленъ, разыгрывалъ роль друга и довѣреннаго лица; онъ могъ бы даже стать противъ воли союзникомъ, для этого нужно было использовать его зависть къ Ростопчину. Его ловкость и хитрость оставались до конца ловкостью и хитростью слуги, который ничего не способенъ видѣть дальше прихожей. Умный, энергичный Ростопчинъ былъ гораздо опаснѣе. Его эгоизмъ тѣмъ крѣпче держался за Павла, чѣмъ яснѣе онъ видѣлъ кругомъ скрытую вражду. Въ немъ говорило еще и большое политическое честолюбіе, соединеннное съ тѣмъ національнымъ честолюбіемъ, представителями котораго были впослѣдствіи Карамзинъ и Кутузовъ. Онъ былъ открытымъ врагомъ англичанъ и считалъ сближеніе съ быстро идущимъ въ гору консуломъ рѣшительно желательнымъ.

Сохранилась записка Ростопчина, написанная недѣль за 6 до паденія Панина, въ которой дѣлается попытка направить вниманіе императора на Турцію. Съ декабря 1800 г. въ Парижѣ находился генералъ Шпренгтпортенъ для того, чтобы содѣйствовать франко-русскому сближенію. Въ январѣ за нимъ послѣдовалъ вице-канцлеръ Колычевъ, вслѣдствіе чего въ Петербургѣ вся иностранная политика перешла въ руки Ростопчина. Павелъ былъ убѣжденъ, что его ожидаетъ нападеніе со стороны англичанъ и составилъ пресловутый фантастическій планъ нападенія на Индію, для того, чтобы сокрушить здѣсь англійское могущество [1]), въ то же время онъ предложилъ первому консулу взвѣсить вопросъ, не слѣдуетъ ли Франціи предпринять

[1]) Екатерина носилась съ такимъ же планомъ съ 1792 года.

что-либо противъ англійскихъ береговъ. Достовѣрно доказано, что заговорщики воспользовались грозившей войной съ Англіей, для того, чтобы еще больше возстановить общественное мнѣніе противъ царя. «Въ Петербургѣ повсюду наводили страхъ и ужасъ близкимъ появленіемъ англичанъ, бомбардировкой Кронштадта и предсказывали Петербургу неминуемую гибель для того, чтобы подготовить и безъ того недовольное общество [1])...

Хотя англійскій флотъ еще не находился въ русскихъ водахъ, тѣмъ не менѣе Павелъ его ждалъ, и въ связи съ этимъ появилось обращенное къ Пруссіи требованіе занять Ганноверъ и приказъ послу барону Крюденеру выѣхать въ случаѣ отказа изъ Берлина.

Этотъ приказъ императора былъ составленъ еще Ростопчинымъ; вскорѣ затѣмъ (20-го февраля 1801 г. по ст. ст.) Павелъ лишилъ его всѣхъ должностей, а четыре дня спустя выслалъ изъ Петербурга. Поводомъ къ этому послужила раскрытая Паленомъ и Кутайсовымъ интрига Ростопчина противъ Панина. Императоръ былъ возмущенъ тѣмъ, что Ростопчинъ обратилъ его въ орудіе личной мести, а такъ какъ онъ желалъ быть всегда справедливымъ, то не пощадилъ и своего любимца, хотя разстаться съ нимъ ему, вѣроятно, было не легко. Панинъ могъ бы тутъ вернуться въ Петербургъ, такъ какъ Павелъ велѣлъ сообщить ему черезъ генералъ-прокурора Обольянинова, что онъ ему это вполнѣ разрѣшаетъ [2]); въ высшей степени удивительно, что онъ не воспользовался этимъ дозволеніемъ. Быть можетъ, онъ предпочиталъ: не присутствовать при катастрофѣ, зная, что она предстоитъ уже въ самомъ близкомъ будущемъ, и такимъ путемъ избавиться отъ безусловно тяжкой отвѣтственности [3]).

Ростопчинъ приписывалъ свою опалу косвенному вліянію Панина. Онъ — настоящій демонъ интриги и истинный сынъ Макіавелли. Даже въ свое отсутствіе онъ продолжаетъ агитировать и, конечно, достигаетъ своей цѣли. Образовался союзъ великихъ интригановъ: Лопухинъ [4]), Куракинъ [5]), графъ Андрей [6]) и во главѣ ихъ Паленъ. «Они желаютъ прежде всего раздѣлить между собою мои должности, какъ ризы Христовы, и расчитываютъ на огромные барыши, играя въ

---

[1]) Ср. Sanglen Memoiren стр. 61.

[2]) Это произошло 16/28-го февраля, такъ что Павелъ уже тогда, вѣроятно, зналъ, что обвиненія Ростопчина противъ Панина неправильны.

[3]) Панинъ отказался вернуться въ Петербургъ подъ предлогомъ нездоровья. Брикнеръ, держащій все время сторону Панина, повидимому, вѣритъ этому.

[4]) Князь Петръ Васильевичъ, отецъ княгини Гагариной.

[5]) Князь Александръ Борисовичъ, впослѣдствіи вице-канцлеръ при Павлѣ и Александрѣ I.

[6]) Вѣроятно, графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій, русскій посолъ въ Вѣнѣ.

руку Англіи. Они видятъ во мнѣ препятствіе, хотя я исполняю только волю моего императора; а эта воля не терпитъ исключеній, и я не скрываю, что буде мы станемъ дальше поступать такъ же, какъ до сихъ поръ, то расчитывая до извѣстныхъ предѣловъ на Пруссію, мы достигнемъ для насъ новыхъ выгодъ, укрѣпимъ нынѣшнее положеніе Россіи и упрочимъ свободу торговли. При этомъ, однако, не слѣдуетъ думать о собственныхъ доходахъ, какъ это дѣлаютъ наши господа, отставные и состоящіе на службѣ, и глядѣть на священную Францію глазами эмигранта» [1]).

Это письмо Ростопчина чрезвычайно важно тѣмъ, что онъ пытается отыскать мотивы противниковъ только въ области крупной политики и, очевидно, такъ же, какъ и Кутайсовъ, не догадывается объ идущихъ полнымъ ходомъ приготовленіяхъ къ сверженію Павла. Это, конечно, показываетъ, насколько осмотрительно Паленъ сумѣлъ скрыть отъ него свою тайну, о которой знало не мало людей. Тѣмъ не менѣе, распредѣленіе Ростопчинскихъ должностей произошло такъ, какъ онъ и предвидѣлъ. Куракинъ сдѣлался вице-канцлеромъ, Паленъ членомъ-докладчикомъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и начальникомъ имперской почты. Благодаря этому онъ былъ, дѣйствительно, всесиленъ, пока могъ расчитывать на благоволеніе императора. Одинъ только генералъ-прокуроръ Обольяниновъ могъ быть для него опасенъ, но до насъ не дошло даже и намека на то, чтобы Паленъ его боялся. Вѣроятно, онъ и его успѣлъ изолировать.

Если взвѣсить всю совокупность вещей, то окажется, что теперь наступилъ подходящій моментъ для дѣйствія заговорщиковъ. Власть находилась въ ихъ рукахъ, а при ненадежности Павла каждое промедленіе могло повергнуть тѣхъ, кто въ эту минуту находился на вершинѣ, снова въ полнѣйшее ничтожество и безсиліе. Кромѣ того, все чаще и чаще проскальзывали намеки на то, что Павелъ при случаѣ относился недовѣрчиво даже къ Палену, и нужно было все его хладнокровіе и присутствіе духа, чтобы парализовать такіе порывы и въ то же время отклонять опасности, происходившія отъ одного того, что число лицъ, вполнѣ или отчасти посвященныхъ въ заговоръ, было чрезвычайно велико. Приходится поражаться, какъ много писалось и говорилось въ Петербургѣ въ эти годы страшнаго царствованія и насколько распространены были слухи о предстоящей дворцовой революціи. Широкая русская натура не знала въ этомъ отношеніи узды.

Но къ этому присоединилось еще другое обстоятельство. 6-го фе-

---

[1]) Письмо Ростопчина къ графу Воронцову отъ 17-го февраля 1801 года. Послѣднее замѣчаніе направлено противъ Панина.

враля 1801 г. по желанію Павла въ Петербургъ прибылъ его племянникъ, 13-лѣтній принцъ Вюртембергскій Евгеній,—вскорѣ послѣ того, какъ Павелъ переселился въ устроенный на подобіе крѣпости Михайловскій дворецъ вмѣстѣ со своею супругой и княгиней Гагариной, съ которой у него давно установились ничуть не платоническія отношенія. Со своею супругой Павелъ наружно еще поддерживалъ отношенія, но въ душѣ относился враждебно какъ къ ней, и такъ къ обоимъ старшимъ своимъ сыновьямъ, наслѣднику и Константину.

Теперь можно считать установленнымъ, что Паленъ не пытался сдерживать чувства императора и старался ихъ усилить, чтобы оказать этимъ путемъ давленіе на рѣшенія Александра, который все еще медлилъ съ послѣднимъ рѣшающимъ словомъ.

Бодрая, руководимая умнымъ генераломъ Дибичемъ личность принца Евгенія произвела на царя чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Онъ заключилъ мальчика въ свое сердце и увлекся имъ по своей манерѣ до того, что рѣшился сдѣлать его своимъ наслѣдникомъ. «Ему пришла въ голову,—разсказываетъ самъ герцогъ Евгеній,—странная (!) мысль заточить въ монастырь свою жену и всѣхъ дѣтей, за исключеніемъ одной только своей любимицы, великой княжны Екатерины; императрицу онъ, можетъ быть, даже думалъ предать смерти. Молодого герцога Евгенія Вюртембергскаго онъ хотѣлъ обручить со своею дочерью Екатериной, усыновить и объявить наслѣдникомъ». Мы знаемъ доподлинно, что Паленъ не скрывалъ этихъ плановъ императора. Онъ высказалъ не вовлеченному въ заговоръ флигель-адъютанту Ливену подозрѣніе, что у Павла есть намѣреніе заточить свою супругу императрицу въ монастырь, а Александра и Константина посадить въ Петропавловскую крѣпость. Говорятъ, что поводомъ къ такому рѣшенію императора послужило то, что онъ нашелъ, какъ это установлено, у Александра на столѣ Вольтеровскаго Брута.

Можно сомнѣваться, происходилъ ли въ дѣйствительности часто передаваемый разговоръ Палена съ императоромъ, во время котораго Паленъ будто бы призналъ существованіе заговора и участія въ немъ всей царской фамиліи и въ виду этого будто бы получилъ указъ, которымъ ему поручалось «заключить императрицу и обѣихъ великихъ княженъ въ монастыри, наслѣдника и его брата Константина запереть въ крѣпость, а остальныхъ заговорщиковъ подвергнуть жесточайшимъ наказаніямъ». Несмотря на тщательные поиски, такого указа до настоящаго времени неизвѣстно. Но мы знаемъ, что 10-го марта Павелъ потребовалъ черезъ генералъ-прокурора Обольянинова, чтобы оба старшихъ его сына снова принесли въ церкви присягу, и что онъ очень ясно высказалъ имъ и императрицѣ свое недовѣріе и

затаенный гнѣвъ [1]). Можно себѣ представить, что долженъ былъ чувствовать Александръ во время этой присяги. Онъ состоялъ въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ Паленомъ и первоначально условился съ нимъ, что ударъ, который передаетъ ему регентство, будетъ нанесенъ въ концѣ марта; потомъ Паленъ сталъ настаивать на ускореніи и хотѣлъ поставить срокомъ 8-е марта, но великій князь настоялъ на томъ, чтобы была выбрана ночь съ 11-го на 12-ое марта, такъ какъ тогда долженъ былъ занимать караулы во дворцѣ особенно преданный ему баталіонъ Семеновскаго гвардейскаго полка. Будущій статсъ-секретарь и министръ юстиціи Александръ Трощинскій составилъ манифестъ, который рѣшено было предложить Павлу къ подписи; немыслимо, чтобы редакція его не была представлена и великому князю; ему должно было, наконецъ, быть извѣстно, что императоръ вызвалъ черезъ курьера въ Петербургъ Аракчеева и Линднера, очевидно, съ тою цѣлью, чтобы сдѣлать изъ нихъ орудіе его плановъ, направленныхъ противъ собственной его плоти и крови.

Подъ давленіемъ опасности, несомнѣнно грозившей всѣмъ заподозрѣннымъ, Паленъ съ желѣзной рѣшимостью настоялъ на томъ, чтобы не было дальнѣйшихъ отсрочекъ. Того же настоятельно требовали какъ будто и общеполитическія дѣла. 11-го марта императоръ послалъ къ барону Крюденеру курьера съ собственноручнымъ письмомъ, въ которомъ подъ угрозой требовалъ отъ Пруссіи занятія Ганновера, и въ то же время черезъ другого курьера убѣждалъ Наполеона занять это же курфюршество, такъ что кромѣ предстоявшей англійской войны казалась неизбѣжной еще и война съ Пруссіей [2]). Все сложилось такъ, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое возраженіе со стороны Александра. А такъ какъ его нельзя было склонить на пер-

[1]) «Récit fidèle» (правдивый разсказъ) принца Евгенія. «Я предугадывалъ катастрофу, когда увидалъ со стороны императора (какъ мнѣ казалось вечеромъ 9/21-го марта) недвусмысленныя доказательства затаеннаго гнѣва по адресу императрицы и обоихъ великихъ князей Александра и Константина. Это было вѣроятно 10/22-го марта, такъ какъ, согласно камеръ-фурьерскаго журнала, принцъ Евгеній приглашался къ царскому ужину въ теченіе марта только 2-го и 11-го числа. 10-го же числа происходилъ и разговоръ Палена съ Павломъ, если только онъ не выдуманъ.

[2]) Письмо Павла находится въ архивѣ русскаго посольства въ Берлинѣ и согласно опубликованной Шильдеромъ копіи, принадлежащей князю Лобанову-Ростовскому, содержитъ слѣдующее: «Cha. Mich: ce 11 mars 1801 Dèclare Monsieur au Roi que si il ne veut pas se dècidè à occuper Hanovre vons avè à quitter la Cour dans les 24 heures». («Михайл. двор., 11 сего марта 1801. Объявите королю, что если онъ не рѣшится занять Ганноверъ, то Вамъ надлежитъ покинуть дворъ въ 24 часа»). Упоминаемой Биньономъ приписки Палена «L'Empereur ne se porte pas bien aujourd'hui» («императоръ сегодня нездоровъ»)—нѣтъ. Другія письма Павла написаны по-французски.

воначальный планъ Панина, по которому онъ долженъ былъ руководить предпріятіемъ, то Паленъ получилъ свободу дѣйствій, и такимъ образомъ случилось то, что должно было случиться.

Пересказывать подробности [убійства въ ночь 11/23-го марта не представляетъ уже историческаго интереса, разъ въ главныхъ чертахъ установлены отвѣтственности. Панинъ, Паленъ и Александръ—главные виновные, безъ нихъ не было бы вовсе дворцовой революціи. За ними идутъ братья Зубовы и генералъ Беннигсенъ. Знали объ этомъ почти всѣ выдающіеся люди Петербурга; о томъ, что готовится что-то противъ императора, знала и его супруга, императрица Марія Ѳеодоровна, знала и супруга Александра, Елизавета. Но они не знали дня и часа и не знали, какъ все произойдетъ. Насколько посвященъ былъ въ дѣло великій князь Константинъ, неизвѣстно. Сохранился разсказъ, будто онъ въ послѣднюю минуту хотѣлъ спасти царя. Во всякомъ случаѣ, онъ не былъ настолько пораженъ, какъ ему угодно было представлять въ 1826 году.

О послѣднихъ событіяхъ единственнымъ современнымъ этому факту разсказомъ участника является письмо Беннигсена къ Фоку, помѣченное еще мартомъ. 1801 г. Можно, однако, доказать, что по многимъ пунктамъ онъ говоритъ завѣдомо неправду [1]). Онъ навѣрно не былъ посвященъ только въ послѣдній моментъ, былъ и раньше однимъ изъ числа освѣдомленныхъ и на все готовыхъ. Беннигсенъ изображаетъ дѣло такъ, какъ будто онъ только случайно встрѣтилъ князя Платона Зубова, и тотъ его уговорилъ отказаться отъ предложенной поѣздки въ Литву. Онъ говоритъ, что только 11-го числа въ 10 часовъ вечера узналъ, въ чемъ, собственно, дѣло. Мыслимо ли, однако, чтобы все предусматривающій Паленъ заранѣе не привлекъ и не снабдилъ подробными указаніями то самое лицо, которому онъ предназначилъ самую главную и опасную часть задачи? Такому утвержденію противорѣчитъ уже тотъ фактъ, что Паленъ первоначально хотѣлъ произвести нападеніе 8-го. Наряду съ Паленомъ и Платономъ Зубовымъ онъ является самымъ главнымъ, хотя и однимъ изъ послѣднихъ членовъ заговора. Изъ командующихъ генераловъ удалось привлечь слѣдующихъ: Талызина, командира преображенцевъ, Депрерадовича, командира семеновцевъ, шефомъ которыхъ былъ Александръ и у которыхъ въ 1-мъ батальонѣ посвящены были въ дѣло всѣ офицеры до послѣдняго юнкера; Уварова, командира кавалергардовъ; къ нимъ же нужно присоединить обоихъ другихъ братьевъ Зубовыхъ, ген. Мансурова, полковника князя Владиміра Яшвиля изъ конно-

[1]) Противорѣчія выступаютъ особенно отчетливо, если сравнить письмо Беннигсена къ Фоку съ его разсказомъ Веделю.

гвардейской артиллеріи, генералъ-адъютанта Аргамакова, майора Татаринова и цѣлый рядъ молодыхъ офицеровъ. Сюда же относятся и сенаторы Трощинскій, Орловъ, Толстой и Чичеринъ. На собраніи у генерала Талызина 11/23-го марта 1801 г., незадолго до полуночи, были распредѣлены роли для заключительнаго акта. Генералы Талызинъ и Депрерадовичъ должны были окружить своими войсками Михайловскій дворецъ, Палену поручено было занять главную лѣстницу дворца и, когда наступитъ надлежащій моментъ, привести Александра, а Беннигсенъ съ тремя братьями Зубовыми и нѣсколькими наиболѣе отважными офицерами должны были арестовать императора въ его спальнѣ. Генералъ-адъютантъ Аргамаковъ взялъ на себя провести этихъ избранниковъ чрезъ лабиринтъ Михайловскаго дворца къ императору.

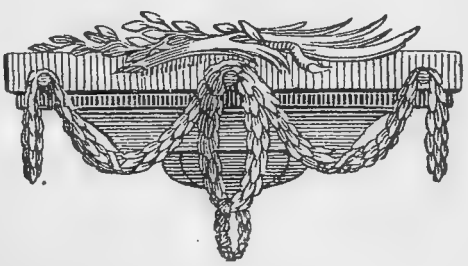
Двухъ преданныхъ несчастному императору генераловъ: Милютина изъ измайловцевъ и Кологринова изъ лейбъ-гусаръ, удерживали дома съ помощью пирушки. Генералъ Уваровъ былъ посланъ съ нѣсколькими офицерами къ Александру, чтобы удержать его дома въ рѣшительную минуту. Опасались, чтобы въ послѣдній моментъ въ немъ не заговорилъ голосъ крови и не побудилъ его спасти отца. Такія побужденія у него, дѣйствительно, явились, но ему помогли ихъ преодолѣть.

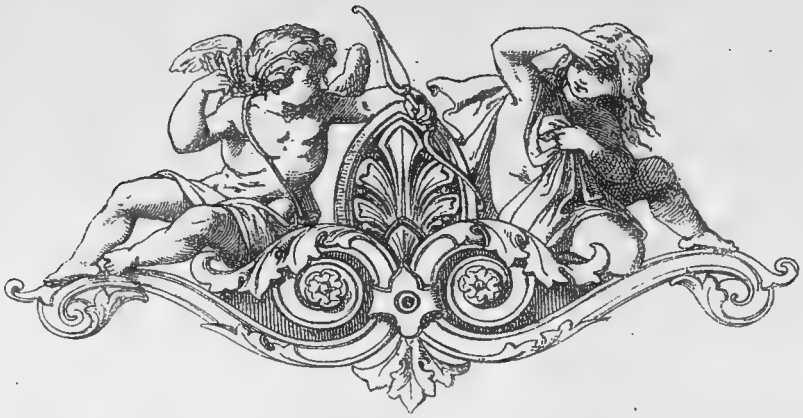
Въ это же тремя совершилась трагедія въ Михайловскомъ дворцѣ. При этомъ произошелъ рядъ случайностей, которыя могли принести царю спасеніе. Но во все точно вмѣшивался злой рокъ: его застигли врасплохъ, и онъ попался беззащитнымъ въ руки убійцъ (ими-то они и были). Беннигсенъ могъ бы его спасти, и царь не отказался подписать актъ отреченія; но Беннигсенъ не хотѣлъ и въ моментъ наибольшаго возбужденія вышелъ изъ комнаты подъ ничтожнымъ предлогомъ. Когда онъ вернулся, императоръ былъ уже мертвъ. Сильный Николай Зубовъ повалилъ его на полъ, ударилъ его золотой табакеркой въ високъ; потомъ всѣ бросились на него, а такъ какъ съ нимъ трудно было справиться, то, въ концѣ концовъ, Аргамаковъ и и князь Яшвиль задушили его шарфомъ Аргамакова. Паленъ и Платонъ Зубовъ увѣдомили Александра, теперь императора Александра, о смерти отца. Офицеры, сопровождавшіе Палена, съ криками «ура» ворвались въ комнату, гдѣ онъ ожидалъ исхода. Онъ былъ въ отчаяніи и слезахъ и ушелъ на минуту въ сосѣднюю спальню своей супруги, которая вскочила въ ужасѣ отъ дикихъ криковъ; потомъ онъ поѣхалъ, по настоянію Палена, съ Константиномъ и генераломъ Уваровымъ въ Зимній дворецъ.

Паленъ, согласно первому же приказанію Александра, увѣдомилъ о случившемся и дежурную статсъ-даму графиню Ливенъ. Очень грубо, безъ всякой подготовки. Почтенная старая дама оттолкнула

его отъ себя и, сказавши, что знаетъ свой долгъ, подошла къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Елизавета также поспѣшила къ ней. Она застала ее еще спящей, а графиню Ливенъ готовящейся ее разбудить. О томъ, что дальше было, мы, вѣроятно, никогда въ точности не узнаемъ. Императрица Елизавета такъ разсказываетъ обо всемъ происшедшемъ (13/25-го марта): «Она сошла ко мнѣ совершенно растерянной (absolement égarée), и такъ мы провели всю ночь,—она предъ запертой дверью, ведущей на потайную лѣстницу, обращаясь къ солдатамъ, которые не хотѣли ее пропустить, браня офицеровъ, подоспѣвшаго врача, словомъ всѣхъ, кто къ ней приближался. Она была въ бреду, и это вполнѣ естественно. Анна (Юлія Кобургская, супруга Константина) и я умоляли офицеровъ пропустить ее хотя бы къ ея дѣтямъ; они ссылались то на приказы (Богъ вѣсть чьи, въ такіе моменты всѣ приказываютъ!), то приводили доводы. Словомъ, безпорядокъ былъ, какъ во снѣ. Я просила совѣта, говорила съ людьми, съ которыми, можетъ быть, никогда въ жизни говорить не буду; я умоляла императрицу успокоиться, дѣлала сразу тысячу вещей, принимала сто рѣшеній. Это была ночь, которой я никогда не забуду». Мы знаемъ со словъ Беннигсена (это подтвердилъ и принцъ Евгеній Вюртембергскій), что императрица серьезно думала предъявить свои права на престолъ. Но ледяное спокойствіе и твердость Беннигсена закрыли ей всѣ пути, и ей пришлось вскорѣ убѣдиться, что никто и не помышляетъ о томъ, чтобы передать корону ей, а не Александру. Въ концѣ концовъ, она успокоилась, когда ей позволили взглянуть на убранный наскоро трупъ Павла. Но она не простила людей, которыхъ считала виновными въ томъ, что ихъ государемъ сталъ Александръ, а не она, царствующая императрица. Палена и Панина, которыхъ она справедливо считала вожаками, она преслѣдовала до самаго конца. Беннигсену она не могла вредить; его взялъ подъ свою защиту Александръ.

Александру же пришлось дальше играть роль, доставшуюся ему столь трагическимъ путемъ: передъ матерью, русскимъ народомъ и всѣмъ міромъ.





ВВЕДЕНІЕ [1]).

Насильственный конецъ царствованія императора Павла не единичное явленіе въ исторіи Россіи. Онъ замыкаетъ собою цѣлый рядъ переворотовъ, совершенныхъ въ XVIII вѣкѣ и обнаруживающихъ много общихъ чертъ. Въ такихъ случаяхъ нѣтъ и рѣчи о какой-либо борьбѣ политическихъ партій или о политической программѣ; претенденты, которые борятся за тронъ и за власть, не отстаиваютъ въ большинствѣ случаевъ даже и династическихъ правъ. На первомъ планѣ стоятъ исключительно личные интересы.

То обстоятельство, что не было установленнаго порядка престолонаслѣдія, безъ сомнѣнія, способствовало неправомѣрнымъ смѣнамъ правленія. Въ любой моментъ нѣсколько претендентовъ могли предъявить свои притязанія, а ихъ сторонники начать агитацію въ ихъ пользу. Изданныя въ отдѣльныхъ случаяхъ распоряженія о престолонаслѣдіи часто не приводились въ исполненіе. Вмѣсто женщинъ и несовершеннолѣтнихъ, которые царствовали только номинально, бразды правленія захватываютъ въ свои руки фавориты. Предначертанія умирающихъ коронованныхъ особъ во многихъ случаяхъ уничтожаются дворцовыми революціями. Мы напомнимъ о нѣсколькихъ такихъ случаяхъ.

Послѣ смерти Петра Великаго воспользовались фикціей, будто онъ оставилъ бразды правленія своей супругѣ Екатеринѣ. Никакого указа о престолонаслѣдіи не было, и вопросъ былъ рѣшенъ княземъ Меншиковымъ и нѣкоторыми другими лицами, которые въ своихъ

---

[1]) Работа профессора Брикнера давно появилась на свѣтъ, но за границею. Въ Россіи же только въ 1907 году имѣли возможность ее издать. Между тѣмъ это единственное полное изслѣдованіе о событіяхъ 11 марта и, надо сказать, на наиболѣе безпристрастное. *Г. Б.*

Фото-тинто гравюра Т-ва „Образованіе“.

ПАВЕЛЪ I СЪ СУПРУГОЙ (ГРАФЫ СѢВЕРНЫ) ВЪ ГОСТЯХЪ У АВСТРІЙСКАГО ИМПЕРАТОРА

Съ акварели, находящейся въ Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

собственныхъ интересахъ предоставили корону супругѣ императора. Кто въ надлежащій моментъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи армію, которая называла имя кандидата на тронъ, тотъ и имѣлъ успѣхъ. Но правда не Екатерина, а Меншиковъ. Ему удалось обойти незаконнорожденныхъ дочерей императрицы и возвести на престолъ малолѣтняго Петра II. Только нѣсколькихъ мѣсяцевъ потребовалось на то, чтобы обезпечить господство князю и послѣ смерти императрицы. Самовольно захваченная диктатура Меншикова окончилась тотчасъ послѣ его ссылки въ Сибирь. Вмѣсто него и малолѣтняго Петра II правили короткое время Долгорукіе.

По образцу Польши въ Россіи короной стали распоряжаться нѣсколько фамилій, которыя и отдали ее племянницѣ Петра Великаго курляндской герцогинѣ Аннѣ. Отчасти въ цѣляхъ устраненія ея фаворита Бирона отъ управленія государствомъ власть императрицы должна была быть ограничена олигархической конституціей. Но послѣдовавшій переворотъ привелъ къ противоположнымъ результатамъ: дѣйствительнымъ правителемъ страны въ теченіе десяти лѣтъ былъ Биронъ. Чтобы закрѣпить за нимъ власть и послѣ смерти императрицы Анны, императоромъ былъ объявленъ двоюродный внукъ императрицы, двухмѣсячный Іоаннъ, а Биронъ назначенъ регентомъ. Черезъ нѣсколько недѣль послѣдній палъ. Номинальное правленіе Іоанна оказалось также кратковременнымъ; по истеченіи года онъ былъ устраненъ переворотомъ Елизаветы. Въ концѣ царствованія Елизаветы поднимался, повидимому, вопросъ о кандидатурѣ Петра Голштинскаго на русскій престолъ. Если бы исполнилось желаніе императрицы, и корона перешла бы къ ея малолѣтнему двоюродному внуку Павлу, то его, безъ сомнѣнія, постигла бы такая же участь, какъ и несчастныхъ брауншвейгцевъ: Іоанна, его родителей и сестеръ. Царствованіе Петра III было также только короткой интермедіей. Онъ былъ свергнутъ своей супругой Екатериной II. Наслѣдникомъ престола считался Павелъ. Нужно думать, что его мать въ послѣдніе годы своей жизни хотѣла лишить его короны и оставить ее своему внуку Александру. Но ея планы не удались, и на престолъ вступилъ Павелъ, утаивъ, можетъ быть, завѣщаніе Екатерины. Но, если она считала Павла неспособнымъ къ управленію государствомъ, то злополучное четырехлѣтнее царствованіе этого императора вполнѣ подтвердило мнѣніе геніальной императрицы. Ея воля была, однако, выполнена, и Павелъ устраненъ отъ престола; ея завѣщаніе вступило въ силу, правда, только черезъ четыре года и иначе, чѣмъ она предполагала. Она хотѣла избавить страну отъ безсмысленнаго террора правленія Павла, и если бы ея предначертанія были выполнены, то не было бы совершено одно изъ самыхъ ужасныхъ преступленій, которыя только знаетъ исторія.

Не борьбой какихъ-либо принциповъ, а только своекорыстными интересами отдѣльныхъ лицъ вызваны были въ исторіи Россіи эти драмы, въ которыхъ милліоны подданныхъ являются только пассивными зрителями. А такъ какъ въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ объ устраненіи ненавистныхъ людей, то достаточно иниціативы нѣсколькихъ смѣльчаковъ, чтобы совершить переворотъ. И всѣ эти устраненные отъ власти, заключенные въ тюрьмы, изгнанные и убитые не находятъ никакого заступничества ни въ обществѣ, ни среди народа вслѣдствіе пассивнаго отношенія массъ и недостатка политическихъ и общественныхъ организацій. Кое-гдѣ появляются выраженія симпатіи или антипатіи. Но какой-либо склонности къ активному выступленію нѣтъ и слѣда. Нѣтъ и формы, въ которую могли бы вылиться такія выступленія. Манифестаціи общества очень скромны.

Только немногіе являются дѣйствующими лицами въ этихъ неожиданныхъ и быстрыхъ переворотахъ. Небольшое число заговорщиковъ во главѣ какой-нибудь части войска рѣшаетъ все въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Политическія учрежденія не принимаются при этомъ во вниманіе. Они совершенно механически санкціонируютъ заднимъ числомъ происшедшую перемѣну и наравнѣ съ массами подданныхъ преклоняются передъ новою властью. Всеподданнѣйшее признаніе совершившагося факта—таковъ обычный порядокъ. Отдѣльные случаи несогласія, отказа отъ присяги или протеста безъ всякаго труда и пощады наказываются и подавляются. Помимо этого все спокойно. Трагедія разыгрывается безъ участія хора.

Часто народъ совсѣмъ и не можетъ узнать подробностей такихъ событій. По характеру своему эти катастрофы протекаютъ обыкновенно за кулисами. Только случайные и отрывочные эпизоды становятся общимъ достояніемъ. Самый фактъ устраненія высокопоставленныхъ особъ дѣлается извѣстнымъ, детали происшествія остаются во мракѣ. Въ случаѣ заточенія или ссылки вліятельныхъ лицъ не всегда узнаютъ объ ихъ мѣстопребываніи; по поводу убійствъ оффиціально оповѣщаются болѣзни, какъ причины смерти. Соотвѣтствующіе манифесты старательно затемняютъ и извращаютъ обстоятельства дѣла. Для фантазіи современниковъ открывался широкій просторъ, тѣмъ болѣе, что подобныя трагедіи обыкновенно разыгрываются подъ покровомъ темной ночи. Правда и вымыселъ перемѣшиваются въ тихомъ шопотѣ по поводу таинственныхъ происшествій. Болтливость участниковъ такихъ событій приподымаетъ кое-гдѣ завѣсу тайны. Процессуальные акты застѣночныхъ судовъ могутъ намъ дать понятіе о томъ, какое высокое положеніе нужно было занимать, чтобы быть освѣдомленнымъ объ обстоятельствахъ дѣла или даже имѣть возможность судить о событіи и встать въ то или иное отношеніе къ нему.

Тѣмъ не менѣе въ общество и народъ проникало достаточно свѣдѣній, чтобы призадуматься надъ трагизмомъ измѣнчивой судьбы. Быстро смѣняя другъ друга, передъ глазами подданныхъ проходили властелины, сегодня на тронѣ или у трона, окруженные роскошью и блескомъ, а завтра на смертномъ одрѣ, въ темницѣ, въ крайней бѣдности, на пути въ холодные края Сибири.

Маленькій императоръ Іоаннъ Антоновичъ долженъ былъ перемѣнить царскую колыбель въ Петербургѣ на каменные мѣшки въ Холмогорахъ и Шлиссельбургѣ, не будучи въ состояніи даже вспомнить о своемъ дѣтствѣ на тронѣ. Его родители и сестры, воспитанные въ пурпурѣ, томились десятки лѣтъ въ тюрьмѣ. Меншиковъ, Долгорукіе, Бирон, Остерманъ, Минихъ и др., которые правили судьбами Россіи, пошли въ ссылку на дальній востокъ, какъ жалкіе преступники. Іоаннъ былъ умерщвленъ въ тюрьмѣ; Петръ III умеръ насильственной смертью въ Ропшѣ черезъ нѣсколько дней послѣ лишенія престола; еще быстрѣе пошла катастрофа съ Павломъ. Чѣмъ меньше узнавали объ обстоятельствахъ такихъ насильственныхъ устраненій, тѣмъ больше довѣрія пріобрѣтали всевозможныя легенды объ участи жертвъ этихъ дворцовыхъ революцій. Этимъ объясняется успѣхъ лжепретендентовъ, которые появлялись въ большемъ числѣ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Цѣлый рядъ лицъ выдаетъ себя за вѣроятно замученнаго пытками или, можетъ быть, даже казненнаго сына Петра Великаго царевича Алексѣя; десятки авантюристовъ присваиваютъ себѣ имя Петра III; тѣнь Іоанна встаетъ въ лицѣ одного лжепретендента, послѣ того, какъ бывшій императоръ былъ убитъ своими тюремными сторожами, и т. д. Въ появленіи и временномъ успѣхѣ такихъ обманщиковъ сказываются извѣстныя симпатіи народа къ насильственно устраненнымъ жертвамъ и еще болѣе недовольство существующимъ правительствомъ. О какомъ-либо лже-Павлѣ у насъ до сихъ поръ никакихъ извѣстій не имѣется.

При такомъ насильственномъ способѣ устраненія отъ власти жертвы очень легко могли поплатиться не только свободой, но и жизнью. Часто высокопоставленныя особы подвергались нападенію и аресту во время сна, и тогда малѣйшее сопротивленіе съ ихъ стороны могло повести къ примѣненію грубой силы и убійству. Когда въ 1740 г. долженъ былъ быть заключенъ въ тюрьму регентъ Бирон, фельдмаршалъ Минихъ, организовавшій этотъ переворотъ, отдалъ приказъ полковнику Манштейну, который ворвался въ покои регента, убить послѣдняго въ случаѣ сопротивленія съ его стороны [1]). Дѣйствіе

---

[1]) «И если окажетъ хоть малѣйшее сопротивленіе, уложить на мѣстѣ безъ всякой жалости». Манштейнъ. Вѣсти изъ Россіи. Лейпц. 1774, стр. 365.

разыгрывалось тогда почти такъ же, какъ во время смерти Павла. Разбуженный шумомъ Бирон хотѣлъ спрятаться подъ кровать. Когда его схватили, онъ сталъ отбиваться кулаками и укусилъ палецъ у солдата, который хотѣлъ ему заткнуть ротъ [1]), и т. д. Какъ легко при этомъ съ регентомъ могло случиться то же самое, что и Павла привело къ смерти. Если бы герцогъ брауншвейгскій Антонъ Ульрихъ прибѣгнулъ къ самозащитѣ, когда на него и его семью напали во время сна въ ноябрѣ 1741 года Елизавета и ея приверженцы, то дѣло очень легко могло бы дойти до убійства. Остерманъ и Минихъ, арестованные въ ту же ночь, были избиты прикладами, и жизнь ихъ подвергалась опасности. Точно также и при такой же обстановкѣ обошлись съ дядей Петра III въ 1762 году и многими другими. Такія сцены не проходятъ безъ насилія; жестокость приходится примѣнять по необходимости. Какъ бы относительно ни ограничено было число заговорщиковъ, въ ихъ распоряженіи всегда находятся вооруженные солдаты, грубая сила которыхъ легко приводитъ къ эксцессамъ.

Такіе заговоры, которые иногда могутъ быть отмѣчены какъ коллективныя преступленія, часто приводятъ къ нарушенію присяги со стороны военныхъ, участвующихъ въ дѣлѣ. Интрига отдѣльныхъ лицъ сопровождается чѣмъ-то въ родѣ солдатскаго бунта. Чтобы свергнуть существующую власть, считающую армію своей опорой, приходится прибѣгать къ тому же войску или къ той его части, которая могла бы пойти за своимъ вождемъ, нарушая служебную присягу и играя роль слѣпого орудія въ его рукахъ. Солдаты, которые въ такихъ случаяхъ исполняютъ приказанія своихъ офицеровъ, часто и понятія не имѣютъ о томъ, что они дѣлаютъ и зачѣмъ, и совершенно не сознаютъ, что совершаютъ клятвопреступленіе. При столкновеніи обязанностей они подчиняются распоряженіямъ своего непосредственнаго начальства. Не солдаты несутъ моральную отвѣтственность, хотя ихъ и ждутъ жестокія кары въ случаѣ неудачи такого мятежа [2]); измѣнниками и клятвопреступниками являются офицеры.

Во всѣхъ русскихъ государственныхъ переворотахъ гвардейскіе офицеры играютъ рѣшающую роль. Объявляя послѣ смерти Петра Великаго Екатерину I императрицей, Меншиковъ опирался на генерала Бутурлина и его армію, и это было первымъ условіемъ успѣха. Когда въ 1730 г. императрицѣ Аннѣ удалось укрѣпить абсолютизмъ

---

[1]) Докладъ Нолькена въ стокгольмскомъ архивѣ.

[2]) Когда въ 1764 году подпоручикъ Мировичъ сдѣлалъ попытку освободить изъ Шлиссельбургской крѣпости бывшаго императора Іоанна и свергнуть съ престола Екатерину II, то солдаты, которые исполняли его распоряженія, были проведены сквозь строй и сосланы на каторгу, хотя они едва ли и понять могли, въ чемъ тутъ дѣло было.

и положить конецъ олигархическимъ попыткамъ ограничить самодержавіе, то рѣшили дѣло въ пользу императрицы тѣ же гвардейскіе офицеры своими шумными требованіями самодержавія [1]). Содѣйствіе небольшого военнаго отряда, которому было поручено подъ искуснымъ предлогомъ арестовать въ 1741 г. регентшу Анну, обезпечило престолъ за принцессой Елизаветой. Для характеристики той легкости, съ которой совершаются государственные перевороты въ Россіи, можно указать на замѣчаніе саксонскаго посла Пецольда, сдѣланное имъ непосредственно послѣ восшествія на престолъ Елизаветы: «Всѣ русскіе признаютъ, что при помощи отряда гренадеровъ, погреба съ водкой и нѣсколькихъ мѣшковъ съ деньгами можно сдѣлать все, что угодно» [2]). При содѣйствіи гвардейскихъ офицеровъ Екатерина II свергла съ престола въ 1762 г. своего супруга. Были, впрочемъ, солдаты, которые остались вѣрными своей присягѣ, принесенной императору Петру III, и готовы были бороться за него. Нѣкоторое время можно было ожидать кроваваго столкновенія между частями войскъ. Но совершившійся фактъ восшествія на престолъ Екатерины и жалкое поведеніе Петра III уничтожили опасность [3]). Точно также были и въ 1801 г. части войскъ, которыя вступились бы за Павла, если бы его смерть не прекратила бы вмѣстѣ съ тѣмъ его правъ и притязаній.

Быстрота и рѣшительность въ проведеніи плана вмѣсто нравственныхъ колебаній и юридическихъ размышленій обычное явленіе въ такихъ кризисахъ. Грубый солдатъ выступаетъ вмѣсто политическаго учрежденія. Такъ какъ у государственной машины недостаетъ предохранительныхъ клапановъ, то взрывъ неизбѣженъ. Чѣмъ меньше готовности выступить на защиту права и законности, тѣмъ острѣе протекаетъ болѣзнь государственнаго организма. При полномъ безучастіи подданныхъ нѣтъ и заступничества въ пользу устраняемыхъ отъ власти; поэтому кризисы не требуютъ многочисленныхъ жертвъ. Сравнительно небольшое число недовольныхъ кончаютъ свою жизнь въ застѣнкѣ, и этимъ дѣло кончается. Опасность гражданской войны совершенно исключена. Неорганизованность народа мѣшаетъ распространяться потрясенію, которое появилось въ центрѣ. Оповѣщеніе о смѣнѣ лицъ принимается спокойно, и все остается попрежнему.

Но эта легкость, съ которой инсценируются такія драмы, оказываютъ тѣмъ же не менѣе деморализующее вліяніе. Новые властелины, которые послѣ достигнутаго успѣха въ свою очередь опираются на

---

[1]) См. А. Брикнеръ. Восшествіе на престолъ императрицы Анны въ 1730 г. по монографіи Корсакова о томъ же предметѣ. «Русское Обозрѣніе», т. XX, стр. 36.

[2]) Германнъ. Исторія русск. государства, IV, стр. 685.

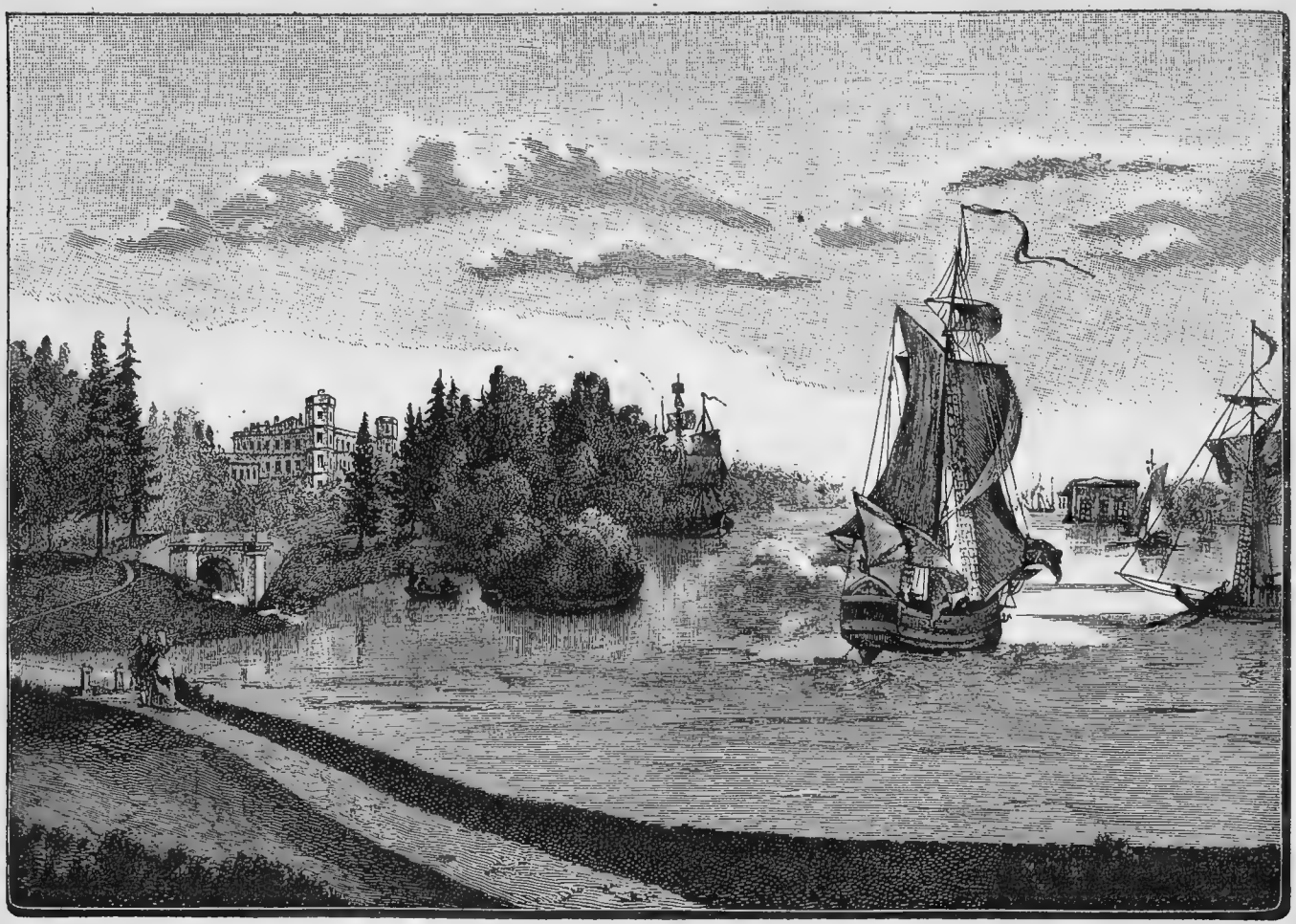
[3]) См. А. Брикнеръ. Екатерина II, стр. 98 и д.

войска и приводятъ ихъ къ присягѣ, сознаютъ ненадежность вооруженной силы и не довѣряютъ своимъ союзникамъ. Послѣ паденія Бирона, Анна Леопольдовна, сильно опасаясь, чтобы фельдмаршалъ Минихъ, арестовавшій съ ея согласія регента, не расправился такимъ же способомъ и съ ней, и это скоро привело къ паденію Миниха. Вышеупомянутое замѣчаніе Пецольда показываетъ, что послѣ восшествія на престолъ Елизаветы считали возможнымъ повтореніе такихъ дѣйствій, хотя бы въ интересахъ только что низложенныхъ брауншвейгцевъ. Каждый такой кризисъ сопровождался уголовными процессами, потому что находились люди, которые готовы были послѣдовать указанному примѣру и предпринять что-нибудь подобное. Поэтому всякое новое правительство вынуждено было дебютировать террористическими мѣрами: такъ поступали регентъ Бирон, императрица Елизавета и даже Екатерина. Примѣръ удачнаго предпріятія 1762 г., легкость низложенія Петра III побудила поручика Мировича предпринять точно такой же шагъ въ интересахъ шлиссельбургскаго узника. Только ловкости было проявлено меньше въ самомъ проведеніи плана. Но проектъ неудавшагося государственнаго переворота 1764 г. и цѣль его всѣми своими чертами напоминаютъ удавшійся переворотъ 1762 года.

Проложивъ путь къ трону императрицѣ Екатеринѣ, Орловъ будто бы хвастался, что онъ можетъ точно также поступить и противъ нея. Такія же слова приписываютъ и графу Палену, главному виновнику насильственнаго низложенія Павла. Его считали способнымъ къ повторенію такихъ переворотовъ. Супруга Павла была такого же мнѣнія о немъ. Александръ считалъ свое положеніе ненадежнымъ, и его отношенія къ графу Панину обнаруживаютъ эти опасенія. Если свергнутое правительство почувствовало вдругъ у себя въ боку тотъ самый штыкъ, на который оно опиралось, то и смѣнившее его правительство могло дожить до того же самаго. Всегда находились претенденты, за мнимыя или дѣйствительныя права которыхъ могла вступиться группа гвардейскихъ офицеровъ. Почему послѣ восшествіа на престолъ Екатерины I не могъ такимъ же путемъ быть объявленъ императоромъ Петръ II. О кандидатурѣ Елизаветы на тронъ въ военныхъ кругахъ говорили еще въ предыдущее царствованіе задолго до переворота 1741 г. Въ 1749 г. офицеръ Батуринъ попытался сдѣлать для Петра Голштинскаго то же самое, что за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ группой офицеровъ и солдатъ было сдѣлано для Елизаветы. Такъ какъ въ первые годы царствованія Екатерины не всѣ вѣрили въ смерть Петра III, то въ виду этого появились претенденты, которые пользовались его именемъ и собирали вокругъ себя бунтовщиковъ. На жизнь Екатерины составлялись заговоры, чтобы помочь взой-

ти на престолъ ея сыну Павлу. Удавшееся низложеніе Павла въ пользу Александра могло, вѣроятно, быть предпринято и для императрицы—матери Маріи Ѳеодоровны, тѣмъ болѣе, что въ первый моментъ послѣ освобожденія трона она, повидимому, склонна осуществить свои права.

Отсюда видно, что событія 1801 г., изложенію которыхъ посвящена наша книга, обнаруживаютъ поразительное сходство съ различными переворотами 18 вѣка. Изъ сопостановленія съ соотвѣтствующими эпизодами предыдущихъ временъ смерть Павла становится для насъ болѣе понятной, какъ патологическое явленіе въ государственной жизни страны.



Гатчинскій дворецъ въ концѣ XVIII вѣка.
Съ гравюры Ухтомскаго, исполненный по рисунку съ натуры Щедрина.

Источники.

Едва ли можно надѣяться, что въ государственномъ архивѣ окажется очень много матеріала о мартовскомъ эпизодѣ 1801 г. Вполнѣ естественно, что русское правительство не могло быть расположено опубликовывать подробности насилія, совершеннаго надъ монархомъ. Наоборотъ, въ своемъ оффиціальномъ оповѣщеніи государственная власть старается затушевать обстоятельства дѣла. Никто изъ исполнителей и ихъ сообщниковъ не былъ отданъ подъ судъ. Главныя дѣйствующія лица: Паленъ, Панинъ, Александръ, составившіе планъ низложенія Павла, руководили проведеніемъ его въ жизнь. Только нравственная отвѣтственность за происшедшее падала на нихъ, такъ какъ ни къ какой другой отвѣтственности они привлечены не были. Даже отставка Палена и Панина и ихъ высылка изъ столицы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послъ смѣны правленія, событія, находившіяся въ тѣсной связи съ Павловской катастрофой, не дали никакого повода къ разслѣдованіямъ, слѣды которыхъ можно было бы открыть въ архивныхъ матеріалахъ.

Но если трудно собрать достаточно свѣдѣній объ этомъ фактѣ въ русскихъ государственныхъ бумагахъ, то и въ депешахъ иностранныхъ пословъ, пребывавшихъ тогда въ Петербургѣ, нельзя найти много новаго. О подготовленіи заговора дипломаты, разумѣется, мало что могли знать. Во всякомъ случаѣ, больше, чѣмъ другіе, могъ быть объ этомъ освѣдомленъ англійскій посолъ Уитвортъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ сестрѣ Зубовыхъ г-жѣ Жеребцовой. Между тѣмъ Уитвортъ за нѣсколько мѣсяцевъ до перемѣны трона сдѣлался жертвой деспотическаго произвола Павла и совершенно неожиданно долженъ былъ покинуть Петербургъ вмѣстѣ со многими другими послами. Такъ какъ такая же участь постигла и многихъ другихъ дипломатовъ, то составъ дипломатическаго корпуса очень сильно сократился. Тѣ, которые находились въ Петербургѣ, какъ, напр., шведскій посолъ Стедингъ, въ первый моментъ повѣрили, что Павелъ умеръ будто бы отъ апоплексическаго удара, и только нѣсколько позже получили возможность узнать, какъ въ дѣйствительности происходило дѣло. Узнали, впрочемъ, довольно много, какъ это видно изъ упоминаемыхъ нами далѣе записокъ саксонскаго резидента Розенцвейга.

Особенно цѣнны для изслѣдованія вопроса тѣ свѣдѣнія, которыя можно получить непосредственно отъ самихъ участниковъ дѣла. Исто-

рику предоставляется возможность какъ бы подвергнуть допросу виновныхъ. Затѣмъ выступаютъ свидѣтели, которые подробно излагаютъ все, что они видѣли и слышали. Такимъ образомъ удается собрать довольно богатый матеріалъ, который напоминаетъ протоколы уголовнаго судопроизводства.

Все, что было высказано въ интимной бесѣдѣ о трагическомъ событіи Паленомъ, Беннигсеномъ и даже императоромъ Александромъ, проникало постепенно въ историческую литературу. Собранные и сгруппированные разсказы эти даютъ возможность широко охватить весь ходъ дѣла. Точно такъ же, какъ и на судѣ, гдѣ судьи и присяжные на основаніи свидѣтельскихъ показаній выносятъ свой приговоръ.

Мы приводимъ главныя сочиненія по этому вопросу въ порядкѣ ихъ появленія.

Эту серію начинаетъ Тьеръ своимъ извѣстнымъ произведеніемъ: «Histoire du consulat et de l'empire», которое появилось болѣе полстолѣтія тому назадъ. Онъ разсказываетъ о смерти Павла по двумъ источникамъ. Первый изъ нихъ — докладъ «очень хорошо освѣдомленнаго лица», составленный для берлинскаго двора и сообщенный затѣмъ первому консулу Наполеону. Второй источникъ — разсказъ французскаго эмигранта, который былъ лично знакомъ съ Беннигсеномъ и Паленомъ и узналъ отъ нихъ очень важныя подробности происшествія. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій неизвѣстно было, кто этотъ эмигрантъ, пока въ послѣднее время не выяснилось, что это не кто иной, какъ извѣстный графъ Ланжеронъ, который много лѣтъ (1790—1831) провелъ въ русской службѣ. Его записки о Россіи, заполненныя главнымъ образомъ исторіей войнъ, составляютъ шесть фоліантовъ и хранятся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что Тьеръ имѣлъ въ виду этотъ источникъ.

Ланжерона не было въ Петербургѣ во время катастрофы, но онъ позже могъ подробно услышать о ней. Въ это время онъ жилъ въ литовскомъ мѣстечкѣ Кобринѣ, Ковенской губерніи, гдѣ стоялъ его полкъ. О смѣнѣ правленія онъ услышалъ вскорѣ послѣ убійства Павла, но не могъ узнать, какъ, дѣло произошло [1]). Въ 1804 году Ланжеронъ посѣтилъ графа Палена, который жилъ въ Митавѣ, и заставилъ его разсказать себѣ всю исторію этого акта. То же самое

[1]) Вспоминая объ этомъ событіи въ 1826 году, Ланжеронъ пишетъ: «Förster, Miloradowitch et moi, nous sommes peut-être en Russie les seuls individus, qui l'aient sincérement pleuré». (Во всей Россіи можетъ быть и было только три человѣка,—Ферстеръ, Милорадовичъ и я—которые его искренно оплакивали). Парижскій архивъ.

случилось нѣсколько лѣтъ спустя съ графомъ Беннигсеномъ, котораго Ланжеронъ очень близко зналъ и высоко цѣнилъ, какъ талантливаго человѣка. Беннигсенъ также очень подробно изложилъ ходъ событія. Въ 1826 г. Ланжеронъ встрѣтился въ Варшавѣ съ великимъ княземъ Константиномъ, который въ свою очередь очень обстоятельно разсказалъ ему, какимъ путемъ въ 1801 г. было установлено новое правительство, и что онъ, великій князь, лично пережилъ и узналъ при этомъ. Записавъ въ свое время, когда у него состоялись бесѣды съ Паленомъ и Беннигсеномъ, разсказы этихъ двухъ главныхъ заговорщиковъ, Ланжеронъ точно также поступилъ и съ разсказомъ великаго князя Константина. Такимъ образомъ и появилось сочиненіе Ланжерона: «De la mort de Paul I» (О смерти Павла), рукопись котораго хранится среди его бумагъ въ Парижскомъ архивѣ и была использована въ свое время Тьеромъ. Недавно оно было напечатано въ довольно полномъ видѣ виконтомъ де-Груши въ «Revue Britannique» (за іюль 1895 года).

Беннигсену затѣмъ еще разъ пришлось высказаться по этому поводу. Въ 1860 году появилась въ издаваемомъ Зибелемъ журналѣ (III т.) статья подъ названіемъ: «Убійство императора Павла». Неизвѣстный тогда авторъ дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе въ своемъ введеніи: «Намъ казалось неудобнымъ въ настоящій моментъ указать отдѣльно всѣ источники, изъ которыхъ было заимствовано предлагаемое описаніе переворота; это можно будетъ сдѣлать только спустя нѣкоторое время. Здѣсь мы должны ограничиться указаніемъ, что въ основаніе нашей работы положенъ отрывокъ изъ рукописи мемуаровъ графа Беннигсена, и что весь нашъ разсказъ составленъ по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были непосредственно сообщены лицами, близко стоявшими тогда къ русскому двору и къ этимъ событіямъ. Авторомъ статьи, какъ нѣсколько позже выяснилось, былъ не кто иной, какъ Теодоръ Бернгарди, который воспроизвелъ въ основныхъ чертахъ содержаніе этой монографіи въ своей «Исторіи Россіи» (II, 2, стр. 431 и д.). Къ сожалѣнію, изъ этой рукописи мемуаровъ Беннигсена ничего больше въ литературѣ не появлялось. О судьбѣ этихъ мемуаровъ существуютъ анекдотическіе разсказы, достовѣрность которыхъ остается подъ сомнѣніемъ [1]).

Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть о томъ, что Бернгарди ограничивается такимъ краткимъ указаніемъ на свои источники, и остается неизвѣстнымъ, какія данныя исходятъ отъ Беннигсена и какія основаны на другихъ показаніяхъ, хотя бы частью и устно сообщенныхъ.

[1]) См. ст. Иды фонъ- Штеймбергъ Барфельде: «Кто былъ воръ?» въ журналѣ «Ueber Land und Meer», 1875, № 23 и замѣтки по этому поводу Семевскаго въ журналѣ «Русская Старина», 1876, II, 385 и д.

Въ 1865 появились въ англійскомъ журналѣ «Fraser's Magazine» for town and country (за августъ и сентябрь) записки русскаго генерала Саблукова подъ заглавіемъ: «Remembrances of the Court and Times of the Emperor Paul. I of Russia». Авторъ въ короткое время сдѣлалъ карьеру на военной службѣ, еще будучи сравнительно молодымъ человѣкомъ, особенно выдвинувшись въ царствованіе Павла. Въ 1801 году онъ занималъ постъ полковника въ кавалерійскомъ полку, который всегда пользовался особеннымъ довѣріемъ императора Павла и его супруги, и шефъ котораго—великій князь Константинъ былъ очень расположенъ къ автору этихъ мемуаровъ. Саблуковъ былъ свидѣтелемъ всего того, что происходило въ Михайловскомъ дворцѣ наканунѣ катастрофы, имѣлъ случай нѣсколько разъ разговаривать съ императоромъ Павломъ непосредственно передъ его смертью, явился ночью тотчасъ послѣ убійства на мѣсто преступленія, сообщаетъ о своихъ бесѣдахъ съ великимъ княземъ, Паленомъ и др. и имѣетъ такимъ образомъ возможность дать много новыхъ и интересныхъ подробностей о ходѣ дѣла. Правда, авторъ редактировалъ свои очерки очень поздно въ 1840—1847 гг. въ Англіи, Карлсруе и Петербургѣ, но нужно предположить, что онъ воспользовался при этомъ ранѣе составленными замѣтками. Такъ, напримѣръ, къ очеркамъ приложены планы царскихъ покоевъ въ Михайловскомъ дворцѣ, а это оказываетъ очень существенную помощь при изслѣдованіи деталей происшествія. Благодаря той роли, которую онъ игралъ при дворѣ, Саблуковъ очень хорошо былъ освѣдомленъ о положеніи Павла и его приближенныхъ. Его отецъ принадлежалъ къ жертвамъ гнѣва душевно-больного монарха. Несмотря на это, онъ оставался вѣрнымъ императору и осуждалъ способъ дѣйствій заговорщиковъ. Саблуковъ былъ очень образованный человѣкъ, много разъ бывалъ въ Западной Европѣ, и писалъ свои мемуары на англійскомъ языкѣ. Только часть этихъ мемуаровъ была напечатана на русскомъ языкѣ въ историческомъ журналѣ «Русскій архивъ».

Главный виновникъ катастрофы графъ Паленъ, обстоятельныя показанія котораго въ бесѣдѣ съ Ланжерономъ въ 1804 г. были уже раньше упомянуты, имѣлъ случай еще разъ очень откровенно и безъ всякой утайки высказаться по этому поводу и притомъ очень скоро послѣ разыгравшейся трагедіи, именно въ разговорѣ съ барономъ Гейкингомъ. Записки послѣдняго, составленныя на французскомъ языкѣ, появились въ извлеченіяхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на нѣмецкомъ языкѣ въ изданіи Фр. Бинемана. Воспроизведеніе разсказа Палена и его мнѣнія о неизбѣжности катастрофы и заслугахъ ея организатора имѣютъ очень большую цѣнность.

Въ гораздо меньшей степени, чѣмъ Паленъ, былъ расположенъ

говорить о событіи и своемъ участіи въ немъ графъ Никита Петровичъ Панинъ. Занимая въ 1800 году постъ вице-канцлера, онъ составилъ планъ регентства, чтобы уменьшить бѣдствія злосчастнаго правленія Павла, и дѣйствовалъ при этомъ въ согласіи съ великимъ княземъ Александромъ. Въ концѣ 1800 г. онъ вмѣстѣ со многими другими высокопоставленными чиновными лицами былъ высланъ императоромъ, и его во время катастрофы въ Петербургѣ не было. Онъ очень рѣшительно и рѣзко порицалъ насильственный образъ дѣйствій заговорщиковъ и не принималъ ни малѣйшаго участія въ преступленіи. Онъ точно такъ же былъ удаленъ затѣмъ императоромъ Александромъ, какъ и Паленъ и Зубовы. Въ изданномъ на русскомъ языкѣ многотомномъ сочиненіи А. Брикнера: «Матеріалы къ біографіи графа Н. П. Панина» (С.-Петербургъ, 1888—1892) событія конца царствованія Павла приведены съ большими пробѣлами по независящимъ отъ автора обстоятельствамъ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь можно узнать очень многое объ этой драмѣ и въ особенности о томъ, какъ составленные Панинымъ и Александромъ проекты регентства постепенно уступали мѣсто планамъ Палена, Беннигсена и др. положить конецъ царствованію и жизни Павла. На это обстоятельство большое вниманіе уже обратилъ Бернгарди. Теперь же можно сдѣлать существенныя дополненія на основаніи данныхъ, опубликованныхъ по порученію внучки Панина, княгини М. Мещерской.

Впрочемъ, Панину пришлось уже однажды еще раньше высказаться по поводу Павловской катастрофы. Въ сочиненіи, опубликованномъ подъ заглавіемъ: «Тайныя исторіи и загадочныя личности. Сборникъ неизвѣстныхъ или забытыхъ достопримѣчательныхъ документовъ, изданныхъ Фридрихомъ Билау» (Лейпцигъ, 1850, т. I, стр. 58 и д.), имѣется описаніе государственнаго переворота 1801 года, гдѣ очень важныя анекдотическаго характера подробности сопровождаются слѣдующимъ замѣчаніемъ: «Эти детали лично сообщены автору этихъ записокъ умершимъ въ началѣ 1837 года графомъ Панинымъ». Авторомъ изданныхъ въ сборникѣ «Тайныя исторіи и пр.» записокъ является саксонскій резидентъ Розенцвейгъ, рукопись котораго хранится въ Дрезденскомъ архивѣ и недавно была напечатана въ журналѣ: «Aus alle Zeiten und Landen» (Брауншвейгъ 1882, октябрь). Такъ какъ главное содержаніе этихъ записокъ Розенцвейга уже было приведено въ книгѣ «Тайныя исторіи и пр.», что осталось неизвѣстнымъ для новаго издателя, то такое заглавіе, какъ «Впервые публикуемыя подлинныя записки саксонскаго посла Карла Фридриха Розенцвейга», нельзя назвать корректнымъ. Впрочемъ, описаніе, сдѣланное этимъ дипломатомъ, по интереснымъ подробностямъ, по своей обстоятельности и основательности можетъ быть поставлено рядомъ съ разсказомъ Ланжерона.

Послѣ болѣе или менѣе обстоятельныхъ показаній о событіи Палена, Беннигсена, Панина и др. особенно интересно выслушать бывшаго тогда наслѣдникомъ престола и одного изъ главныхъ соучастниковъ этой трагедіи императора Александра. Богатый въ этомъ отношеніи матеріалъ даютъ мемуары его близкаго друга князя Адама Чарторыйскаго, появившіеся въ двухъ томахъ въ 1887 году въ Парижѣ. Во время переворота Чарторыйскаго въ Россіи не было, и онъ былъ приглашенъ въ Петербургъ Александромъ вскорѣ послѣ своего восшествія на престолъ. Молодого императора онъ нашелъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Преслѣдуемый угрызеніями совѣсти онъ въ разговорахъ своихъ неизмѣнно возвращался къ темѣ о катастрофѣ. Изъ очень краткой передачи разговоровъ Александра въ мемуарахъ Чарторыйскаго можно видѣть, что великій князь не ожидалъ такого насильственнаго исхода и былъ глубоко потрясенъ тѣми послѣдствіями, къ которымъ привелъ составленный имъ сообща съ Панинымъ и Паленомъ планъ регентства. Этотъ источникъ имѣетъ, понятно, огромное значеніе. Здѣсь подтверждаются главнымъ образомъ тѣ свѣдѣнія, которыя намъ извѣстны, въ особенности все то, что мы знаемъ о поведеніи Панина по его бумагамъ. Большой интересъ представляютъ также имѣющіяся въ мемуарахъ Чарторыйскаго указанія объ удаленіи Палена и Панина отъ двора. Душевныя настроенія Александра, его мнительность находятъ здѣсь очень яркое выраженіе.

Таковы главные источники, которые даютъ возможность воспроизвести это событіе со многими подробностями черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ оно произошло. Многократно поднимавшійся вопросъ о виновности Александра можетъ быть теперь очень легко рѣшенъ на основаніи показаній участниковъ дѣла съ указаніемъ на смягчающія обстоятельства. Въ особенности умаляютъ его вину свѣдѣнія о невыносимомъ положеніи, которому нужно было положить конецъ, во что бы то ни стало. Опасность, которая угрожала всѣмъ окружающимъ и общественному порядку, принимала такіе размѣры, что насиліе надъ Павломъ могло быть совершено въ интересахъ самозащиты. Рѣшительныя мѣры должны были считаться патріотическимъ дѣломъ. И, дѣйствительно, переворотъ 1801 г. болѣе, чѣмъ какой-либо другой, можетъ быть названъ спасительнымъ актомъ. Очень хорошо извѣстное намъ изъ другихъ источниковъ отношеніе широкихъ общественныхъ круговъ къ извѣстію о происшедшемъ событіи вполнѣ оправдываетъ замыслы главныхъ виновниковъ: Панина, Палена и Александра. Только жестокость, съ которой ихъ планы были выполнены, сильно компрометируетъ Палена, Беннигсена, Зубовыхъ и другихъ, хотя первые двое и не принимали непосредственнаго участія въ кровавой сценѣ.

Изъ другихъ источниковъ, которые рисуютъ намъ общее положеніе дѣлъ, самымъ цѣннымъ для насъ является «Архивъ князя Воронцова». Въ 38 томахъ этого изданія намъ преимущественно приходится имѣть дѣло съ частной перепиской высокопоставленныхъ лицъ и другихъ особъ, которыя играли роль при русскомъ дворѣ въ царствованія Елизиветы, Екатерины, Павла и Александра. Такія письма рисуютъ

Гр. Николай Александровичъ Зубовъ.

намъ текущія явленія жизни гораздо ярче, чѣмъ записки въ видѣ мемуаровъ. Интимное общеніе между друзьями глубоко вскрываетъ намъ дѣйствительное положеніе страны и даетъ цѣлый рядъ мнѣній о событіяхъ и лицахъ. Благодаря обилію этихъ мнѣній и ихъ разнообразному происхожденію мы легко можемъ ихъ провѣрять. Какое

бы значеніе не имѣли для такихъ сужденій личные интересы, субъективныя настроенія, временныя симпатіи или антипатіи, ихъ многочисленность, все-таки, представляетъ намъ великолѣпный регуляторъ для критики источниковъ. Если люди различныхъ характеровъ, никакого понятія другъ о другѣ не имѣвшіе, въ своихъ откровенныхъ изліяніяхъ своимъ друзьямъ единогласно подтверждаютъ, что общее состояніе въ концѣ царствованія Павла было совершенно невыносимо, то такое единодушіе является обстоятельствомъ, смягчающимъ вину организаторовъ катастрофы. Если когда-нибудь будетъ написана исторія царствованія императора Павла, то «Архивъ князя Воронцова» будетъ служить для нея главнымъ источникомъ. Здѣсь передъ нами говорятъ министры, посланники, придворные, чиновники. Ихъ интимныя письма, въ значительномъ числѣ написанныя лимоннымъ сокомъ и химическими чернилами, показываютъ, что въ данномъ случаѣ имѣли дѣло съ душевнобольнымъ монархомъ, и что въ общихъ интересахъ было непремѣнной обязанностью устранить или обезвредить его. Если сановники, какъ графъ Панинъ, Кочубей, Воронцовъ, Завадовскій, Бутурлинъ и наблюдатели, какъ Николаи, Роджерсонъ, Гриммъ, Алексѣй Орловъ, Татищевъ и другіе вполнѣ единодушны въ этомъ пунктѣ, то этотъ матеріалъ производитъ впечатлѣніе обвинительнаго акта противъ жертвы катастрофы и оправдательнаго приговора для его виновниковъ. Патологическому состоянію, въ которомъ находились императорская фамилія, дворъ, правительственная машина и все государство, долженъ былъ быть положенъ конецъ. Крайне прискорбно, что вслѣдствіе недостатка предохранительныхъ клапановъ оказался неизбѣжнымъ такой ужасный кризисъ, тогда какъ въ другихъ странахъ подобные психозы у самыхъ высокопоставленныхъ особъ приводили только къ назначенію регентовъ.

Такого же характера, хотя и не столь поучительнаго свойства для сужденія объ общемъ положеніи, и вышеупомянутые «Матеріалы для біографіи графа Н. П. Панина», недавно изданная на французскомъ языкѣ біографія графа Андрея Разумовскаго съ приложеніями и другіе источники, которые въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ будутъ упомянуты въ этой книгѣ.

Фото-тинто гравюра Т-ва „Образованіе“.

Княгиня Гагарина, урожд. Лопухина.

I.

Общее положеніе передъ переворотомъ.

I. Жалобы государственныхъ людей.

ъ бытность свою великимъ княземъ Павелъ часто осуждалъ поведеніе своей матери. Такъ, напр., въ 1773 году онъ писалъ своему близкому другу графу Андрею Разумовскому, имѣя въ виду Екатерину, что императрица постоянно ищетъ развлеченій и требуетъ отъ всѣхъ безпрекословнаго подчиненія своей волѣ [1]). Онъ высказываетъ при этомъ такую общую мысль: «Въ частной жизни государей очень часто бываютъ такія несчастія. Вдали отъ той обстановки, гдѣ приходится считаться также и съ чужими интересами, они думаютъ постоянно только о своихъ удовольствіяхъ. Не зная границъ своей волѣ и своимъ капризамъ, они убѣждены, что имъ все позволено, и заставляютъ всѣхъ другихъ преклоняться передъ ними. Но у этихъ другихъ есть глаза и собственная воля: изъ одной обязанности повиноваться они не могутъ настолько ослѣпнуть, чтобы не понимать

[1]) «Elle veut tout conduire à sa guise».

что воля волей, а капризы капризами [1]); то, что нравится одному, не нравится другому» [2]).

Какъ-то странно слышать такое зрѣлое и безпристрастное сужденіе объ опасностяхъ, угрожающихъ монарху, какъ таковому, изъ устъ юноши, которому болѣе, чѣмъ многимъ другимъ суждено было испытать на своемъ собственномъ характерѣ деморализующее вліяніе указываемой имъ обстановки. И тѣмъ болѣе эти мысли заслуживаютъ вниманія, что онѣ были высказаны Павломъ по адресу его матери. Изъ сравненія ихъ обоихъ очень выигрываетъ Екатерина. Оба сравнительно поздно достигли трона; оба жили въ неблагопріятныхъ условіяхъ передъ полученіемъ въ свои руки власти; но различіе въ развитіи ихъ характеровъ бросается въ глаза. Только хорошими природными задатками можно объяснить, что неограниченная власть не развила въ Екатеринѣ никакихъ деспотическихъ наклонностей, такъ какъ до восшествія на престолъ она пережила много горькихъ испытаній и разочарованій и съ тѣмъ большимъ увлеченіемъ должна была наслаждаться своимъ новымъ положеніемъ. Между тѣмъ ея сынъ, который послѣ долголѣтнихъ ожиданій достигъ, наконецъ, власти, за былъ всякую мѣру, не зналъ никакихъ границъ и своими султанскими прихотями и деспотическимъ произволомъ очень скоро привелъ къ катастрофѣ. Успѣхъ и благопріятная внѣшняя обстановка дѣйствовали облагораживающимъ образомъ на темпераментъ Екатерины. Дурныя черты характера Павла получаютъ дальнѣйшее развитіе на новой почвѣ.

Разсказываютъ о нѣкоторыхъ выраженіяхъ Павла во время его восшествія на престолъ. Возвращаясь изъ Гатчины, гдѣ онъ получилъ извѣстіе о смертельной болѣзни императрицы, онъ во время приближенія къ столицѣ казался очень взволнованнымъ, тронутымъ до слезъ. Его задушевный другъ Ростопчинъ схватилъ его за руку и воскликнулъ: «Какой моментъ для васъ, государь!» Крѣпко пожимая руку Ростопчину, Павелъ отвѣтилъ: «Обождите, мой милый. Мнѣ 42 года. Господь былъ милостивъ ко мнѣ; онъ мнѣ дастъ, можетъ быть, силы и ума, чтобы оказаться достойнымъ того положенія, которое онъ мнѣ предназначилъ. Будемъ надѣяться на благость Его» [3]). Совершенно иначе онъ высказался о своей миссіи въ Россіи на нѣсколько лѣтъ раньше: «Я не знаю, придется ли мнѣ взойти на тронъ. Но если мнѣ

---

[1]) «Que les volontés sont des volontés et que les caprices sont toujours caprices».

[2]) См. изданное на французскомъ языкѣ А. Брикнеромъ сочиненіе Васильчикова «Семья Разумовскихъ», Галле, 1893, II, 1 часть, стр. 14.

[3]) См. записки Ростопчина о восшествіи на престолъ Павла въ Архивѣ князя Воронцова, т. VIII, стр. 164.

суждено будетъ получить власть въ свои руки, то не удивляйтесь тому, что я буду дѣлать. Вы знаете, какое у меня сердце, но не знаете, что это за люди (русскіе). Я же знаю, какъ ими управлять нужно» [1]). Въ такомъ же смыслѣ, съ плохо скрываемымъ чувствомъ мести, онъ говорилъ во Флоренціи въ бесѣдѣ съ Леопольдомъ Тосканскимъ о Потемкинѣ, Безбородко, Воронцовѣ и др.; онъ обѣщалъ ихъ «высѣчь», когда получитъ бразды правленія въ свои руки [2]). Пріѣхавшему въ Петербургъ съ чрезвычайной миссіей графу Клингспору Павелъ черезъ нѣсколько недѣль послѣ своего восшествія на престолъ съ первыхъ же словъ сталъ жаловаться на печальную жизнь свою въ теченіе 34 лѣтъ [3]). Неожиданное исключеніе представляетъ выраженіе Павла въ разговорѣ со шведскимъ посломъ Стедингомъ въ 1800 году, т.-е. тогда, когда система террора усиливалась. «Меня», сказалъ онъ: «считаютъ несноснымъ, ужаснымъ человѣкомъ, но я никому не хочу внушить страха» [4]). Но не только онъ внушалъ страхъ другимъ, онъ и самъ боялся всѣхъ и каждаго. Мнительность была основной чертой его натуры, какъ онъ самъ еще въ юности признавался въ нѣсколькихъ письмахъ къ своему близкому другу графу Разумовскому [5]).

Недовѣріе къ окружающимъ его людямъ, даже къ самымъ надежнымъ, привело къ тому, что въ концѣ своей жизни онъ удалилъ отъ себя даже такихъ вѣрныхъ своихъ сторонниковъ, какъ Ростопчинъ и Аракчеевъ, которые могли защитить его отъ ударовъ Палена. Въ припадкѣ маніи преслѣдованія онъ вообразилъ, что его супруга задумала покушеніе на его жизнь и велѣлъ задѣлать дверь въ ея покои, гдѣ онъ въ послѣднюю минуту могъ бы найти себѣ спасеніе.

Среди этой удивительной смѣси противорѣчивыхъ чертъ эксцентричной натуры у Павла прорывалось иногда какое-то своеобразное добродушіе, наклонность къ шуткамъ, къ остротамъ. О нѣкоторыхъ такихъ случаяхъ разсказываетъ Саблуковъ. Послѣдній хорошо рисовалъ и набросалъ однажды портретъ государя. Какъ-то случайно узнавъ объ этомъ, Павелъ посмотрѣлъ, смѣясь, въ зеркало и замѣтилъ: «настоящая рожа»; затѣмъ добродушно похлопалъ по плечу художника-любителя и вышелъ изъ комнаты [6]). Саблуковъ хвалитъ

---

[1]) См. записки Розенцвейга въ журн. «Aus allen Zeiten und Landen», 1882, октябрь, стр. 3.

[2]) Арнетъ, Іосифъ II и Леопольдъ Тосканскій, ихъ переписки, I, 120.

[3]) «Y'ai en des chagrins 34 ans» Клингспоръ къ Густаву IV. Стокгольмскій Архивъ.

[4]) Письмо Стединга къ Густаву IV отъ 30 апрѣля (11 мая) 1800 г. Стокгольмскій Архивъ.

[5]) См. «Les Razoumowski», II, 1 стр. 8, 9 и 16.

[6]) Извѣстно, что Павелъ выдѣлялся своей поразительно некрасивой внѣшностью.

также въ императорѣ глубокое чувство справедливости и старанія вознаграждать людей за случайно нанесенныя обиды [1]). Другіе же, наоборотъ, утверждаютъ, что онъ никогда и не думалъ раскаиваться въ своихъ ошибкахъ и всегда продолжалъ преслѣдовать тѣхъ, кого оскорблялъ въ пылу ничѣмъ не вызваннаго гнѣва [2]).

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины стали замѣчать ухудшеніе въ характерѣ Павла. Мнительность и раздражительность стали его основными чертами; малѣйшее возраженіе вызывало его гнѣвъ. Такъ подготовлялся тотъ длинный рядъ беззаконныхъ и насильственныхъ актовъ, которые характеризуютъ впослѣдствіи его правленіе. Послѣ разговора съ великимъ княземъ знаменитый полководецъ Суворовъ остритъ по его адресу: «Prince adorable, despote implacable». Любимецъ Павла Ростопчинъ пишетъ Воронцову въ 1793 году: «Великій князь рѣшительно высказался за систему деспотизма и управленія при помощи нагайки и сообразно съ этимъ и поступаетъ. Каждый день приходится слышать о жестокостяхъ и низостяхъ, которыхъ устыдился бы и простой обыватель». Ростопчинъ жалуется на «отвратительное поведеніе» Павла. Такъ, въ письмѣ Ростопчина отъ 1793 года говорится: «Не безъ чувства скорби и отвращенія слѣдятъ здѣсь за образомъ жизни великаго князя; онъ какъ будто всѣ усилія прилагаетъ къ тому, чтобы вызвать ненависть къ себѣ. Ежедневно онъ бываетъ на парадахъ и экзекуціяхъ. При малѣйшемъ возраженіи онъ выходитъ изъ себя» [3]). Въ другихъ своихъ письмахъ Ростопчинъ разсказываетъ: «Великій князь творитъ невѣроятныя вещи: съ каждымъ днемъ онъ все больше ненависти вызываетъ къ себѣ и подготовляетъ свою собственную гибель». Многочисленные анекдоты о грубости Павла въ его обращеніи съ гражданскими и военными чинами вполнѣ подтверждаютъ этотъ приговоръ его любимца [4]). На одномъ придворномъ балу незадолго передъ своимъ восшествіемъ на престолъ Павелъ такъ неприлично велъ себя по отношенію къ шведскому королю, что «всѣмъ присутствовавшимъ хотѣлось «сквозь землю провалиться», какъ выражается лейбъ-медикъ Екатерины Роджерсонъ въ письмѣ къ своему другу графу Воронцову въ Лондонъ [5]).

---

1) «Fraser's Magazine», I с. стр. 305 и 305.

2) Такъ отзывается объ императорѣ его вѣрный сторонникъ Ростопчинъ. Архивъ князя Воронцова, VIII, 76. «Ce qu'il y a de singulier, c'est qu'il ne répart jamais sa faute et continue á se fâcher contre celui, à qui'il manque». Письмо Ростопчина къ Воронцову отъ 1793 года.

3) Архивъ князя Воронцова VIII, 67 и 76.

4) См., напр., Архивъ князя Воронцова VIII, 83—84, 104—105, XXIV. 257.

5) «Tout le monde était prêt à tomber en terre». Архивъ князя Воронцова, XXX, 68.

Неудивительно поэтому, если Екатерина думала лишить права престолонаслѣдія своего сына и передать его своему внуку. Павелъ ничего объ этомъ не подозрѣвалъ и мечталъ поскорѣе захватить въ свои руки бразды правленія. Въ сентябрѣ 1796 г. Ростопчинъ пишетъ по этому поводу: «Онъ теряетъ всякое терпѣніе и только о томъ и думаетъ, какъ бы поскорѣе получить тронъ» [1]).

Этотъ моментъ наступилъ; царствованіе Павла началось безъ всякаго протеста съ чьей-либо стороны.

Недавно появились мемуары Тургенева [2]), который въ качествѣ очевидца описываетъ первые часы и дни царствованія Павла. Очень много безотраднаго здѣсь можно прочесть о недостойномъ поведеніи императора. Онъ выказывалъ грубое недовѣріе къ великому князю Александру, жестоко расправлялся съ генералами и офицерами, началъ гоненіе на французскую одежду петербуржцевъ и подчеркивалъ свою ненависть къ недавно умершей матери своими мѣропріятіями, направленными противъ ея учрежденій. По сообщеніямъ Тургенева деспотическія похожденія Павла уже въ первое время его царствованія носятъ печать маніи величія, которая скоро приняла угрожающіе размѣры.

Уже въ послѣдніе часы жизни Екатерины всѣ съ безпокойствомъ предчувствовали, какъ замѣчаетъ Тургеневъ, что надвигается время, когда никому нельзя будетъ свободно дышать. «Первымъ геройскимъ дѣяніемъ новаго царствованія», пишетъ Тургеневъ: «была жестокая и безпощадная борьба противъ злѣйшихъ враговъ русскаго государства, противъ круглыхъ шляпъ, фраковъ и жилетовъ. Уже на слѣдующій день 200 полицейскихъ и драгуновъ бѣгали по улицамъ и по особому указу срывали у всѣхъ прохожихъ шляпы, которыя тутъ же уничтожались; отъ фраковъ отрѣзали воротники, а жилеты, по усмотрѣнію капраловъ и унтеръ-офицеровъ, разрывались на части. Въ 12 часовъ на улицахъ уже не видно было ни одной круглой шляпы; фраки и жилеты были совершенно обезврежены; тысячи обывателей Петрополиса разбѣгались по домамъ съ непокрытыми головами, въ изорванномъ платьѣ, полунагіе. Нѣкоторые пробовали сопротивляться, но ихъ тутъ же избивали кулаками и палками. На жалобы и просьбы не обращали никакого вниманія. Ни доводы, ни общественное положеніе не принимались въ разсчетъ. Полиція получила строжайшій приказъ расправляться со всѣми безъ всякой пощады; снисходитель-

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 145.

[2]) Родственника великаго писателя. Эти записки появились въ «Русской Старинѣ». См. статью «Къ исторіи царствованія императора Павла I» въ журналѣ: «Vom Fels zum Meer», 1887, кн. 2, стр. 448 и д.

нымъ солдатамъ грозили розги. Эти несчастные исполняли поэтому свою печальную обязанность съ необычайнымъ стараніемъ.

Въ первый день своего царствованія Павелъ проѣзжалъ верхомъ мимо деревяннаго театра, который былъ построенъ по распоряженію Екатерины. «Чтобъ этого не было», приказалъ Павелъ одному изъ сопровождавшихъ его генераловъ. Черезъ нѣсколько часовъ — сообщаетъ Тургеневъ, какъ очевидецъ — не осталось и слѣда отъ огромнаго зданія; 500 рабочихъ при свѣтѣ фонарей трудились надъ очисткой мѣста. «Этотъ случай», язвительно замѣчаетъ по поводу этой разрушительной работы Тургеневъ: «далъ мнѣ возможность убѣдиться, какъ далеко простирается могущество русскаго правительства».

Не всѣ, однако, вынесли такое тяжелое впечатлѣніе о дѣятельности Павла въ началѣ его царствованія. Многіе сознавали, что послѣдніе годы правленія Екатерины были временемъ упадка, что въ административномъ и военномъ дѣлѣ, а также и при дворѣ было допущено много злоупотребленій. Въ своемъ разговорѣ со шведскими послами Стедингомъ и Клингспоромъ Павелъ очень откровенно и беззастѣнчиво, въ оскорбительномъ для памяти своей матери тонѣ, высказался о разорительной хозяйственной политикѣ послѣдней и о крайней необходимости реформъ. Въ самомъ началѣ своего царствованія, разсказываетъ Саблуковъ, Павелъ велѣлъ повѣсить подъ окнами своихъ покоевъ ящикъ, куда каждый могъ класть свои прошенія и жалобы, которыя императоръ лично разсматривалъ или хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, разсматривать [1]).

Депеши Стединга къ шведскому королю полны похвалъ о первыхъ временахъ правленія Павла. Императоръ, пишетъ посолъ, проявляетъ очень много достоинства и простоты въ своихъ отношеніяхъ [2]); его распоряженія часто обнаруживаютъ справедливость и хорошія намѣренія [3]). Поражало всѣхъ трудолюбіе императора, который поощрялъ также и другихъ [4]); быстрое возстановленіе дисциплины въ чиновничьей средѣ должно было оказаться очень выгоднымъ на первыхъ порахъ. Много, такимъ образомъ, было фактовъ, которые говорятъ въ пользу государя [5]).

---

[1]) См. подробнѣе объ этомъ «Fraser's Magazine» г. с. 230.

[2]) «Il me paraissait de n'avoir rien de la contrainte, qui lui donnait un air de singularitè autrefois».

[3]) «L'empereur met á profit chaque instant de son règne pour quelque acte de justice, d'ordre ou de bien faisance».

[4]) «On est devenu extremement matineux ici depuis le nouveau rêgne».

[5]) Такъ, наприм., въ своей депешѣ отъ 2-го января 1797 г. Стедингъ сообщаетъ: «Les èvènements du nouveau règne sont presque tous de nature á faire le plus grand honneur à l'empereur». Всѣ эти письма заимствованы изъ Стокгольм-

Точно также и русскіе сановники, которыхъ не было тогда въ Петербургѣ, выносили на основаніи вѣстей изъ столицы, такое впечатлѣніе, что начало новаго царствованія обѣщаетъ много хорошаго. Въ такомъ смыслѣ высказывается графъ Кочубей въ своемъ письмѣ изъ Константинополя [1]), о томъ же пишетъ русскій посолъ Воронцовъ изъ Лондона [2]). Противники революціонной Франціи ожидали отъ Павла рѣшительныхъ шаговъ противъ республики и пѣли хвалебные гимны императору [3]). Такіе люди, какъ Ростопчинъ, Измайловъ, Кутайсовъ и др., которые тогда пользовались довѣріемъ Павла, могли расчитывать на хорошіе оклады, почести и другія милости и оптимистически смотрѣли на положеніе дѣлъ.

Но именно приближенные Павла, которые сдѣлались его любимцами и на которыхъ императоръ тратилъ такія же колоссальныя суммы, какъ и Екатерина на своихъ фаворитовъ [4]), очень пагубно вліяли на характеръ государя. Ихъ также ненавидѣли и презирали. Ростопчинъ, который руководилъ внѣшней политикой, былъ эгоистичный, развращенный человѣкъ, генеральный прокуроръ Обольянииновъ былъ извѣстенъ своей жадностью и взяточничествомъ, хотя, какъ мѣтко замѣчаетъ Розенцвейгъ, русскіе и не особенно чувствительны въ этомъ пунктѣ. Кутайсовъ и Нарышкинъ, которые заботились о развлеченіяхъ для императора, разрушили его здоровье и еще болѣе истощили его духовныя силы [5]).

Тургеневъ упоминаетъ, правда, только случайно и вскользь, въ своихъ мемуарахъ, что не было недостатка въ людяхъ, которые могли бы выполнять и даже усугублять тиранническіе указы и приговоры Павла. На такихъ людей, какъ Ростопчинъ, Аракчеевъ и Кутайсовъ, падаетъ тяжелая отвѣтственность, какъ на соучастниковъ неслыханной жестокости этого царствованія. Было много военныхъ, которые еще задолго до 1796 года числились въ свитѣ великаго князя, а теперь, послѣ его восшествія на престолъ, стали исполнять полицейскія обязанности при душевнобольномъ тиранѣ и при случаѣ готовы

скаго Архива.—Но не были ли всѣ эти благопріятные отзывы разсчитаны на то, что такія депеши могли быть вскрыты на почтѣ и, по техническому выраженію, перлюстрированы?

[1]) Архивъ князя Воронцова, XVIII, 126.

[2]) Архивъ князя Воронцова, XXII, 490.

[3]) Какъ Гриммъ, напримѣръ. Арх. кн. Воронц. XX, 351.

[4]) Стедингъ неосновательно хвалитъ императора за то, что будто при немъ исчезли фавориты. Безумная раздача помѣстій и крестьянъ всякимъ любимцамъ поглотила при Павлѣ баснословныя суммы. Бородинъ посвятилъ этой разорительной политикѣ обстоятельную статью въ «Историческомъ Вѣстникѣ».

[5]) Розенцвейгъ въ журн. «Aus allen Zeiten und Landen», I, ст. 3.

были изъ своихъ собственныхъ выгодъ накликать бѣду на кого-нибудь.

Кирасиръ Гатчинскихъ войскъ.

Такимъ образомъ императоръ Павелъ раздѣляетъ отвѣтственность со многими своими современниками и помощниками. Кровавые ужасы

царствованія Іоанна IV въ 16 столѣтіи, когда тысячи людей были замучены на смерть, не являются только индивидуальными преступленіями единой личности, а коллективной виной всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые окружали тогда кровожаднаго тирана. Многочисленность палачей, которые являлись къ его услугамъ, должна быть отмѣчена передъ судомъ исторіи, какъ смягчающее обстоятельство. Точно также и цѣлый рядъ суровыхъ и гибельныхъ мѣръ, которыя были проведены въ царствованіе, непосредственно слѣдовавшее за Екатерининскимъ, можетъ быть объясненъ главнымъ образомъ тѣмъ, что не было недостатка въ субъектахъ, столь же ограниченныхъ, деспотическихъ, грубыхъ, пристрастныхъ, и можетъ быть, даже нерасчетливыхъ, какъ и самъ императоръ.

Уже черезъ нѣсколько недѣль послѣ восшествія на престолъ Павла начинаютъ появляться отрицательные отзывы даже со стороны тѣхъ, которые вначалѣ пѣли хвалебные гимны императору. Шведскій посолъ Стединтъ былъ смущенъ крайней опрометчивостью, съ которой проводились въ жизнь полицейскія мѣры по реформѣ одежды. Удручающее впечатлѣніе на дипломатическіе круги произвелъ приказъ сардинскому послу Росси оставить Россію, въ теченіе 24 часовъ, за то, что позволилъ себѣ смѣлые отзывы объ императорѣ въ своихъ депешахъ. Еще считали за счастье, что Росси уѣхалъ безъ всякаго шума, не вызвавъ вмѣшательства и протеста дипломатическаго корпуса [1]). Крайняя расточительность, съ которой раздавались огромныя государственныя помѣстья, должна была поражать всякаго благоразумнаго человѣка [2]). Послы, которые должны были содѣйствовать общенію своихъ государствъ съ Россіей, совершенно отказывались понимать неожиданный указъ Павла, воспрещавшій иностранцамъ въѣздъ въ Россію. Этотъ указъ очень настойчиво проводился въ жизнь, и всѣ были убѣждены, что императоръ хочетъ изолировать свою страну [3]).

Въ высшихъ кругахъ бюрократіи бывали крайне смущены страстностью и дилетантствомъ, съ какими Павелъ обыкновенно рѣшалъ самые важные вопросы внѣшней политики подъ впечатлѣніемъ случайныхъ капризовъ и временныхъ настроеній. Съ технической стороны этой дѣятельности знакомятъ насъ совершенно невѣроятныя записки Ростопчина, снабженныя примѣчаніями Павла на поляхъ и

---

[1]) Депеша Стединга отъ 13 (24) дек. 1796 г. въ Стокг. Архивѣ.

[2]) Секретарь шведскаго посольства Іеннингсъ разсказываетъ анекдотъ, какъ эмигрантъ Шуазель наряду со многими другими получилъ въ подарокъ 2000 крестьянъ на Литвѣ. См. депешу отъ 8 (19) іюня 1797 года въ Стокгольмскомъ Архивѣ.

[3]) См. депеши Стединга отъ 25 іюня (6 іюля) и 2 (13) іюля 1798 года.

свидѣтельствующія о крайней страстности, невѣжествѣ и объ отсутствіи всякаго вкуса у императора. Рѣчь идетъ не болѣе и не менѣе, какъ о раздѣлѣ Турціи, захватѣ Константинополя и т. п. [1]). Не даромъ жаловался лейбъ-медикъ Роджерсонъ, что императора занимаютъ разныя детали военной службы и совершенно не интересуютъ политическіе и другіе вопросы [2]).

Кочубей выражаетъ сожалѣніе о томъ, что Павелъ крайне неосмотрительно разрѣшаетъ серьезныя политическія задачи, отмѣняетъ существующія учрежденія, проводитъ въ жизнь неназрѣвшія идеи и при помощи своей тайной канцеляріи изготовляетъ важные указы, не сообщивъ о нихъ предварительно высшимъ государственнымъ властямъ [3]). Кочубей пишетъ графу Разумовскому въ Вѣну, что высшіе сановники получаютъ выговоры, какъ настоящіе школьники; ссылки и слѣдующія непосредственно за ними милости стали обычнымъ явленіемъ. Трудно даже повѣрить, какъ въ это время выработались совершенно новые взгляды на такія отношенія. Не нужно быть особенно чувствительнымъ, иначе въ немилость попадешь и т. д. [4]).

Высшіе сановники должны были съ величайшимъ терпѣніемъ выслушивать самыя тяжкія оскорбленія. Вице-канцлеръ графъ Панинъ приказалъ однажды заготовить паспортъ для курьера австрійскаго посла, не спросивъ объ этомъ императора. Павелъ послалъ къ графу своего адъютанта и велѣлъ ему передать, что онъ «дуракъ, не больше и не меньше», пишетъ Роджерсонъ. Сообщая объ этомъ эпизодѣ, лейбъ-медикъ прибавляетъ: «Такіе факты у насъ теперь, что хлѣбъ насущный» [5]). Стедингъ пишетъ въ мартѣ 1799 года королю Густаву IV: «Мнѣ не хватило бы бумаги, чтобы перечислить всѣхъ тѣхъ, которые при дворѣ появлялись, блистали и исчезали. Министры, любимцы, генералы безпрерывно мѣняются каждый день» и т. д. [6]).

Вскрытаго на почтѣ письма съ выраженіями, которыя не понравились императору, было достаточно, чтобы адресата-иностранца подъ конвоемъ отвезли на границу. Такъ, напр., съ наслѣднымъ принцемъ Гессенъ-рейнфельзскимъ, за то, что его отецъ не вполнѣ одобрительно отозвался о пріемѣ, оказанномъ его сыну [7]). Случаи удаленія

---

1) См. Кашпиревъ «Памятники новой исторіи Россіи» (по-русски), С.-Петербургъ 1871, I, 102—111.

2) Архивъ князя Воронцова, XXX, 97.

3) Архивъ князя Воронцова, XVIII, 132 и 142.

4) См. „Les Razoumowski", II, 1, 314 „Le s'est établi ûne maniere de voir les choses si nouvelle, si extraordinaire qu'il faut avoir passer quelque temps ici pour en avoir une idée juste».

5) Архивъ кн. Воронц. XXX, 16.

6) Стокгольмскій Архивъ.

7) Письмо Стединга отъ 18 (29) марта 1799 г. въ Стокгольмск. Архивѣ.

отъ двора, высылки изъ столицы за границу или въ Сибирь стали такъ часто повторяться, что на нихъ, наконецъ, перестали обращать вниманіе [1]).

Для различныхъ полковъ были какъ-то заготовлены солдатскія шинели, которыя оказались не вполнѣ одинаковаго цвѣта вслѣдствіе непреодолимыхъ техническихъ затрудненій. На это обстоятельство и указалъ вице-директоръ интендантскаго департамента Саблуковъ и былъ за это въ тотъ моментъ безъ всякого промедленія высланъ изъ столицы. Не обратили вниманія и на то, что онъ былъ опасно боленъ инфлюенцой. Его тотчасъ же уложили въ повозку и увезли, несмотря на то, что такая расправа крайне вредно могла отразиться на ходѣ болѣзни [2]). Эти безсмысленныя мѣры не встрѣчали никакихъ возраженій и слѣпо исполнялись; только этимъ и можно объяснить, что онѣ были вообще возможны, хотя бы и въ рѣдкихъ случаяхъ. Русскій посолъ въ Лондонѣ Воронцовъ покачалъ головой, когда получилъ приказъ не давать паспортовъ иностранцамъ, которые хотятъ ѣхать въ Россію [3]). Бутурлинъ съ ужасомъ сообщаетъ своему другу о строгомъ воспрещеніи ввоза иностранныхъ книгъ въ Россію [4]). Секретарь Императрицы Маріи Ѳеодоровны и предсѣдатель Академіи Наукъ Николаи въ частномъ письмѣ заявляетъ, что онъ «долженъ былъ бы закрыть свою лавочку», еслибы не было исключенія изъ этой цензурной мѣры [5]).

Положеніе дѣлъ замѣтно ухудшилось. Акты насилія, жестокіе приговоры, суровыя наказанія особенно стали учащаться въ 1799 и 1800 годахъ. Очень часто стали появляться приказы о выѣздѣ изъ столицы въ теченіе 24 часовъ. Даже женщины не избѣжали этой участи. Отказъ одной молодой дамы выйти замужъ по желанію императора повлекъ за собой высылку всей семьи [6]). Княгиня Дашкова подробно разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, какъ она по капризу деспота была выслана въ одно изъ самыхъ захолустныхъ своихъ имѣній и тамъ должна была прожить въ теченіе большей части этого царствованія. Коцебу въ очень забавной формѣ передаетъ, какъ онъ былъ грубо схваченъ въ Митавѣ, когда онъ ѣхалъ въ Эстляндію къ

---

[1]) «Ces èvènements sont devenus si frèquents, qu'ils, ne produisent, que peu de sensation». Письмо Стединга отъ 18 февр. (1 марта) 1800 года въ Стокгольмскомъ Архивѣ.

[2]) См. въ высшей степени интересный разсказъ сына Саблукова въ «Fraser's Magazine», I, с., 238—239. Ни Паленъ, ни полиціймейстеръ не рѣшились сообщить императору о болѣзни. Позже Павелъ раскаивался въ своей торопливости.

[3]) Архивъ князя Воронцова, X, 56.

[4]) Архивъ кн. Воронцова XXXII, 273.

[5]) Тамъ же, XXII, 105.

[6]) Тамъ же, XIX, 27—30 письмо Чичагова.

родственникамъ своей жены и увезенъ въ Сибирь. Только послѣ своего «помилованія» онъ услышалъ объясненіе изъ устъ Кутайсова: кара его постигла за то, что онъ былъ писателемъ. Загряжская за недостаточную почтительность къ матери государевой фаворитки Лопухиной получила приказъ оставить столицу въ 24 часа. Наказаніе, впрочемъ, ей было смягчено: ей дали нѣсколько мѣсяцевъ срока, чтобы привести свои дѣла въ порядокъ [1]). За небольшіе проступки противъ дисциплины дворяне лишались своихъ помѣстій и въ кандалахъ ссылались на каторгу. Много извозчиковъ было выслано изъ Петербурга за то, что у одного изъ нихъ нашли во время парада два пистолета и кинжалъ. Для произвола полицейскихъ и таможенныхъ чиновниковъ открывался самый широкій просторъ при господствѣ террора и при полномъ безправіи народа [2]).

Даже Ростопчинъ, который возлагалъ большія надежды на царствованіе Павла, пишетъ въ мартѣ 1800 года Воронцову; «Вы должны разъ на всегда знать, что императоръ ни съ кѣмъ не разговариваетъ ни о себѣ, ни о дѣлахъ; онъ терпѣть не можетъ, чтобы съ нимъ о чемъ-нибудь рѣчь заводили; онъ издаетъ свои указы и велитъ ихъ выполнять, не терпя никакихъ возраженій. Едва ли онъ можетъ не видѣть, что его не любятъ. Вы называете меня министромъ; на самомъ же дѣлѣ я только секретарь» [3]). Если недовѣрчивыя и холодныя отношенія и притомъ совершенно неожиданно, безъ всякаго повода могли проявиться къ такимъ людямъ, какъ Ростопчинъ, Гудовичъ, Николаи и другіе, которые пользовались расположеніемъ Павла и стояли близко къ двору, если имъ могла грозить опасность попасть въ немилость и даже быть сосланными въ Сибирь, то понятнымъ становится, почему русскій посолъ въ Лондонѣ Воронцовъ, которому императоръ предлагалъ постъ канцлера, такъ рѣшительно отказывался пріѣхать въ Россію [4]), а другіе, какъ Аркадій Марковъ и Александръ Воронцовъ, считали себя счастливыми, наслаждаясь покоемъ частной жизни вдали отъ столицы и произвола центральной власти [5]).

Для такихъ образованныхъ и воспитанныхъ людей, какъ Панинъ, который былъ хорошо знакомъ съ традиціями европейской дипломатіи, должно было казаться крайне тягостной задачей исполнять капризы и прихоти Павла, когда дѣло шло, напр., о приказѣ выслать изъ Петербурга англійскаго посла Уитворта только за то, что англій-

---

1) «Razoumowski», т. III, стр. 119—120.

2) См. письма Бутурлина въ Архивѣ кн. Воронц. XXXII, 255—278.

3) Архивъ кн. Воронц., VIII, 276.

4) См. сильныя выраженія С. Воронцова въ его письмахъ къ Панину въ «Матеріалахъ къ біографіи гр. Н. П. Панина», т. IV, стр. 299—304.

5) Архивъ кн. Воронцова, XIV, 266.

скій дипломатъ Хайльсъ въ Стокгольмѣ не отдалъ прощальнаго визита русскому посланнику Будбергу [1]), или, когда на всѣ находившіеся въ русскихъ гаваняхъ корабли было наложено эмбарго, и ихъ экипажи арестованы и т. д.

Въ крайнемъ смущеніи пишетъ Панинъ Воронцову въ іюнѣ 1800 г.: «Меланхолія и капризы государя умножаются съ каждымъ днемъ; все рѣшается подъ вліяніемъ минутнаго настроенія, какъ во внутренней, такъ и внѣшней политикѣ» [2]). Каждый день, жалуется Панинъ, онъ долженъ быть свидѣтелемъ все новыхъ актовъ насилія и молчаливо терпѣть, когда за его, канцлера, спиной отправляются угрожающія письма въ Вѣну. «Я изнемогаю отъ душевныхъ страданій», пишетъ Панинъ Крюденеру: «да и Вы, милый баронъ, слишкомъ хорошій русскій человѣкъ, чтобы не чувствовать, что мы оба безъ компаса носимся съ Вами по бурному морю» и т. д. [3]). Всѣ старанія Панина внести хоть что-нибудь похожее на планъ или систему во внѣшнюю политику Россіи разбились о дѣйствія Павла, лишенныя всякой планомѣрности и взаимной связи [4]). Адамъ Чарторыйскій очень удачно замѣчаетъ, что вице-канцлеръ и коллегія иностранныхъ дѣлъ теряли всякое значеніе, такъ какъ вліяніемъ пользовались только любимые адъютанты императора, и что болѣзненные припадки и неожиданный ходъ мыслей Павла уничтожали всякую возможность правильнаго функціонированія государственной машины [5]).

Ростопчинъ, который въ царствованіе Павла руководилъ внѣшней политикой, пишетъ непосредственно послѣ катастрофы: «У меня не могло быть никакой политической системы, такъ какъ государь все хотѣлъ дѣлать самъ, не терпѣлъ ни малѣйшаго промедленія въ исполненіи его приказовъ и не выносилъ никакихъ возраженій» [6]). Панинъ жалуется въ письмѣ къ Крюденеру: «Мы здѣсь живемъ, какъ на каторгѣ. Я пытаюсь итти противъ теченія, но силы мнѣ отказываютъ, и скоро, вѣроятно, это теченіе унесетъ меня въ какія-нибудь мѣста отдаленныя» [7]), что дѣйствительно скоро и случилось. «Счастливъ тотъ», замѣчаетъ далѣе Панинъ, «кто, подобно Вамъ, живетъ за 2000 верстъ отсюда. Каждый день появляется какой-нибудь запретъ. То дѣло идетъ о шляпахъ, то о брюкахъ. Не знаешь, что и одѣвать» [8]).

---

[1]) См. «Матеріалы и пр.», V, 160.
[2]) См. «Матеріалы къ біографіи Панина», V, стр. 170.
[3]) Тамъ же, стр. 190—191.
[4]) См. записки Панина въ «Матеріалахъ и пр.», V, 582.
[5]) «Memoires du prince Czartoryski», Paris, 1887, I, 312.
[6]) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 287.
[7]) См. «Матеріалы къ біографіи Пан.», V, 252 и 424.
[8]) «On ne sait plus que faire de sa figure et de son temps».

Роджерсонъ въ своихъ письмахъ къ Воронцову приводитъ много примѣровъ самыхъ грубыхъ выраженій со стороны Павла по адресу высшихъ сановниковъ государства. Смерть Безбородко была вызвана такими оскорбленіями, замѣчаетъ онъ. Такое же обращеніе долженъ былъ часто выносить и Ростопчинъ. Суворовъ даже на смертномъ одрѣ долженъ былъ выслушать самыя ужасныя грубости. Публика стала совершенно равнодушной къ гнѣву и милости императора. Въ такомъ же смыслѣ высказываются Орловъ, Чичаговъ и др. [1]). Къ этому нужно еще прибавить жестокость полицейской системы, организацію доносовъ и нарушеніе тайны переписки. Въ январѣ 1800 года Разумовскій пишетъ изъ мѣста своей ссылки, изъ города Батурина (въ Малороссіи), въ письмѣ, отправленномъ съ очень надежной оказіей женѣ въ Вѣну: «Будь по возможности осторожнѣй; ничто не ускользаетъ отъ вниманія шпіоновъ; всѣ чиновники другъ другу не довѣряютъ: начальники каждую минуту могутъ ждать предательства со стороны своихъ подчиненныхъ; все вращается въ заколдованномъ кругу террора, инквизиціи и застѣночныхъ пытокъ» [2]).

Это было настоящее господство террора. Переписка между друзьями была связана съ такими опасностями, что, напр., графъ А. Р. Воронцовъ пересталъ переписываться съ Николаи изъ боязни «перлюстраціи» [3]). Многочисленныя письма за этотъ періодъ кончаются просьбой сжечь посланіе тотчасъ послѣ прочтенія.

За годъ до катастрофы Роджерсонъ пишетъ: «Всѣ придворные сбрасываютъ свои маски. Между нами говоря: всѣ возлагаютъ свои надежды на великаго князя». Роджерсонъ употребляетъ при этомъ трудно переводимое выраженіе «tous veulent se repatrier vers le grand-duc» [4]). Дѣло шло о томъ, чтобы уничтожить гнетъ, который тяготѣлъ надъ страной. Смѣна правленія должна была явиться средствомъ къ спасенію.

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XIX, 27; XXVII, 27; XXX, 114—121.

[2]) «Les Razoumovski», II, 1, 389. Въ другой разъ графъ писалъ химическими чернилами; онъ далъ при этомъ графинѣ подробныя указанія, какъ проявить письмо, и заклиналъ не прибѣгать ни къ чьей помощи. Тамъ же, стр. 400.

[3]) Архивъ кн. Воронцова, XXII, 107.

[4]) Архивъ кн. Воронцова, XXX, 122.

II. Военные круги.

Паленъ и Панинъ въ союзѣ съ великимъ княземъ Александромъ хотѣли, какъ мы увидимъ далѣе, на законныхъ основаніяхъ произвести перемѣну правительства путемъ назначенія регентства. При выполненіи плана отступили отъ первоначальнаго проекта. Возмутились военные. Группа офицеровъ взяла на себя роль палачей. Это обстоятельство находитъ себѣ достаточное объясненіе въ отношеніи Павла къ военнымъ чинамъ. Больше и сильнѣе, чѣмъ всѣ другіе слои общества, пострадали отъ злополучнаго царствованія офицерскіе круги. Тѣмъ охотнѣе служили они орудіемъ устраненія Павла.

Въ послѣдніе годы царствованія Екатерины можно было замѣтить нѣкоторый упадокъ дисциплины въ войскахъ. Ланжеронъ, который могъ судить объ этомъ вопросѣ, какъ спеціалистъ, и посвятилъ ему обширный трудъ, склоненъ приписывать эти недочеты вліянію Потемкина, который въ теченіе долгаго времени занималъ постъ нѣчто въ родѣ военнаго министра. Нѣкоторыя мѣропріятія Потемкина, которыя преслѣдовали отчасти гуманитарныя цѣли, могли, можетъ быть, оказать и вредное вліяніе, но тѣ реформы, которыя были произведены знаменитымъ фаворитомъ императрицы въ дѣлѣ обмундированія и вооруженія войска, были всѣми признаны какъ цѣлесообразныя. Офицеры и въ особенности солдаты были очень довольны удаленіемъ прусскаго формализма и педантизма изъ военной службы.

Но Павелъ, наоборотъ, былъ большимъ поклонникомъ тѣхъ принциповъ, которые господствовали въ прусской арміи. Въ полныхъ негодованія выраженіяхъ Ростопчинъ пишетъ въ 1793 году о сумасбродной игрѣ въ солдаты въ Гатчинѣ: «Великій князь имѣетъ въ своемъ распоряженіи 1600 солдатъ и 3 эскадрона кавалеріи и воображаетъ, что онъ умершій прусскій король» [1]). Къ солдатамъ примѣнялись самыя жестокія тѣлесныя наказанія; офицеры несли самыя строгія наказанія за малѣйшіе проступки. Всѣ парады и маневры кончались въ Гатчинѣ экзекуціями.

Эти порядки должны были тотчасъ послѣ восшествія Павла на престолъ быть введены во всей странѣ. «Гатчинцы», т. е. офицеры, которые очень ловко распоряжались своей капральской палкой, люди большею частью низкаго происхожденія, но пользовавшіеся довѣріемъ Павла, должны были отнынѣ служить образцомъ для всей арміи. Только за жестокость и могъ цѣнить Павелъ такихъ варваровъ, какъ

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 76.

Линденеръ и Аракчеевъ. У такихъ людей должны были теперь учиться всѣ [1]).

Уже возстановленіе недавно отмѣненной военной формы, косички и пудры должно было вызвать крайнее неудовольствіе въ военныхъ кругахъ. Ланжеронъ, который самъ продѣлалъ надъ собой эту метаморфозу, пишетъ по этому поводу: «Павелъ привелъ въ смущеніе всю армію своими нововведеніями, и Александръ I немедленно послѣ восшествія на престолъ вернулся къ формѣ, которая была установлена въ послѣдніе годы царствованія Екатерины, но которую Павелъ отмѣнилъ и тѣмъ создалъ изъ военныхъ смѣшныя карикатуры». Тургеневъ разсказываетъ, какъ онъ въ первый же день царствованія Павла долженъ былъ подвергнуться мучительной и комичной процедурѣ наклеиванія напудреннаго парика, и въ какое чучело его преобразили, одѣвъ на него «гатчинскую форму».

О вліяніи, которое оказывали «гатчинцы» на общій характеръ правленія Павла, мы узнаемъ, между прочимъ, изъ мемуаровъ Тургенева, записокъ Ланжерона, разсказовъ Саблукова и изъ другихъ источниковъ того времени. У Тургенева слышенъ крикъ негодованія по поводу этого революціоннаго капральскаго режима: «Въ нѣсколько часовъ былъ потрясенъ весь государственный порядокъ, всѣ правовые устои; всѣ пружины государственной машины были сдвинуты со своихъ мѣстъ; все было перемѣшано и выворочено, и такъ тянулось цѣлыхъ четыре года. Высшіе посты заняли люди, которые едва читать умѣли, люди, безъ образованія и безъ всякаго понятія о насущныхъ интересахъ государства; они знали только Гатчину и ея казармы; они ничего другого не дѣлали кромѣ того, что участвовали въ парадныхъ смотрахъ, ничего другого не слышали, кромѣ трубы и сигнальнаго рожка. Лакей генерала Апраксина Клейнмихель былъ уполномоченъ обучать военному искусству фельдмаршаловъ. Шесть или семь фельдмаршаловъ, находившихся тогда въ Петербургѣ, сидѣли за столомъ подъ предсѣдательствомъ бывшаго лакея, который объяснялъ такъ называемую тактику посѣдѣвшимъ въ военныхъ походахъ полководцамъ! Вся его премудрость состояла изъ чисто внѣшнихъ пріемовъ строевой и караульной службы, разныхъ уловокъ и другихъ подобнаго рода пустяковъ [2]).

Такъ же рѣшительно осуждаетъ и Ланжеронъ эти заботы о казовой сторонѣ военнаго дѣла при Павлѣ, эти «pirouettes d'esplanade», совершенно ничего не стоющую въ серьезныхъ случаяхъ гарнизонную

---

[1]) Всѣ эти мѣры обнаруживаютъ поразительное сходство съ политикой эпизодическаго царствованія Петра III.

[2]) «Vom Fels zum Meer», 1, с., стр. 450.

Фото-тинто-гравюра Т-ва „Образованіе“.

Гр. Платонъ Зубовъ.

Гр. Николай Зубовъ.

службу, на которой много солдатъ засѣкалось на смерть за ничтожныя упущенія. Типомъ гатчинца можетъ служить Аракчеевъ, о которомъ Ланжеронъ разсказываетъ слѣдующій случай. Однажды въ 1797 году Паленъ остался недоволенъ на парадѣ полкомъ, состоявшимъ подъ начальствомъ этого генерала. Тогда Аракчеевъ велѣлъ сѣчь трехъ лучшихъ солдатъ полка, и ихъ такъ сильно сѣкли, что они вскорѣ умерли въ лазаретѣ. Адъютантъ великаго князя Александра привелъ послѣдняго посмотрѣть на эти жертвы безумной варварской системы; надѣялись, что великій князь откроетъ своему отцу глаза на преступленія палача Аракчеева, но Александръ только вздыхалъ и—молчалъ [1]).

Въ этомъ безсмысленномъ педантизмѣ и совершенно исключительномъ вниманіи къ чисто внѣшнему формализму въ военномъ дѣлѣ сказывается крайняя узость міросозерцанія монарха. До восшествія на престолъ занятія Павла главнымъ образомъ состояли въ устройствѣ смотровъ и маневровъ въ Гатчинѣ. Игра въ солдаты превратилась у него въ страсть. Вся ея энергія уходила на мелочи казарменной жизни. Эти черты изъ жизни императора очень удачно изображены въ мемуарахъ Тургенева, который въ качествѣ молодого офицера очень часто встрѣчался съ государемъ и имѣлъ возможность наблюдать всю односторонность и извращенность его наклонностей, направленныхъ исключительно на военное дѣло. Кирасирскій полкъ, въ которомъ служилъ Тургеневъ, больше всѣхъ страдалъ отъ гнѣва Павла. Когда по случаю какого-то праздника шефъ полка генералъ князь Волконскій и его адъютантъ Тургеневъ явились однажды въ формѣ, которая не вполнѣ отвѣчала строгимъ предписаніямъ на этотъ счетъ, Павелъ приказалъ дежурному камергеру удалить «обоихъ дураковъ» [2]). По самому грубому произволу безъ всякой вины многіе офицеры этого полка были разжалованы, лишены орденовъ и высланы изъ столицы. Во время торжественнаго коронованія всѣ офицеры полка были тяжко оскорблены тѣмъ, что были лишены возможности участвовать въ процессіяхъ и другихъ церемоніяхъ. На цѣлыхъ два часа, во время которыхъ происходило торжество, всѣ 231 офицеръ этого полка были заперты въ кремлевскую башню. Ни одинъ парадъ, на которомъ только присутствовалъ императоръ, не проходилъ безъ наказаній и арестовъ среди офицеровъ именно этого полка. Разгадку исключительной ненависти императора къ этой части войска даетъ намъ Тургеневъ.

«Въ одинъ прекрасный день», разсказываетъ онъ: «всѣ дежурные

---

[1]) Парижскій Архивъ.

[2]) «Дуракъ вонъ!» кричалъ императоръ.

офицеры штаба и адъютанты получили приказъ собраться въ залѣ передъ рабочимъ кабинетомъ государя. Когда всѣ явились, Павелъ вышелъ и громкимъ, хриплымъ голосомъ закричалъ: «Адъютантъ Екатеринославскаго полка, впередъ!» Въ качествѣ такого я подошелъ къ императору. Онъ подступилъ очень близко ко мнѣ и началъ меня щипать; справа отъ него стоялъ весь блѣдный великій князь Александръ, слѣва Аракчеевъ. Это щипаніе продолжалось, и у меня появились слезы на глазахъ отъ боли. Глаза Павла Петровича сверкали отъ гнѣва. «Разскажите», воскликнулъ онъ, наконецъ: «въ своемъ полку, а тамъ ужъ и дальше передадутъ, что я выбью изъ васъ потемкинскій духъ и сошлю васъ туда, куда и воронъ вашихъ костей не занесъ бы». Продолжая щипать меня, его величество пять или шесть разъ повторилъ эти слова, а затѣмъ приказалъ мнѣ удалиться». И все это только за то, что раньше Екатеринославскій полкъ носилъ имя Потемкина!

Страсть императора къ парадамъ и маневрамъ, къ безцѣльнымъ размѣщеніямъ войсковыхъ частей и т. п. очень дорого обходилась и солдатамъ и странѣ. Безсмысленныя распоряженія очень часто вносили совершенно неисправимую путаницу въ дѣло. Такъ, напр., однажды такъ называемому сибирскому драгунскому полку, который только что вернулся изъ персидскаго похода и стоялъ въ Дербентѣ на Кавказѣ, было предписано отправиться въ Тобольскъ. Этотъ переходъ въ 4000 верстъ продолжался два года; за это время погибли всѣ лошади, и войска были измучены до невѣроятности. Маневры этого времени, которые влекли всегда за собой человѣческія жертвы, Тургеневъ изображаетъ, какъ безцѣльныя забавы, какъ «жалкіе въ стратегическомъ и тактическомъ отношеніяхъ и совершенно безполезные на практикѣ».

Такое безсмысленное управленіе военнымъ вѣдомствомъ объясняется не однимъ только разстройствомъ умственныхъ способностей Павла. Этому содѣйствовало сотрудничество «гатчинцевъ», которыхъ графъ Панинъ называетъ подонками общества, извергами рода человѣческаго [1]). Шведскій посолъ Стедингъ, который вначалѣ съ большой похвалой отзывался о поднятіи военной дисциплины при Павлѣ, рисуетъ намъ деморализующее вліяніе жестокаго обращенія съ военными чинами въ своемъ письмѣ къ королю Густаву IV: «Павелъ такъ безцеремонно прогоняетъ офицеровъ, какъ будто имѣетъ дѣло съ ла-

[1]) По случаю конфликта съ Ростопчинымъ въ 1814 году Панинъ говоритъ: «Le fatal jour du nowembre 1796 vint plonger dans le deuil et dans la consternation tous les hommes de bein et fit tout-à-coup paraitre autour du trône cet essaim de parvenus dèsignés sous le sobriquet de gatchinois». Ростопчинъ де взялся за «métier de bourreau» и т. д. «Матеріалы» т. VII, стр. 180—181.

жеями. При такомъ положеніи дѣла исчезаютъ послѣдніе остатки *esprit de corps*. Тотъ, у кого сохранилось хоть какое-нибудь сознаніе своего достоинства, долженъ уйти изъ арміи и отъ двора. Такое невѣроятное напряженіе, какое замѣчается теперь, должно кончиться крайнимъ упадкомъ; это придется почувствовать несчастному наслѣднику Павла» [1]). Извѣстно, что значитъ для военнаго тягостное и оскорбительное обращеніе, усугубленное постоянными насмѣшками окружающихъ. Саблуковъ очень подробно описываетъ, какъ прусская форма и дѣтская муштровка подвергались всеобщему осмѣянію. Еще до восшествія Павла на престолъ много смѣялись надъ гатчинскими военными упражненіями, и Саблуковъ, жившій въ 1795—1796 гг. за границей, забавлялъ своихъ товарищей, продѣлывая передъ ними всѣ пріемы по прусскому образцу. А теперь всѣ должны были одѣть эту нецѣлесообразную и некрасивую форму и слушаться команды «гатчинцевъ». Надъ послѣдними смѣялись, но вмѣстѣ съ этимъ и боялись, чтобы такія выраженія не дошли до императора.

«Point d'honneur» офицерской среды, воспитанной при Екатеринѣ, подвергался большой опасности. Наказанія сыпались въ такомъ обиліи, что они теряли всякое значеніе. Всѣ полицейскіе участки и гауптвахты были переполнены арестованными. Не удивительно, что многіе офицеры подавали въ отставку, предпочитая частную жизнь или гражданскую службу. Тѣ же офицеры, которые продолжали служить, находились въ большой опасности, и ихъ родные и друзья были въ вѣчномъ страхѣ за ихъ судьбу. Какъ будто тяжелыя тучи нависли надъ страной [2]). Саблуковъ, впрочемъ, замѣчаетъ, что Павелъ только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгалъ къ насиліямъ надъ офицерами; по его мнѣнію было только три такихъ примѣра, и несчастному монарху пришлось сильно раскаиваться въ своей грубости во время послѣднихъ часовъ своей жизни. Саблуковъ увѣряетъ также, что ему никогда не приходилось слышать ругательствъ отъ Павла, но это противорѣчитъ заявленіямъ другихъ современниковъ, какъ, напр., Тургенева, Роджерсона и др. [3]).

Очень характерно для той опасности, которой подвергались офицеры, сообщеніе Саблукова о томъ, что они всегда брали съ собой

---

[1]) Стокгольмскій архивъ.

[2]) Саблуковъ въ «Fraser's Magazine», I, с., 226, 227. This system kept the familes to which oficers belonged in a state of petpetual fear and anxiety and one may almost say that S. Petersbourg, Moskow and iudeed all Russia were in state of constant mourning».

[3]) «Fraser's Magasine» I, с. 306 и 310. Очень цѣнны указанія Саблукова на грубое обращеніе великаго князя Константина съ полкомъ, въ которомъ авторъ служилъ.

по нѣсколько сотъ рублей на военные смотры, чтобы въ случаѣ неожиданной ссылки не оказаться безъ денегъ; ему самому, прибавляетъ Саблуковъ, пришлось три раза помогать въ такихъ случаяхъ своимъ товарищамъ, которые не были на этотъ счетъ предусмотрительными [1]). Говорятъ даже, что цѣлый кавалерійскій полкъ въ полномъ составѣ былъ прямо съ военнаго парада отправленъ въ Сибирь только за то, что не понялъ или не разслышалъ команды императора; впрочемъ, его скоро помиловали и вернули обратно.

Слѣдующій случай показываетъ, какъ все зависѣло исключительно отъ случайныхъ капризовъ Павла. Однажды на маневрахъ въ окрестностяхъ Москвы онъ съ большой признательностью отозвался о состояніи войскъ; все шло по его желанію; онъ не могъ указать ни малѣйшаго недостатка. Но на пути въ Петербургъ, уже на 172-й верстѣ отъ Москвы, у него совершенно неожиданно появилась дикая мысль разжаловать 32 штабныхъ офицера и другихъ высшихъ чиновъ въ наказаніе за то только, что они заболѣли во время маневровъ и въ послѣдніе два дня не могли принимать въ нихъ участія. «Что можно сказать о такихъ распоряженіяхъ?» спрашиваетъ Тургеневъ, разсказывающій объ этомъ случаѣ. На такой вопросъ можно отвѣтить только указаніемъ на невмѣняемость деспота.

Больше чѣмъ всѣмъ другимъ, какъ сообщаетъ далѣе Тургеневъ, угрожала военнымъ чинамъ опасность ссылки въ Сибирь, или пожизненнаго тюремнаго заключенія. Малѣйшія упущенія во время военныхъ упражненій легко могли повлечь за собой самыя страшныя послѣдствія. «Каждое утро», пишетъ Тургеневъ, «всѣ, начиная генераломъ и кончая прапорщикомъ, шли на вахтпарадъ, какъ на эшафотъ. Никто не зналъ, какая участь его ждетъ тамъ». Тургеневъ насчитываетъ около 12000 жертвъ этой строгой системы среди офицеровъ и чиновниковъ; они были сосланы въ Сибирь и могли вернуться обратно только послѣ восшествія на престолъ Александра I. «Такимъ образомъ», прибавляетъ далѣе Тургеневъ, «каждый годъ насчитывали 3000 жертвъ, каждый мѣсяцъ 250, каждый день 8. Въ Петропавловской крѣпости томилось 900 заключенныхъ, и имъ всѣмъ принесли свободу устраненіе Павла и воцареніе Александра». Недаромъ всегда сдержанный шефъ Тургенева фельдмаршалъ Салтыковъ въ разговорѣ съ авторомъ мемуаровъ такъ рѣзко отозвался о правленіи Павла: «Такое безбожное хозяйничанье не можетъ долго тянуться», воскликнулъ онъ. За нѣсколько недѣль до катастрофы фельдмаршалъ получилъ собственноручный рескриптъ отъ императора слѣдующаго содержанія: «Господинъ генералъ-фельдмаршалъ, я дѣлаю

[1]) «This kind of treatment made officers very nervous and uncomfortable».

вамъ послѣдній выговоръ». Коротко и ясно. Зловѣщій характеръ сообщало выговору обозначеніе его, какъ «послѣдняго».

При такихъ отношеніяхъ неудивительно, что военные круги были готовы принять участіе въ устраненіи Павла; они взяли на себя главныя роли въ этой трагедіи.

III. Императорская фамилія.

Успѣхъ предстоящаго переворота зависѣлъ отъ согласія или содѣйствія одного изъ членовъ императорской фамиліи. Въ первую голову можно было въ данномъ случаѣ расчитывать на супругу Павла Марію Ѳеодоровну или на великаго князя Александра. И императрица, и оба великихъ князя Александръ и Константинъ подвергались очень большой опасности въ концѣ царствованія Павла, что значительно облегчало проведеніе заговора противъ императора. Когда въ 1762 г. замышлялось сверженіе Петра III, то рѣшающимъ моментомъ послужило намѣреніе послѣдняго лишить мать Павла и его самого присвоенныхъ имъ правъ; тогда предстояла задача спасти не только отечество, но и ближайшихъ родственниковъ императора. Точно такія же отношенія создались и въ концѣ царствованія Павла.

Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться, что бракъ Павла съ вюртембергской принцессой, которая послѣ принятія православія была наречена Маріей Ѳеодоровной, былъ въ теченіе болѣе чѣмъ десяти лѣтъ сравнительно счастливымъ. Отношенія Павла къ Нелидовой измѣнили положеніе. Какими бы платоническими эти отношенія не были въ дѣйствительности, какъ многіе увѣряли, но въ томъ вниманіи, какое оказывалось придворной фрейлинѣ, выражалось пренебреженіе къ супругѣ Павла. Всѣ приближенные великаго князя преклонялись предъ Нелидовой. Камеръ-юнкеръ графъ Н. П. Панинъ не захотѣлъ подчиниться требованію изданнаго при дворѣ Павла пароля «respect pour la Nélidow, mépris pour la grande-duchesse» и попалъ въ немилость. Въ августѣ 1791 года дѣло дошло до крупнаго разговора между нимъ и Павломъ. «Вы выбрали опасный путь»,—сказалъ ему великій князь. «Путь чести», отвѣтилъ Панинъ: «и я ни въ коемъ случаѣ не сойду съ него». Онъ удалился отъ двора, не дожидаясь обычнаго въ такихъ случаяхъ намека, который обозначалъ бы «Allez vous-en» [1]). Однажды Павелъ

[1]) См. интересный разсказъ Панина въ его письмѣ къ Воронцову, содержащемъ автобіографическія данныя, въ матеріалахъ о Панинѣ, т. I, стр. 106. Здѣсь о событіяхъ 1791 года сообщается между прочимъ слѣдующее: «La Nélidow régnait déjà; la grande-duchesse, aujourd'hui impératrice, était abandonnée, maltraitée, méprisée par tous ceux, qui voulaient faire la cour. Je ne suivais pas cet exemple. Ma conduite devait déplaire. Le grand duc employa d'abord les caresses, ensuite la froideur, puis les menaces pour me mettre dans le nombre des adorateurs de son idole» и т. д.

даже пригрозилъ придворному садовнику въ Царскомъ Селѣ побить его палкой только за то, что тотъ доставилъ фрукты великой княгинѣ [1]). Въ 1793 году Ростопчинъ пишетъ: «Великая княгиня ничего не смѣетъ дѣлать; она покорилась своей судьбѣ, страдаетъ молча и живетъ только своими дѣтьми» [2]). Павелъ удалилъ отъ двора библіотекаря и чтеца Ляфермьера только потому, что великая княгиня Марія Ѳеодоровна была рада его обществу [3]).

Въ царствованіе Павла отношенія ухудшились. Когда дворъ во время коронаціи находился въ Москвѣ, императоръ влюбился въ дочь оберъ-прокурора Лопухина. Уже и раньше приверженцы его супруги всячески преслѣдовались и ссылались, теперь же эти мѣры участились, а Лопухина была назначена придворной фрейлиной, конечно, противъ желанія императрицы. Въ виду этого вліяніе Маріи Ѳеодоровны все больше и больше падало, и шведскій посолъ Стедингъ былъ склоненъ приписывать этому обстоятельству все болѣе увеличивающееся разстройство въ государственныхъ дѣлахъ [4]).

---

[1]) См. письмо Ростопчина къ Воронцову отъ 1793 г. въ «Арх. кн. Воронцова» XXIV, 257.

[2]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 67.

[3]) Тамъ же, XV, 83.

[4]) Такъ, напр., писалъ Стединг 20 (31) августа 1798 г.: «La disgrâce qui avait frappé plusieurs individus de la cour et en place la plupart attachés à l'impératrice ou protégés par elle, se manifeste encore frequemment par le renvoi et le déplacement de personnes, que l'on croyait les plus avancées dans la faveur du souverain. L'impératrice en doit être fort malheureuse, d'autant plus, que la cause en est attribuée assez généralement à la jalousie de cette princesse, d'une jeune mademoiselle, fille du procureur, à la quelle l'empereur a témoigné des préférences et qui a reçu le chiffre malgré ce que l'impératrice a pu faire au contraire». И въ другой депешѣ отъ 1 (12) октября 1798 г. онъ продолжаетъ: «Tant que l'impératrice avait quelque crédit sur l'esprit de l'empereur et quelque influence dans les affaires, elle s'occupait à éloigner les dangers de sa famille et de l'état. Les ministres et employés, choisis parmi ses amis ou ses protégés partageaient ces sentiments et l'intérêt de leur repos et leur fortune incompatilles avec la depense et les embarras qu'entraînent les grandes affaires était la régle de leur conduite; mais ces temps sont passée; chaque jour voit éclore une nouvelle disgrâce, qui tombe sur quelques personnes connues par leur attachement à l'imperatrice ou piacées par son crédit. L'ésprit de l'empereur est aigri contre elle et contre tout ce qui lui appartient en quelque manière. Dans cette disgrâce sont compris les amis communs de l'émpereure et de l'impératrice; mademoiselle Nèlidow, les Buxhöwden, les Kourakin, Nic. Roumjantzew, le prince Repnin et bien d'autres sont exilés ou éloignés de la cour. Des nouveaux acteurs ont amené un changement de scène et le bon accord étant rompu dans le ministére (?) l'empereur cherche des distractions et devient plus susceptible des influences étrangéres. Les resultats de ce changement n'est pas aisé à prévoir; mais les sentiments de vertu et de religion étant profondément gravés dans le coeur de l'empereur et de sa famille on peut êspérer un retour, qui tirera de l'ètat d'anxiété où tant de disgrâces imprèvues et l'inquiétude que chacun a pour son propre sort on plongé tout le monde». Стокгольмскій Архивъ.

Въ своемъ письмѣ къ королю Стедингъ выражаетъ надежду, что эти, по его мнѣнію, чисто платоническія [1]) отношенія Павла къ Лопухиной скоро прекратятся, и что у него появится прежняя любовь къ супругѣ. Другіе современники также считаютъ эти отношенія болѣе или менѣе невинными [2]). Но изъ хорошаго источника намъ извѣстно, что по выходѣ замужъ за князя Гагарина [3]) Лопухина оставила своего мужа, чтобы всецѣло принаддежать императору [4]). Она пользовалась значительнымъ вліяніемъ и, благодаря этому, ей нерѣдко удавалось смягчать участь несчастныхъ изгнанниковъ [5]).

---

[1]) Письмо Стединга отъ 18 (29) марта 1799 г. «On dit, qu'il n'y a rien de sensuel dans cette liaison et je serais tenté de le croire puisqu'il est trés religieux et qu'il vit toujors avec l'impératrice». Кутайсовъ, по мнѣнію Стединга, принималъ большое участіе въ этой любовной исторіи, о которой шведскій посолъ дальше разсказываетъ: «L'imperatrice en a été fort affeigée dans les commencements et a fait des efforts inutiles pour s'y opposer. Elle a fini par s'y accoutumer et présentement elle caresse beaucoup sa rivale ce qui lui attire de grandes attentions de son époux. Si elle avait tenu cette conduite plutôt ses amis seraient encore en place».

[2]) См. ст. Адріанова о княгинѣ Гагариной, урожденной Лопухиной въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за янв. 1895 г. стр. 182 и д., собрано много анекдотовъ, въ которыхъ между прочимъ обрисовывается сильное вліяніе Гагариной на личную судьбу многихъ сановниковъ.

[3]) Въ своемъ письмѣ отъ 18 февраля (1 марта) 1800 г., гдѣ рѣчь идетъ о свадьбѣ Лопухиной, Стединг замѣчаетъ, что отсюда видно «que le goût de l'empereur pour la princesse a été aussi pour qu'irréprochable» Тутъ же шведскій дипломатъ разсказываетъ о щедрости, которую проявилъ по этому поводу Павелъ: молодая дама получила 100.000 рублей наличными, роскошно обстановленный домъ, стоимостью въ 300.000 рублей; отецъ Лопухиной получилъ 100.000 рублей. Было подарено также очень много брилліантовъ, серебряной посуды и пр. Отецъ Лопухиной получилъ кромѣ того 7000 крестьянъ подъ условіемъ выдѣлить половину дочери и т. д. Сама императрица Марія Ѳеодоровна дѣлала прическу невѣстѣ передъ вѣнцомъ, какъ это обыкновенно бываетъ на свадьбахъ придворныхъ фрейлинъ. Стокгольмскій Архивъ.

[4]) Въ упом. м. Саблуковъ разсказываетъ, какъ создались интимныя отношенія. Онъ утверждаетъ, что это было дѣломъ Кутайсова и отца Лопухиной, и что даже самъ Гагаринъ содѣйствовалъ этому. Павелъ купилъ три дома, приказалъ ихъ соединить воедино и устроить обстановку для своей «maîtresse en titre». Рядомъ жилъ Кутайсовъ съ актрисой Шевалье. «I have frequently seen» разсказываетъ Саблуковъ «the Emperor leave him there and fetch him away again on his return from his own mistress».

[5]) См. выше приведенную работу Адріанова. Даже графъ Панинъ прибѣгъ къ заступничеству Гагариной, когда ему предстояло отправиться въ ссылку. См. «Матеріалы о Панинѣ» V, 622, 633—634. Воронцовъ писалъ Панину въ іюнѣ 1801, бичуя упадокъ нравовъ въ рускомъ обществѣ: «Nous avons vu un père assez infâme que de prostituer sa propre fille». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что рѣчь идетъ о Лопухинѣ. См. Панинскіе матеріалы, VI, 476—477. Розенцвейгъ упоминаетъ о томъ, что Михайловскій дворецъ, ремонтированный Павломъ незадолго до его смерти, былъ выкрашенъ подъ цвѣтъ розовыхъ перчатокъ его возлюбленной. На стр. 11

Не удивительно послѣ этого, что въ отношеніяхъ Павла къ его супругѣ наступило охлажденіе. Впрочемъ, еще раньше устои ихъ семейной жизни были окончательно расшатаны. Въ теченіе короткаго времени еще въ 1798 году императрица пользовалась нѣкоторымъ вліяніемъ; но говорятъ, что она при этомъ проявляла мало ловкости и такта [1]). Яркую картину этого неутѣшительнаго положенія рисуетъ намъ Ростопчинъ въ письмѣ къ Воронцову отъ 2 ноября 1798 г.: «Несмотря на расточительность императора, которая ему стоитъ много милліоновъ, у него нѣтъ вѣрныхъ слугъ. Его ненавидятъ; его собственныя дѣти раздѣляютъ это чувство къ нему; великій князь Александръ презираетъ своего отца; великій князь Константинъ его боится. Его дочери, какъ и всѣ другіе, которые находились подъ вліяніемъ матери, питаютъ къ нему отвращеніе. Всѣ ему льстятъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страстно желаютъ его паденія. И что за ужасный характеръ у императрицы [2]). Раньше ея кумиромъ было общественное мнѣніе [3]), теперь деспотизмъ и жажда власти. Она унизилась до того, что связалась съ шельмой, своимъ заклятымъ врагомъ [4]), съ цѣлью забрать въ руки своего супруга; теперь, повидимому, она совершенно подчинилась его волѣ».

Разсказывали, что въ послѣднее время передъ катастрофой супруги конспирировали другъ противъ друга, и этому вѣрили, но у насъ нѣтъ возможности провѣрить эти данныя. Съ этой оговоркой мы и сообщаемъ слѣдующія свѣдѣнія.

Бернгарди по этому поводу пишетъ, не сообщая источниковъ: «Марія Ѳеодоровна знала о томъ, что [5]) подготовлялось, и имѣла на своей сторонѣ собственную маленькую партію, интриги которой казались совершенно безсильными наряду съ планами главнаго заговора. Семья Куракиныхъ, близкихъ друзей императрицы, играла главную роль въ этихъ кругахъ [6]) и питала въ своей высокой покровительницѣ надежды на то, что она можетъ сдѣлаться самодержавной

указ. соч. онъ пишетъ: «У дворца было имя архангела и краски любовницы». Объ этомъ же упоминаетъ и Коцебу въ своемъ «Замѣчательномъ годѣ моей жизни».

[1]) См. мнѣніе Кочубея въ «Арх. кн. Воронцова». XVIII, 149—150.

[2]) Вмѣсто послѣдняго слова въ изданіи Воронцовскаго архива (т. XXIV, 274) стоятъ точки. Можетъ быть, въ силу цензурныхъ условій, хотя по связи съ предыдущимъ это мѣсто не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь имѣется въ виду Марія Ѳеодоровна.

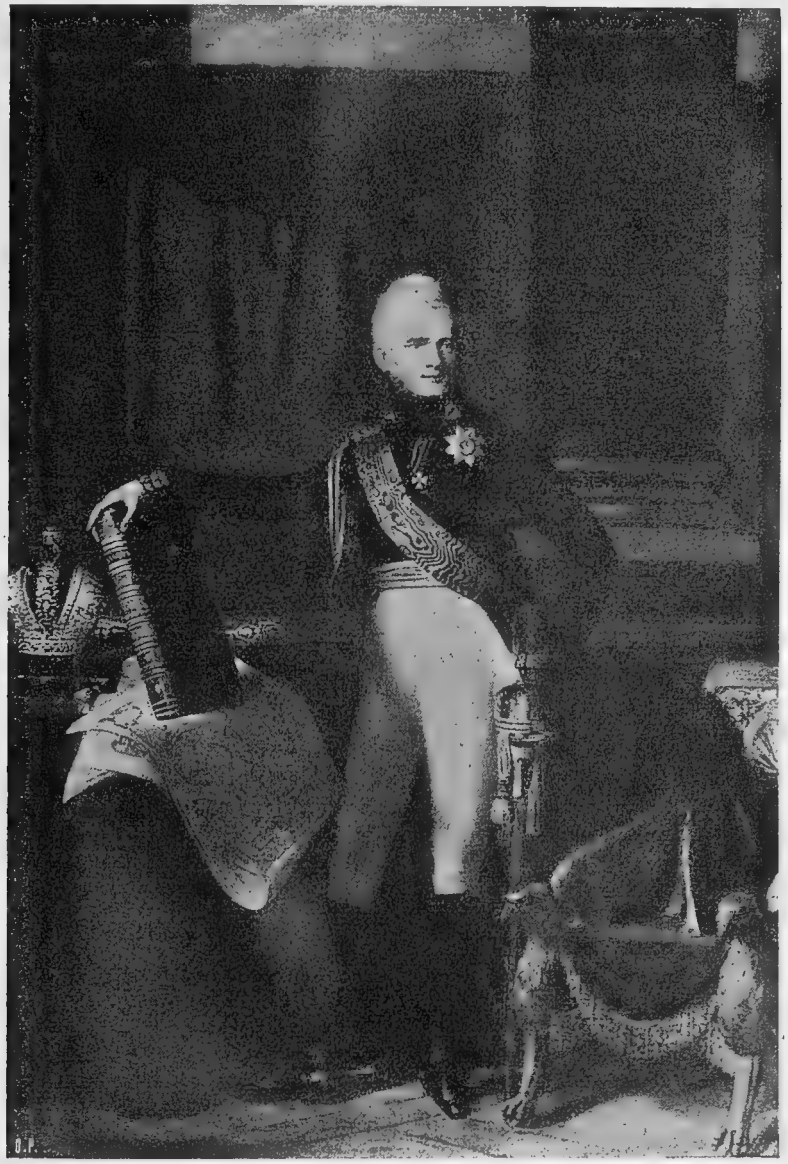
[3]) Т. е. погоня за популярностью.

[4]) Не имѣетъ ли онъ здѣсь въ виду Нелидову?

[5]) Отъ Панина, Палена и ихъ сообщниковъ.

[6]) Объ отношеніяхъ Куракина къ императрицѣ можно найти много указаній въ часто упоминавшемся изданіи о Панинѣ.

императрицей Россіи и повторитъ роль Екатерины [1]). Ей говорили, что великій князь Александръ слишкомъ молодъ, неопытенъ, малосиленъ и слабоволенъ, что онъ и самъ откажется отъ тяжелой для



Императоръ Александръ I.

него короны. Блестящее царствованіе императрицы Екатерины еще жило въ памяти всѣхъ, а старики помнили даже прекрасное, счастливое время, когда царствовала Елизавета. Россія, по ихъ увѣреніямъ,

[1]) Значитъ, такъ же и Павла свергнуть, какъ поступила Екатерина со своимъ супругомъ?

привыкла къ царствованію женщинъ, всегда чувствовала себя при нихъ счастливой — и нація жаждетъ кроткаго правленія императрицы. Она сама, по ихъ мнѣнію, была очень любима, и уже одна эта любовь народа вмѣстѣ съ прекрасными воспоминаніями въ силахъ возвести ее на престолъ. Императрица Марія, конечно, охотно слушала такія слова; особенно легко было ее убѣдить въ томъ, что она пользуется огромной любовью—вся ея жизнь и дѣятельность—раньше и послѣ—были вѣчной погоней за популярностью. Она стояла во главѣ нѣсколькихъ благотворительныхъ учрежденій и хотя въ управленіи ими проявляла мало пониманія дѣла, но зато много рвенія и нѣкоторое тщеславіе. Она не дѣлала ни одной прогулки, которая не была бы расчитана на то, чтобы вызвать какой-нибудь шумъ, заставить о себѣ говорить и предстать предъ народомъ въ качествѣ любвеобильнаго добраго генія, полнаго смиренія и достоинства. Ни на одну минуту она не забывала своей роли, и все ея существо въ силу этого пріобрѣло рѣзко театральный искусственный обликъ [1]).

Такіе честолюбивые замыслы со стороны императрицы и возможность подготовленія съ ея стороны рѣшительныхъ шаговъ противъ супруга менѣе достовѣрны, чѣмъ недовѣріе Павла къ своей супругѣ. Послѣднее обстоятельство подтверждается таинственнымъ рѣшеніемъ Павла закрыть ходъ изъ своей спальни въ покои императрицы. Разсказы современниковъ расходятся въ этомъ пунктѣ.

Розенцвейгъ сообщаетъ по этому поводу слѣдующее: «Изъ спальни императора вела только одна дверь. Архитекторъ Бренна, строившій Михайловскій дворецъ, оставилъ еще одинъ ходъ для сообщенія съ покоями императрицы. Но такъ какъ къ тому времени наступилъ разрывъ въ отношеніяхъ между супругами, то онъ получилъ приказаніе задѣлать эту дверь и даже былъ арестованъ на нѣсколько часовъ въ наказаніе за то, что не такъ скоро выполнилъ это приказаніе [2]).

По свѣдѣніямъ Ланжерона дверь была не задѣлана, а только заперта на ключъ со стороны спальни Павла, и Марія Ѳеодоровна могла поэтому очень скоро послѣ катастрофы явиться на мѣсто преступленія черезъ эту самую дверь, которая оказалась въ это время отпертой неизвѣстно кѣмъ и какимъ образомъ [3]). По источникамъ Бернгарди, Беннигсенъ будто бы заперъ дверь, которая вела въ ком-

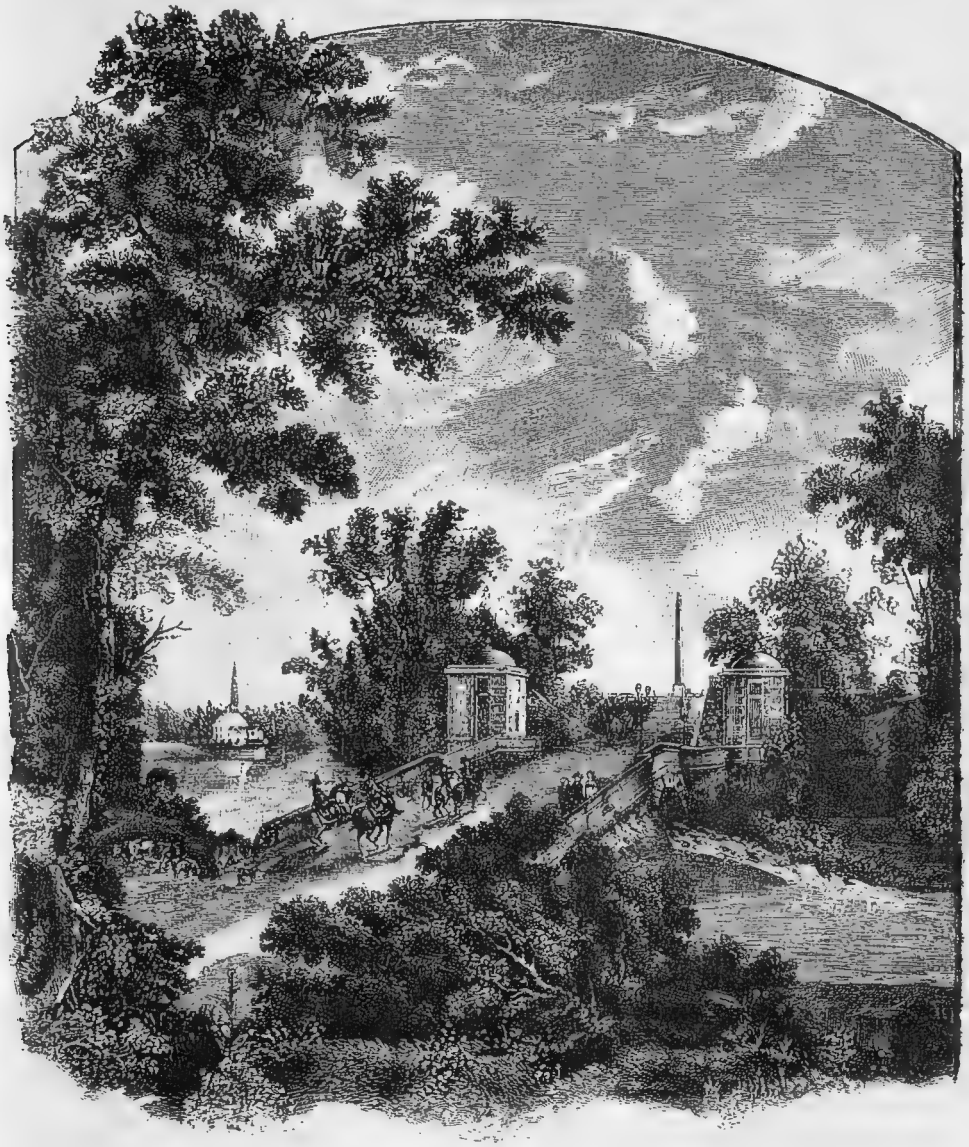
---

[1]) «Истор. Вѣстникъ», III, 149.

[2]) «Aus allen Zeiten und Landen», I, c. 12.

[3]) «Revue Britannique», I. c. 74. «Elle accourut bientôt, la porte avait été ouverte, on ne sait, par qui, ni comment». Относящееся сюда замѣчаніе Ланжерона гласитъ: «Il est a'presumer, que Bennigsen l'avait fait ouvrir, car elle n'était fermée que du coté de l'empereur; mais il ne m'a rien dit et j'ai oublié de le lui demander».

наты императрицы, непосредственно передъ убійствомъ Павла [1]). Саблуковъ замѣчаетъ, что дверь въ покои императрицы еще раньше была заперта извнутри.



Дверь, такимъ образомъ, не была, повидимому, задѣлана, но она была заперта извнутри, и въ этомъ сказалось отчужденіе между супругами и недовѣріе ихъ другъ къ другу.

---

[1]) «Истор. Вѣстникъ», III, 159.

Достовѣрно во всякомъ случаѣ извѣстно, что императрица и великіе князья имѣли всѣ основанія бояться Павла. Трудно было предвидѣть, до чего онъ можетъ дойти въ обращеніи и преслѣдованіи своихъ родныхъ при своей запальчивости и разстройствѣ умственныхъ способностей. Этотъ страхъ, который онъ вызывалъ къ себѣ въ своей семьѣ, очень ярко рисуютъ намъ въ своихъ письмахъ такіе придворные, какъ Ростопчинъ, Роджерсонъ, и мемуары современниковъ, какъ Саблуковыхъ и др.

На основаніи неизвѣстныхъ, но заслуживающихъ въ данномъ случаѣ большого вниманія источниковъ, Бернгарди разсказываетъ, что Павлу въ концѣ его царствованія очень понравился племянникъ императрицы принцъ Евгеній Вюртембергскій, четырнадцатилѣтній мальчикъ, который незадолго передъ тѣмъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и императоръ задумывалъ назначить его своимъ наслѣдникомъ. «Скоро», пишетъ Бернгарди: «его любовь къ этому красивому и умному мальчику дошла до чрезвычайной и страстной экзальтаціи, которая граничила съ ненормальностью, какъ и все, что онъ дѣлалъ. Онъ смотрѣлъ на мальчика, какъ ниспосланнаго съ неба; его планъ былъ готовъ, и его семью ожидала жестокая расправа. Супругу и сыновей онъ хотѣлъ подвергнуть строгому заточенію—императрицу въ Холмогорахъ [1]), великаго князя Александра въ Шлиссельбургской крѣпости, а великаго князя Константина въ Петропавловской [2]) и т. д.

Большого вниманія заслуживаетъ разсказъ Бернгарди: «Ужъ много разъ императоръ дѣлалъ намеки, говорилъ о какомъ то «grand coup», который онъ замышляетъ; недавно онъ съ угрозой по адресу своей фаворитки красавицы княгини Гагариной и Кутайсова заявилъ, что теперь онъ приведетъ въ исполненіе свой «grand coup»; онъ при этомъ прибавилъ слѣдующія подозрительныя слова: Sous peu je me verrai forcé de faire tomber des têtes, qui jadis m'étaient chères!» [3]).

Подобный же разсказъ мы находимъ у Розенцвейга. Паленъ раздулъ недовѣріе императора къ сыновьямъ до такой степени, что послѣдній далъ ему, какъ военному губернатору, письменное полномочіе арестовать великихъ князей, чтобы обезпечить безопасность свя-

---

[1]) Въ Холмогорскихъ казематахъ томились десятки лѣтъ родственники бывшаго императора Іоанна Антоновича, семья брауншвейгцевъ.

[2]) По нѣкоторымъ даннымъ, Бернгарди полагаетъ, что Павелъ хотѣлъ выдать свою дочь Екатерину замужъ за вюртембергскаго герцога Евгенія. Онъ надѣлялъ его всякими отличіями, почестями, орденами и т. д. Онъ дошелъ даже до того, что однажды на парадѣ самъ отдалъ ему честь и провелъ передъ нимъ батальонъ. Такой чести Павелъ еще никому не оказывалъ. «Историческій Вѣстникъ», III, 152—153.

[3]) «Историч. Вѣстн.», III, 153.

щенной особы императора. Паленъ показалъ этотъ приказъ великому князю и такимъ образомъ вырвалъ у него согласіе [1]). Впрочемъ, послѣдній и изъ другого источника былъ освѣдомленъ о той участи, которую ему предназначилъ его отецъ, именно отъ шефа кавалергардскаго полка генералъ-лейтенанта Уварова, любовника княгини Лопухиной, дочь которой княгиня Гагарина была тогда фавориткой императора. Въ одинъ изъ вечеровъ, когда Павелъ былъ у нея, онъ, глубоко опечаленный, жаловался, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ врагами, и что даже его сыновья въ заговорѣ противъ него. Подъ страшнымъ секретомъ онъ сообщилъ ей о своемъ рѣшеніи заключить ихъ въ крѣпость. Княгиня сообщила о томъ своей матери, а отъ нея черезъ Уварова это дошло до Палена [2]). Паленъ посовѣтовалъ сообщить объ этомъ непосредственно великому князю. Когда Александръ запросилъ объ этомъ генералъ-губернатора, то послѣдній сознался, что онъ получилъ уже такой приказъ, и настаивалъ на сверженіи Павла. Утверждаютъ также, что императоръ хотѣлъ заключить въ тюрьму императрицу и назначить своимъ преемникомъ третьяго сына Николая, котораго самъ намѣренъ былъ воспитывать [3]). Такимъ образомъ все вело къ катастрофѣ [4]).

Понятно, что подобнаго рода разсказы съ чужихъ словъ, если и не вымышлены цѣликомъ, то легко во всякомъ случаѣ могутъ быть заподозрѣны въ преувеличеніяхъ. Ихъ нельзя принимать за чистую монету, однако, сообщеніе Ланжерона въ его трудѣ о смерти Павла заслуживаетъ всяческаго вниманія. «Въ Европѣ», пишетъ онъ: «распространился слухъ (и никто другой, какъ Паленъ пустилъ его), будто Павелъ хотѣлъ удалить свою супругу, развести княгиню Гагарину съ ея мужемъ, чтобы жениться на ней, заточить своихъ трехъ старшихъ сыновей и назначить родившагося въ его царствованіе великаго князя Михаила наслѣдникомъ престола. Этотъ слухъ—гнусная клевета, опровергнутая Коцебу въ его трудѣ: «Замѣчательный годъ моей жизни» [5]). Изъ разговора съ генераломъ Кутузовымъ, который въ это время находился въ Петербургѣ, я могъ заключить, что о такихъ бе-

---

[1]) На рѣшительный шагъ противъ императора.

[2]) «Угроза Павла», говоритъ Бернгарди: «была тотчасъ же сообщена графу Палену—кѣмъ?—бывшимъ ли его слугой, котораго Павелъ поднялъ, какъ друга, до ступеней трона или его любовницей, мы не можемъ сказать; кто-нибудь третій врядъ ли могъ и быть». Объясненіе Розенцвейга кажется очень вѣроятнымъ.

[3]) Николай родился въ 1796 г., и къ смерти отца ему было только четыре года.

[4]) «Aus allen Zeiten u. Landen», I, с., стр. 8.

[5]) Мы изслѣдовали этотъ источникъ, но не могли найти указаннаго мѣста.

зумныхъ планахъ не могло быть и рѣчи, и что Павелъ еще наканунѣ своей смерти проявлялъ очень много сердечности въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ и къ дѣтямъ. А его характеръ исключалъ, какъ извѣстно, всякую возможность лицемѣрія» [1]).

Истина, повидимому, находится посрединѣ. Если замыслы Павла и не шли такъ далеко, чтобы думать объ удаленіи своей супруги и заточеніи сыновей, то о сердечныхъ отношеніяхъ къ семьѣ съ его стороны не могло быть и рѣчи. Саблуковъ въ качествѣ очевидца разсказываетъ о натянутыхъ отношеніяхъ, которыя установились между Павломъ и его сыновьями. «Отличаясь близорукостью и плохимъ слухомъ, Александръ,—пишетъ онъ,—пребывалъ въ вѣчномъ страхѣ, какъ бы не сдѣлать какого-нибудь упущенія по службѣ, и страдалъ отъ этого безсонницей по ночамъ. Оба великихъ князя трепетали отъ страха передъ отцомъ, и стоило ему только быть не въ духѣ, какъ они становились блѣдными, какъ смерть, и дрожали, какъ осиновый листъ» [2]). Въ другомъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ, въ связи съ упоминаніемъ о дисциплинарныхъ взысканіяхъ съ военныхъ, Саблуковъ пишетъ: «Оба великихъ князя ждали самаго худшаго для себя. Они оба состояли шефами полковъ и въ качествѣ таковыхъ ежедневно должны были выслушивать упреки за самыя ничтожныя упущенія во время парадовъ и муштровки» и т. д. [3]).

Изъ такихъ отношеній становится понятнымъ, что и Александръ, и Константинъ оказались арестованными въ роковой день переворота. О недовѣріи отца къ своимъ сыновьямъ свидѣтельствуетъ также то обстоятельство, что оба великихъ князя въ тотъ же самый день, за нѣсколько часовъ до смерти Павла, были проведены генеральнымъ прокуроромъ Обольяниновымъ въ дворцовую крѣпость, чтобы принести тамъ вторичную присягу императору [4]). И это должно было быть исполнено, въ то время какъ, по крайней мѣрѣ, старшій великій князь зналъ и долженъ былъ знать, что дни царствованія Павла сочтены. Въ интимныхъ кругахъ поведеніе Александра по отношенію къ отцу вызывало порицанія. Уже въ концѣ 1798 года Ростопчинъ писалъ графу Воронцову: «le grand-duc Alexandre a des grands torts vis-á-vis de son pére» [5]).

---

[1]) «Revue Britannique», 1895, за іюль, стр. 77.

[2]) «Fraser's Magazine», 1865, августъ, стр. 324.

[3]) Саблуковъ въ «Fraser's Magazine», сентябрь, 1865, стр. 310.

[4]) 11 марта въ 8 часовъ вечера, т.-е. за нѣсколько часовъ до катастрофы Александръ разсказывалъ Саблукову: «We av both under arrest... vehave been both of us brought up by Obolianinow to the chapel, to take an oath ot allegaiance». «Fraser's Magazine», стр. 314.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, XXIV, 277.

Казалось, что въ эпоху такого гнета, всеобщаго замѣшательства и крайней опасности могли исчезнуть обычныя понятія о морали и законности. Злоупотребленіе неограниченной властью со стороны Павла какъ будто подорвало господствовавшія до тѣхъ поръ воззрѣнія на лояльность, и традиціонныя обязанности подданныхъ, близкихъ и государственныхъ чиновниковъ не находили примѣненія въ данное время. Врачамъ и служащимъ психіатрическихъ лѣчебницъ не вмѣняется въ вину, если они извращаютъ истину въ интересахъ своихъ опасныхъ больныхъ. Сумасбродныя выходки Павла при его характерѣ и положеніи менѣе всего оставляли мѣста обычнымъ въ такихъ случаяхъ колебаніямъ, разъ дѣло шло о спасеніи. Общее настроеніе вполнѣ объясняетъ намъ диктатуру Панина и Палена, которые въ интересахъ общаго блага прибѣгли къ исключительнымъ мѣрамъ, чтобы положить конецъ неслыханнымъ злодѣяніямъ этого царствованія.

IV. Опасность увеличивается.

По увѣреніямъ современниковъ въ характерѣ императора можно было замѣтить ухудшеніе за четыре года его царствованія. Вмѣстѣ съ прогрессирующей маніей величія опасность для государства, для подданныхъ и для лицъ, окружавшихъ Павла, возростала до невѣроятныхъ размѣровъ. Являлся вопросъ, можно ли терпѣть еще дольше въ ожиданіи худшаго или можно подумать о томъ, чтобы искать какого-нибудь выхода.

Розенцвейгъ въ своихъ запискахъ пишетъ по этому поводу: «Страшно подумать, какъ быстро развертываются недостатки императора Павла послѣ его восшествія на престолъ. Каждый неудачный опытъ увеличиваетъ его суровость. Къ тому же лица, окружавшія императора, всячески потворствовали его страннымъ капризамъ въ разсчетѣ на разныя выгоды по службѣ, связанныя съ перемѣной лицъ. Умственныя способности императора давно уже внушали опасенія, но по временамъ на него находило просвѣтленіе, когда онъ проявлялъ здравый разсудокъ, много снисходительности и справедливости. Однако, въ послѣдніе годы его царствованія такіе счастливые моменты становились все рѣже; онъ проявлялъ еще большую строгость, чѣмъ раньше. Его окружали исключительно такіе люди, которые никакихъ законовъ не признавали и считались исключительно со своими личными интересами, вліяніе же императрицы, его супруги, совершенно пало» [1]).

---

[1]) «Aus allen Zeiten und Landen», I. c. стр. 4.

Паленъ слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ положеніе дѣлъ въ разговорѣ съ Ланжерономъ въ 1804 году: «Я не могу вамъ сообщить ничего новаго, дорогой Ланжеронъ, ни о характерѣ Павла, ни о его сумасбродныхъ причудахъ; вы отъ нихъ страдали не меньше нашего. Но васъ въ послѣднее время его царствованія не было въ Петербургѣ, и вы не могли наблюдать его въ теченіе двухъ послѣднихъ лѣтъ. Вы и не можете поэтому знать, какъ далеко ушла въ своемъ развитіи его быстро прогрессировавшая ненормальность. Она привела бы его къ кровавымъ расправамъ. Такіе случаи, впрочемъ, и бывали [1]). Никто изъ насъ не былъ увѣренъ въ своемъ завтрашнемъ днѣ. Скоро должны были вездѣ начаться эшафоты, и Сибирь заселена была бы несчастными жертвами» [2]). Въ такомъ же духѣ высказался и Паленъ очень скоро послѣ катастрофы въ разговорѣ съ барономъ Гейкингомъ, который былъ высланъ, какъ и Ланжеронъ и другіе. «Я знаю все,—говорилъ онъ,—что вы вынесли; но это ничто въ сравненіи съ тѣми ужасами, которымъ должны были подвергнуться очень многіе часто только за воображаемыя преступленія или за самую обыкновенную неосмотрительность. Мы устали служить орудіемъ этихъ тиранническихъ актовъ. Мы ясно видѣли, что его психопатія съ каждымъ днемъ растетъ и вырождается въ манію жестокости, и передъ нами стояла только альтернатива или освободить міръ отъ этого чудовища, или ждать, пока мы сами и, можетъ быть, часть императорской фамиліи не сдѣлаемся въ ближайшемъ будущемъ жертвами новаго взрыва его растущаго бѣшенства. Только изъ чувства патріотизма можетъ появиться смѣлость подвергнуть себя, жену и дѣтей своихъ самой жестокой смерти, чтобы вернуть счастье двадцати милліонамъ угнетенныхъ, измученныхъ, сосланныхъ, избитыхъ кнутами и изувѣченныхъ» и т. д. [3]).

Но можно подумать, что рѣзкія выраженія Палена объясняются его желаніемъ оправдать свой образъ дѣйствій во время катастрофы. Поэтому интересно выслушать людей, которые не принимали участія въ преступленіи даже не одобряли его. И съ ихъ стороны раздаются громкіе крики возмущенія. Когда русскій посолъ въ Лондонѣ по неожиданному капризу Павла былъ удаленъ со своего поста и лишенъ всѣхъ своихъ имѣній въ Россіи, Ростопчинъ писалъ ему по этому поводу: «Вы видите, что я долженъ былъ подтвердить своей подписью. Могу ли я послѣ этого оставаться на своемъ посту? Если

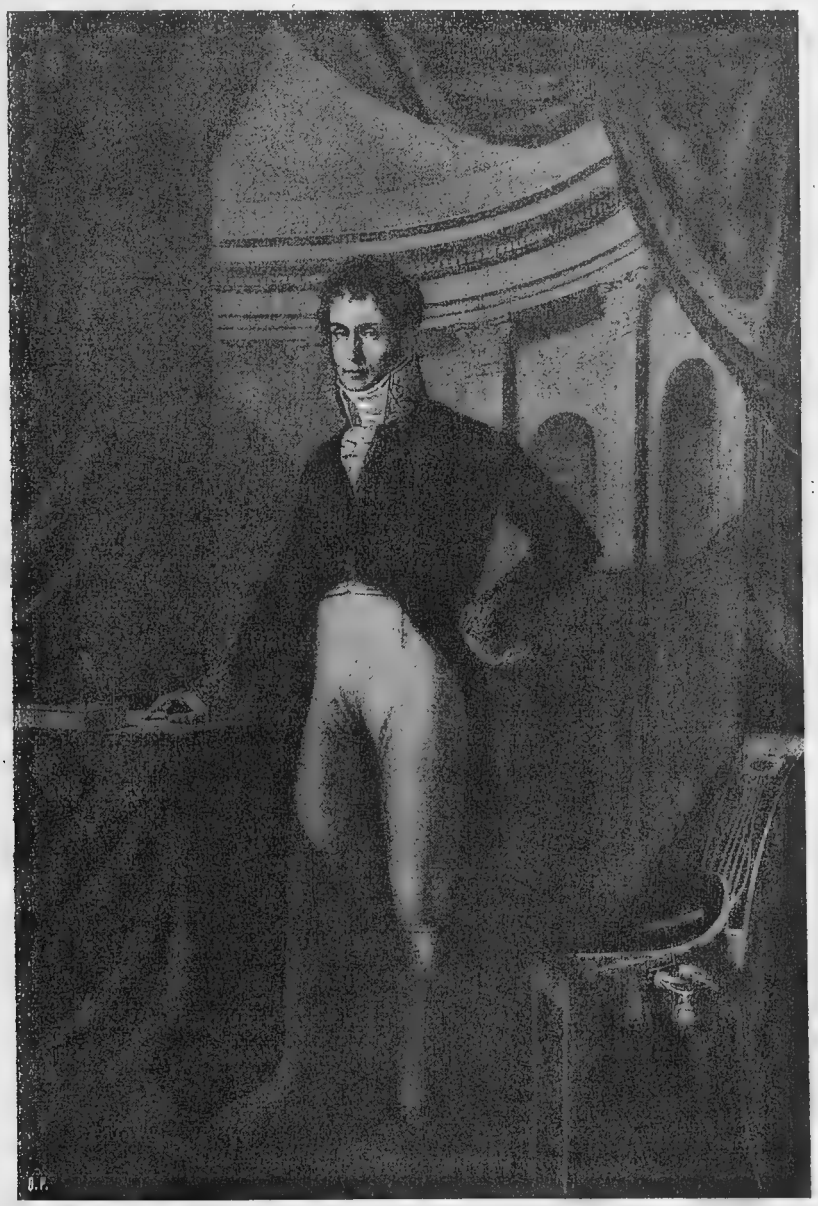
---

[1]) «Sa démence allant toujours *crescendo* aurait fini par devenir sanguinaire et l'était même déjà».

[2]) «Révue Britannique» за іюль 1895, стр. 63.

[3]) Бинеманнъ, изъ эпохи императора Павла, стр. 228.

съ вами такъ поступили, то какая же участь ждетъ меня? Мое сердце обливается кровью; я оплакиваю ваше горе. Я готовъ оросить своими слезами ваши руки. Намъ обоимъ нужно плакать! Ничего больше не остается дѣлать» [1]).



Кн. Адамъ Чарторижскій.

Черезъ нѣсколько недѣль Ростопчинъ пишетъ Воронцову: «Богъ знаетъ, куда это все приведетъ, трудно даже и предвидѣть. Будьте

[1]) Архивъ князя Воронцова, VIII, 338.

счастливы тамъ, гдѣ вы живете, и если вы плачете, то будьте увѣрены, что вы не одиноки. Уничтожьте это письмо» [1]). Вотъ что пишетъ Кочубей въ письмѣ къ Воронцову отъ того же времени: «Трудно описать вамъ, въ какомъ вѣчномъ страхѣ мы всѣ живемъ. Боишься своей собственной тѣни. Всѣ дрожатъ, такъ какъ доносы слѣдуютъ за доносами, и имъ вѣрятъ, не справляясь, насколько они соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Всѣ тюрьмы переполнены заключенными. Какой-то ужасный кошмаръ душитъ всѣхъ. Объ удовольствіяхъ никто и не помышляетъ теперь [2])... Тотъ, кто получаетъ какую-нибудь должность, не расчитываетъ оставаться при ней больше трехъ или четырехъ дней и поэтому всячески старается немедленно же получить крестьянъ въ подарокъ.... Теперь появилось распоряженіе, чтобы всякая корреспонденція шла только черезъ почту. Отправлять письма черезъ курьеровъ, слугъ или оказіей воспрещается. Императоръ думаетъ, что каждый почтмейстеръ можетъ вскрыть и прочесть любое письмо. Хотятъ раскрыть заговоръ, но ничего подобнаго не существуетъ [3]). Ради Бога обращайте вниманіе на все, что вы пишете. Я не сохраняю писемъ, я ихъ жгу. Я не знаю, куда это насъ приведетъ. Всѣхъ насъ это невѣроятно мучаетъ. Нужно бояться, что довѣренныя лица, на головы которыхъ обрушиваются самыя жестокія кары, готовятся къ какому-нибудь отчаянному шагу. Никто даже не смѣетъ и представленія составить себѣ объ этомъ. Для меня, какъ и для всѣхъ другихъ, не исключая Ростопчина, заготовлена на всякій случай карета, чтобы при первомъ же сигналѣ можно было бѣжать.... не подумайте, что я преувеличиваю. Напротивъ, я еще умолчалъ обо многомъ, что вамъ показалось бы невѣроятнымъ... Если у васъ имѣются какіе-нибудь секреты для меня, то воспользуйтесь услугами англійскихъ курьеровъ и пишите лимоннымъ сокомъ» [4]).

Государственные люди, частную переписку которыхъ мы находимъ въ «архивѣ князя Воронцова», очень часто уже послѣ катастрофы возвращаются къ вопросу объ ужасахъ этого четырехлѣтняго царствованія. По тому возмущенію, которое вызываютъ у нихъ эти вос-

[1]) Тамъ же, XXIX, 279.

[2]) О томъ жа пишетъ Стедингъ отъ 18 февраля (1 марта) 1800 года: «La société diminue tous les jours (вслѣдствіе высылокъ); le peu de maisons, qui restent encore, sont fermées hermétiquement, surtout aux étrangers, de craints, dit-on, de s'exposer à des soupçons, qui pourraint avoir de suites fâcheuses». Стокгольмскій Архивъ.

[3]) Кочубей даже и позже нисколько не былъ посвященъ въ планы Панина и Палена. Впрочемъ, въ апрѣлѣ 1799 года, когда писалъ Кочубей, никакого заговора и не существовало.

[4]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 202—205.

поминанія, мы можемъ судить о политическомъ бѣдствіи, которое переживала тогда Россія, и о всеобщей деморализаціи въ то время.

Адмиралъ Чичаговъ писалъ Воронцову, что Россія за эти четыре года какъ будто была отброшена на четыре столѣтія назадъ въ эпоху варварства [1]). «Кто не пережилъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Павла,—пишетъ Кочубей,—и не видѣлъ, какимъ источникомъ безпорядковъ, дезорганизаціи и хаоса это время было, тотъ никогда не въ состояніи будетъ опредѣлить, сколько усилій стоило все это привести въ нормальное состояніе. Когда я подумаю объ этомъ, то долженъ придти къ заключенію, что всякая другая страна въ подобномъ положеніи пришла бы къ неминуемой гибели». Въ другомъ письмѣ Кочубей говоритъ о «безуміи», которое проявилъ Павелъ въ своихъ отношеніяхъ къ Англіи и которое теперь должно было быть исправлено. «Мы нуждаемся въ спокойствіи, чтобы залѣчить ужасныя раны, нанесенныя странѣ», замѣчаетъ графъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ прибавляетъ: «у насъ нѣтъ больше сумасшедшихъ» [2]) и т. д. Баронъ Гриммъ пишетъ Воронцову, что нужно постараться забыть страшные годы царствованія Павла. Они встаютъ въ памяти, какъ тяжелый сонъ, какъ ужасный кошмаръ. Съ каждымъ днемъ прибавлялись все новыя бѣдствія. Не говоря уже о неисчислимыхъ несчастіяхъ, которыя являлись слѣдствіемъ ложныхъ политическихъ мѣропріятій и угрожали дальнѣйшему существованію государства, одинъ видъ преслѣдуемыхъ жертвъ дѣйствовалъ удручающимъ образомъ на всѣхъ; можно было съума сойти и т. д. [3]).

Вотъ какъ объ этомъ пишетъ Бутурлинъ своему дядѣ князю Воронцову: «Безпрерывный рядъ безумныхъ ошибокъ, которыя будутъ отмѣчены въ исторіи именемъ только что минувшаго царствованія, пустилъ такіе глубокіе корни, что я не знаю, какъ долго намъ придется еще опасаться рецидивовъ. Духовная жизнь общества еще не освободилась отъ заразы (gangrenée). Люди, которые въ царствованіе Павла постоянно какъ бы висѣли въ воздухѣ между двумя крайностями, между опасностью заточенія или ссылкой въ Сибирь и надеждой на высшіе ордена и на подарки въ нѣсколько тысячъ крѣпостныхъ, только постепенно могутъ привыкнуть къ спокойствію и порядку». «Послѣднее царствованіе,—пишетъ онъ же въ 1803 г.,—до такой степени расшатало всѣ государственные устои, что едва можно найти десятокъ людей, которые бы годились для занятія вы-

---

[1]) Тамъ же, XIX, 63.

[2]) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 235, 241.

[3]) Архивъ князя Воронцова, XX, 386—387. Точно такъ же отзывается и Николаи, говоря, что все время всѣ пребывали въ вѣчномъ страхѣ и т. д. Тамъ же, XXII, 108.

сокихъ служебныхъ постовъ». Много разъ жалуется Бутурлинъ на ужасныя послѣдствія царствованія этого «feu Paul de turbulente memoire» и на «folies du règne de Paul», которыя показали міру, на что способны русскіе и т. д. [1]).

Очень ясно и рѣзко высказался о царствованіи Павла С. Р. Воронцовъ. Въ письмѣ къ Панину вскорѣ послѣ катастрофы онъ пишетъ по поводу конфискаціи его имѣній: «Такія выходки вполнѣ соотвѣтствуютъ сумасбродству Павла, который былъ душевно боленъ и въ своихъ дѣйствіяхъ подражалъ марокскому царю и персидскому шаху» [2]). При жизни Павла онъ, Воронцовъ, не могъ и думать о томъ, чтобы отправить въ Россію своего сына, который хотѣлъ посвятить себя военной службѣ; онъ могъ это сдѣлать только послѣ восшествія на престолъ Александра. «Въ «ужасное» царствованіе Павла,— писалъ Воронцовъ своему сыну, — всѣ, дорожившіе своей честью и достоинствомъ, принуждены были уйти съ военной службы. Теперь можно служить, не боясь оскорбленій, униженій, изгнанія и всякихъ другихъ невзгодъ» [3]). Воронцовъ жалуется въ своихъ письмахъ на разрушающую дѣятельность Павла [4]), на безпримѣрную тиранію, воспоминаніе о которой никогда не исчезнетъ въ русскомъ народѣ до тѣхъ поръ, пока онъ только будетъ существовать [5]), на неистовую свирѣпость и несправедливость Павла, который, не задумываясь, могъ лишить его, Воронцова, всего состоянія [6]), на гибельное вліяніе «деспота Павла» и его «règne atroce» [7]) и т. д.

Воронцовъ былъ склоненъ приписать нѣкоторые неудачные шаги Павла въ области иностранной политики вліянію Безбородко, Кутайсова и Ростопчина [8]). Но онъ отказывается подыскать достаточно сильныя выраженія, когда начинаетъ бичевать безразсудныя мѣропріятія самого императора. Въ изданномъ Александромъ манифестѣ, который былъ составленъ Панинымъ, упоминалось въ обычныхъ выраженіяхъ о «славной памяти» царствованія Павла. Въ рѣзкой критикѣ, направленной противъ этого манифеста и предназначенной для императора Александра, Воронцовъ въ полныхъ возмущенія выраженіяхъ, между прочимъ, пишетъ: «Какъ можетъ Александръ I, который уже вышелъ изъ дѣтскаго возраста, можетъ уже имѣть свое

---

1) Архивъ князя Воронцова, XXXII, 325, 360, 364, 368.
2) Матеріалы о Панинѣ, т. VI, стр. 434.
3) Архивъ князя Воронцова, XVII, 69, 106.
4) «La faux dévastatrice de Paul».
5) Архивъ кн Воронцова, X, 152, 157.
6) Тамъ же, XVII, 297.
7) Тамъ же, XIX, 283 и XVII, 29.
8) Архивъ кн. Воронцова, VIII, 288 и X, 132.

собственное мнѣніе и высоко цѣнитъ добродѣтель, какъ онъ можетъ не видѣть, что его отецъ извратилъ право, подорвалъ финансы, уничтожилъ торговлю и держалъ свою несчастную страну подъ гнетомъ безпримѣрнаго деспотизма? Имѣется ли вообще чего-нибудь достойнаго славы въ такомъ образѣ правленія? Не заявляетъ ли монархъ о своей солидарности съ принципами такого правленія, если онъ выставляетъ его предъ своими подданными, какъ достославное? Не говоритъ ли онъ этимъ, что и самъ намѣренъ идти по тѣмъ же стопамъ? Если же такой образъ правленія является полной противоположностью «славной памяти», то употребленіе такихъ эпитетовъ есть одно только лицемѣріе» и т. д. [1]). Такой же строгій приговоръ царствованію Павла выноситъ и братъ Воронцова, канцлеръ, въ запискѣ, составленной для Александра. «Многія учрежденія Екатерины,—говорится тамъ,—были отмѣнены, налоги увеличены, торговля подорвана, обмѣнъ затрудненъ; однимъ словомъ, это былъ настоящій хаосъ, отъ котораго мы освободились только послѣ воцаренія Александра I» [2]).

Но, указывая на бѣдствія, причиненныя царствованіемъ Павла и жалуясь на «грубое, жестокое варварство, отъ котораго стонала Россія» [3]), Воронцовы находили и объясненіе этихъ несчастій. Николаи писалъ Воронцову, что характеръ Павла представляетъ странную смѣсь очень хорошихъ качествъ съ самымъ грубымъ произволомъ, и что склонность къ жестокости съ теченіемъ времени затушевала всѣ другія черты [4]). Графъ Воронцовъ на это отвѣчаетъ: «Это вѣрно, но вы должны были прибавить, что эти звѣрскіе инстинкты выродились въ настоящую манію. Ненормальность умственныхъ способностей Павла въ послѣдніе восемь или десять мѣсяцевъ его жизни бросалась въ глаза. Его поведеніе по отношенію къ другимъ державамъ и монархамъ показываетъ, что его умъ помутился. Я даже не склоненъ приписывать его злому сердцу тиранническую жестокость, которая омрачила конецъ его царствованія. Я его больше сожалѣю, чѣмъ порицаю» и т. д. [5]). Въ такомъ же смыслѣ пишетъ С. Р. Воронцовъ своему брату: «Я убѣжденъ,—гласитъ его письмо,—что почившій императоръ имѣлъ несчастье быть душевно-больнымъ. По моему мнѣнію, онъ такъ же не отвѣтственъ за свои дѣйствія, какъ и ре-

---

[1]) Архивъ кн. Воронц., X, 280. Цѣнность этихъ выводовъ и получаемое отъ нихъ впечатлѣніе увеличиваются, когда принимаешь во вниманіе, что это писано для сына Павла.

[2]) Арх. кн. Воронц. XXIX, 460—461.

[3]) См. письмо С. Р. Воронц. къ Николаи, Арх. XXII, 531.

[4]) Архивъ кн. Воронцова, XX, 108.

[5]) Архивъ кн. Воронцова, XXII, 532.

бенокъ, который ранитъ бритвой себя и другихъ только потому, что никогда не видѣлъ этого орудія и не знаетъ, какъ имъ нужно пользоваться. У меня имѣются письма Панина, написанныя имъ еще при жизни Павла и здѣсь рѣчь идетъ о тиранніи, всякихъ ужасахъ и о ненормальности Павла» [1]). «Панинъ,—читаемъ мы въ другомъ письмѣ,—считалъ тирана сумасшедшимъ» [2]).

Но разъ всѣ были убѣждены, что имѣютъ дѣло съ душевно-больнымъ, то раньше или позже должна была явиться мысль объ удаленіи его съ трона, такъ какъ опасность злоупотребленія неограниченной властью съ его стороны возросла до необычайныхъ размѣровъ. Ожиданія кончились и прекращены были расчеты, какъ далеко еще могутъ идти патологическія причуды деспота. Дальнѣйшее промедленіе было опасно. Всѣ стояли предъ лицомъ грубой силы, и ничего не оставалось дѣлать, какъ освободиться отъ этого злого генія, какъ обезвредить опаснаго психопата. Не было надобности въ оппозиціонной партіи, которая изъ вражды къ господствовавшимъ тогда въ Россіи политическимъ традиціямъ предприняла бы какіе-нибудь шаги противъ Павла. Не было даже достаточно авторитетнаго врача, который могъ бы констатировать неспособность императора управлять государствомъ. Къ тому же и психіатрія тогда не настолько еще была развита, чтобы опредѣлить размѣры душевной болѣзни монарха по его сумасброднымъ распоряженіямъ въ государственныхъ дѣлахъ. Съ другой стороны и мало развитымъ въ то время русскимъ государственнымъ правомъ не было предусмотрѣно, какъ нужно поступить въ случаѣ разстройства умственныхъ способностей у монарха. Высшіе органы государственной власти никакого или почти никакого значенія не имѣли и не могли, поэтому, проявить иниціативу при такихъ обстоятельствахъ. Малѣйшее сомнѣніе въ умственныхъ способностяхъ императора было равносильно государственной измѣнѣ, поэтому никто изъ сановниковъ даже намекнуть не могъ о необходимости замѣстительства. Оставался такимъ образомъ одинъ путь заговора отдѣльныхъ лицъ. Исключительныя условія вызывали исключительныя мѣры. Приходилось дѣйствовать тайно, чтобы силѣ противопоставить силу.

Такіе дальнозоркіе и осторожные политики, какъ графы Воронцовы, Панинъ и другіе современники, были проникнуты убѣжденіемъ, что что-нибудь должно произойти для спасенія Россіи, и это очень характерно для тогдашняго положенія, въ особенности, если принять во вниманіе, что это были люди благородные, безкорыстные, къ тому

[1]) Тамъ же, X, 110.

[2]) Тамъ же, X, 280. Роджерсонъ замѣчаетъ, что Павелъ душевно боленъ, не можетъ отличить добра отъ зла, что его комбинаціи ошибочны, и т. д.

же консерваторы, ничего общаго съ господствовавшимъ либерализмомъ французской революціи не имѣвшіе.

Въ февралѣ 1801 года, т. е. за нѣсколько дней до катастрофы, графъ С. Р. Воронцовъ писалъ симпатическими чернилами изъ Соутгемтона Новосильцеву, который также находился въ это время въ Англіи, слѣдующее: «Вы говорите, что не слѣдуетъ слишкомъ строго осуждать очень интересующую насъ особу, такъ какъ подневольная жизнь развратила ея характеръ. Вы полагаете, что не слѣдуетъ терять надежды, такъ какъ это лишаетъ насъ энергіи въ несчастіи. Это было бы до извѣстной степени вѣрно, если бы только существовали хоть какія-нибудь основанія ожидать перемѣны. Такая перемѣна неминуема и естественна, утверждаете вы. А если, вопреки необходимости и возможности, эта перемѣна все-таки не наступаетъ, то должно же существовать основное препятствіе, которое ее задерживаетъ.—Что же касается подневольной жизни, которая испортила характеръ извѣстной особы, то я вамъ скажу, мой милый другъ, что слабость и твердость души можно сравнить съ физическими тѣлами. Существуютъ мягкія тѣла, лишенныя упругости, которыя послѣ произведеннаго на нихъ давленія не принимаютъ прежней формы, какъ, напр., бумага, воскъ, свинецъ, олово и т. п.; слоновая кость и сталь или ломаются, или быстро принимаютъ первоначальное положеніе, когда ихъ сдавливаютъ или сгибаютъ. А объ упругости воздуха и пара вы лучше меня знаете, что они разрушаютъ все, что производитъ слишкомъ сильное давленіе на нихъ. Къ нашему несчастью, мы до сихъ поръ имѣли возможность наблюдать только воскъ и олово.

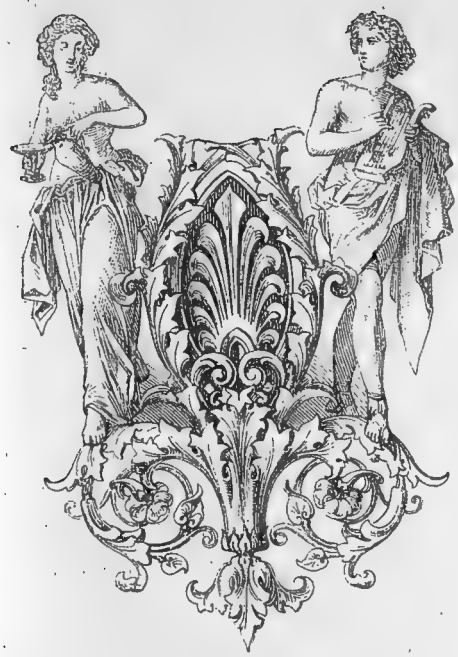
Въ такомъ случаѣ все потеряно. При всемъ своемъ стараніи я никакого утѣшенія въ будущемъ найти не могу. Какъ будто мы съ вами находимся на кораблѣ, на которомъ кормчій и весь экипажъ говорятъ на непонятномъ намъ языкѣ. Я страдаю морской болѣзнью и никакъ не могу излѣчиться отъ нея. Вы мнѣ сообщаете, что поднялась буря и корабль долженъ пойти ко дну, потому что капитанъ сошелъ съума и избиваетъ свой экипажъ. И экипажъ, состоящій болѣе чѣмъ изъ тридцати человѣкъ, не смѣетъ оказать сопротивленія такой расправѣ съ нимъ, потому что капитанъ одного матроса уже выбросилъ за бортъ, а другого убилъ. Мнѣ остается въ такомъ случаѣ только ждать, что корабль нашъ погибнетъ. Между тѣмъ вы увѣряете, что еще есть надежда на спасеніе, потому что второй капитанъ умный и симпатичный молодой человѣкъ, пользующійся довѣріемъ экипажа. Въ такомъ случаѣ я заклинаю васъ вернуться на палубу и убѣдить молодого человѣка и экипажъ спасти корабль и грузъ, которые частью принадлежатъ этому юношѣ; ихъ тридцать

человѣкъ противъ одного и было бы смѣшно бояться быть убитымъ сумасшедшимъ капитаномъ только потому, что, распоряжаясь съ каждымъ отдѣльно, этотъ душевно-больной могъ бы въ короткое время выбросить за бортъ всѣхъ матросовъ и самого молодого человѣка. Вы говорите, что не понимаете языка и не умѣете съ этими людьми объясняться, но пойдете все-таки на палубу, чтобы посмотрѣть, что тамъ произойдетъ. Вы возвращаетесь ко мнѣ и заявляете, что опасность увеличивается, такъ какъ сумасшедшій все еще правитъ кораблемъ. И, несмотря на это, вы все еще не теряете надежды. Будьте здоровы, мой другъ! Вы счастливѣе меня, потому что у меня уже нѣтъ больше никакихъ надеждъ».

Въ этой пространной аллегоріи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на тѣ способы, какими нужно было бы дѣйствовать противъ стоящаго у кормила правленія «сумасшедшаго капитана». Во всякомъ случаѣ здѣсь предусмотрѣно, что послѣдняго замѣщаетъ молодой кормчій. Для этого было только два пути: или запереть капитана въ его каютѣ и поставить у кормила молодого человѣка или же выбросить за бортъ капитана. Большую цѣнность имѣетъ замѣчаніе, что молодой капитанъ и весь экипажъ подвергались огромной опасности «быть выброшенными за бортъ душевно-больнымъ». Отсюда можно заключить, что Новосильцевъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшій въ Англію, упоминалъ въ разговорѣ съ Воронцовымъ о носившихся тогда слухахъ, будто Павелъ намѣренъ лишить Александра права престолонаслѣдія и заключить его въ крѣпость.

Почему Воронцовъ выдаетъ себя за страдающаго морской болѣзнью и не считаетъ для себя возможнымъ подняться на палубу, чтобы поговорить съ молодымъ капитаномъ, остается непонятнымъ для насъ. Онъ уже не былъ больше русскимъ посломъ и могъ поэтому свободно пріѣхать въ Россію, чтобы побудить Александра предпринять какіе-нибудь рѣшительные шаги противъ отца. Вмѣсто этого Воронцовъ убѣждаетъ Новосильцева взять на себя эту задачу, чтобы спасти второго капитана, экипажъ и грузъ. Отказъ Новосильцева, нѣсколько неясно мотивированный незнаніемъ языка, приводитъ Воронцова въ отчаяніе.

Въ это время два другихъ человѣка изъ экипажа сговорились съ молодымъ кормчимъ удалить съ руля сумасшедшаго капитана и запереть его въ его каютѣ.



II.

Происхожденіе кризиса.

1. Планъ регентства.

Уже въ концѣ 1797 года въ Швеціи распространился слухъ о подготовляющемся заговорѣ противъ императора Павла. По этому поводу посолъ Стединъ писалъ королю Густаву IV: «Слухи о подготовляющемся здѣсь заговорѣ не заслуживаютъ никакой вѣры. Революція въ Россіи можетъ преслѣдовать только поремѣну коронованнаго лица. Но вы, Ваше Величество, слишкомъ хорошо знаете расположеніе комнатъ во дворцѣ и характеры членовъ царской фамиліи, чтобы можно было имѣть какія-нибудь опасенія на этотъ счетъ [1]). Конечно можно ожидать какихъ-нибудь преступныхъ замысловъ со стороны якобинцевъ; но здѣшній народъ созданъ для слѣпого повиновенія и безусловнаго подчиненія и свободенъ поэтому отъ той деморализаціи, которая могла бы вызвать подобнаго рода бунты. Кромѣ того, если даже и имѣются недовольные строгостью и неожиданными наказаніями императора, то онъ, съ другой стороны, привлекъ къ себѣ сердца многихъ подданныхъ своей щедростью, своей любовью къ порядку и справедливости. Внушая всѣмъ страхъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ защищаетъ народъ отъ того гнета, подъ которымъ онъ раньше стоналъ» [1]).

Стединъ ошибался. Менѣе всего угрожала опасность Павлу со стороны якобинцевъ. Въ словахъ шведскаго посла слышенъ упрекъ

[1]) Густавъ жилъ осенью 1796 года въ Петербургѣ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль и ежедневно бывалъ въ Зимнемъ дворцѣ. Въ Михайловскій дворецъ Павелъ переселился позже. Стокгольмскій Архивъ.

по адресу Екатерины и переоцѣнивается мнимая популярность Павла. Съ «народомъ» вообще не считались. Съ другой стороны, такого «гнета», какой существовалъ при Павлѣ, раньше не знали. Даже самый осторожный и трусливый изъ русскихъ сановниковъ того времени, Безбородко, жаловался С. Р. Воронцову въ письмѣ отъ ноября 1798 г. на нравственныя страданія, которыя ему причинялъ императоръ своимъ обращеніемъ и которыя ему тѣмъ тяжелѣе было переносить, что онъ въ теченіе двадцати лѣтъ въ царствованіе Екатерины привыкъ всегда видѣть только счастливыхъ и довольныхъ людей [1]).

Изъ послѣдующихъ сообщеній того же Стединга можно убѣдиться, что общее положеніе въ послѣдніе годы царствованія Павла существенно ухудшилось съ тѣхъ поръ, когда онъ писалъ выше упомянутое письмо. Изъ указаній шведскаго посла можно заключить, что ждали дворцовой революціи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и что рѣчь шла о заговорѣ среди членовъ царской фамиліи. Послѣ депеши Стединга отношенія между обитателями дворца измѣнились къ худшему [2]). Въ особенности поколебалось, какъ это можно, между прочимъ, заключить по мемуарамъ Саблукова, положеніе Александра. Онъ выглядитъ угнетеннымъ, боязливымъ, впечатлительнымъ. Если бы кто-нибудь сталъ добиваться его согласія на какой-нибудь шагъ противъ Павла, то великій князь, наслѣдникъ престола, не сталъ бы, повидимому, сильно возражать противъ такихъ совѣтовъ и наущеній. О крайней запутанности положенія можно судить по замѣткамъ Ланжерона, которыя имъ были написаны въ Варшавѣ непосредственно послѣ разсказа великаго князя Константина о мартовскомъ событіи 1801 года. «Бываютъ положенія,—читаемъ мы тамъ,—которыя накладываютъ на людей очень трудныя обязанности, исполненіе которыхъ можетъ оказаться тягостнымъ даже для частныхъ лицъ и тѣмъ болѣе для принца, родившагося на ступеняхъ трона. Александра вынуждала необходимость свергнуть съ престола своего отца, такъ какъ онъ не могъ не видѣть, что въ противномъ случаѣ онъ дастъ ему возможность привести страну къ гибели своими безсмысленными планами и непослѣдовательными распоряженіями. Душевная болѣзнь (la folie) несчастнаго монарха—и не слѣдуетъ упускать изъ виду, что

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XIII, 356 и д. Безбородко вскорѣ послѣ этого умеръ.

[2]) Достойно вниманія въ этомъ отношеніи слѣдующее обстоятельство. Павелъ купилъ три дома подъ квартиру для княгини Гагариной. Но послѣ переселенія въ Михайловскій дворецъ для фаворитки были отведены покои подъ спальней Павла. См. планъ у Саблукова въ указ. м. стр. 316. «A staircase, wich led to the apartments of the princess Gagarin and also to those of count Kutaizoff».

его умственныя способности были разстроены—приняла такіе размѣры, что онъ сталъ совершенно неспособнымъ человѣкомъ. Отсюда вытекала необходимость принести его въ жертву интересамъ сорокамилліоннаго населенія».

Въ исторіи свержения Павла нужно различать двѣ фазы. Сначала рѣчь шла объ установленіи регентства, мотивированнаго разстройствомъ умственныхъ способностей императора. Естественно, что для роли регента предназначали хотя и очень молодого, но уже совершеннолѣтняго великаго князя Александра. Въ эту первую фазу главную роль игралъ графъ Панинъ. Мысль искать выхода въ такой формѣ была подсказана двумя аналогичными случаями изъ западно-европейской жизни. Въ Англіи во время болѣзни короля Георга III руководство государственными дѣлами нѣсколько разъ ввѣрялось Принцу Уэльскому. Въ Даніи въ царствованіе короля Христіана VII также правилъ съ 1784 года регентъ, который затѣмъ сталъ королемъ подъ именемъ Фридриха VI. Въ обоихъ случаяхъ это учрежденіе было введено безъ всякихъ препятствій или насильственныхъ дѣйствій и послужило на пользу этимъ государствамъ. Такой же выходъ изъ затруднительнаго положенія хотѣли найти и въ Россіи, не прибѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, о которыхъ человѣкъ такого возвышеннаго образа мыслей, какъ Панинъ, не могъ никогда даже и подумать. Но совершенно очевидно, что въ Россіи рѣшеніе этой задачи представляло большія затрудненія и требовало необыкновенной ловкости. Очень много въ этомъ случаѣ приходилось разсчитывать на лояльный и рѣшительный образъ дѣйствій наслѣдника престола.

И темпераментъ душевно-больного монарха, и общій характеръ политическаго строя, и наличность значительной группы, своекорыстные интересы которой заставляли ее поддерживать правленіе Павла—всѣ эти условія представляли большую опасность для иниціаторовъ. Поэтому всѣ совѣщанія объ учрежденіи регентства должны были устраиваться небольшимъ кругомъ лицъ, въ глубокой тайнѣ, и соотвѣтствующіе планы приходилось составлять независимо отъ всѣхъ государственныхъ учрежденій. Эта работа носила такимъ образомъ характеръ заговора. Уже по одному тому, что при тогдашнемъ террористическомъ режимѣ всѣ, не исключая высшихъ сановниковъ и членовъ императорской фамиліи, были окружены шпіонами и въ любой моментъ могли бы быть заподозрѣны въ политическомъ преступленіи, такая государственная реформа могла бы быть истолкована какъ интрига, измѣна и клятвопреступленіе, хотя люди безпристрастные и не имѣли бы никакого повода обвинять участниковъ въ такихъ преступленіяхъ. Дѣйствовать открыто и лояльно значило компрометировать дѣло и нести мученическій крестъ безъ всякой пользы для предпріятія.

Поэтому никто изъ сослуживцевъ и друзей, ни одинъ министръ, ни одинъ посолъ, за единственнымъ исключеніемъ Ростопчина, никто и не подумалъ порицать Панина, когда узнали о той роли, которую онъ сыгралъ въ этой катастрофѣ. Болѣе того, то отношеніе, которое проявили къ нему впослѣдствіи Александръ, Марія Ѳеодоровна и даже императоръ Николай, вызвало крайнее возмущеніе всѣхъ благомыслящихъ людей. Въ виду этой несправедливости по отношенію къ Панину и проявленнаго многими недостаточнаго знакомства съ дѣломъ и огульнаго обвиненія его, какъ соучастника въ насильственной смерти Павла, мы считаемъ нужнымъ подчеркнуть здѣсь, что этотъ государственный дѣятель, которымъ Россія можетъ гордиться, какъ однимъ изъ лучшихъ патріотовъ своихъ, никакого участія въ мартовскомъ кровавомъ дѣлѣ 1801 года не принималъ.

Дѣло приняло другой оборотъ, когда Панинъ въ концѣ года былъ высланъ изъ столицы и выполненіе плана перешло въ другія руки. Если мысль о регентствѣ продолжала существовать и позже, даже вопреки желанію великаго князя Александра, то вмѣстѣ съ тѣмъ становилась все болѣе и болѣе настоятельной необходимость полнаго и насильственнаго устраненія Павла, и произошла катастрофа. Главную роль въ эту фазу игралъ Паленъ, и на него падаетъ самая тяжелая отвѣтственность за все, что произошло.

Первая мысль о перемѣнѣ правленія связана съ именами трехъ человѣкъ: Рибаса, Палена и Панина.

Адмиралъ Рибасъ, родомъ съ острова Мальты, дѣльный офицеръ, который выдвинулся въ послѣднюю турецкую кампанію при штурмѣ Измаила и принималъ дѣятельное участіе въ основаніи и построеніи города Одессы, состоялъ въ очень близкой дружбѣ съ Паленомъ и еще болѣе съ Панинымъ. Онъ, будто бы, и подалъ мысль о заговорѣ противъ Павла и рекомендовалъ ядъ, какъ средство для устраненія монарха (?) [1]). Онъ умеръ, однако, раньше, чѣмъ разыгралась эта драма. Кто кромѣ него проявлялъ больше иниціативы въ предпріятіи, графъ Паленъ или графъ Панинъ, остается невыясненнымъ. Самъ Паленъ нѣсколько разъ заявлялъ, что онъ первый подалъ эту мысль. Источники Бернгарди говорятъ въ пользу иниціативы Панина. Такія указанія, можетъ быть, имѣются въ мемуарахъ Беннигсена, которыми Бернгарди пользовался. Въ разговорѣ съ Ланжерономъ Беннигсенъ не касался этого пункта.

---

[1]) Саблуковъ въ указ. м., стр. 236. «Ribas first laid the foundations of the conspiracy». Ланжеронъ въ «Revue Britannique», стр. 62. «Ribas avait opiné pour le poison». (!?). Довѣріе Панина къ Рибасу, которое видно изъ Панинск. матер., говоритъ въ пользу этого человѣка.

Свѣдѣнія по этому поводу такъ сильно расходятся между собой, что намъ приходится полнѣе привести соотвѣтствующіе разсказы.

«Можно съ большой увѣренностью утверждать,—пишетъ Розенцвейгъ:—что Паленъ, адмиралъ Рибасъ, графъ Панинъ и начальникъ преображенскихъ гвардейцевъ генералъ лейтенантъ Талызинъ уже осенью 1800 года задумали низложить императора и возвести на престолъ великаго князя Александра. Нужно было склонить послѣдняго на свою сторону, чтобы провести этотъ планъ въ жизнь. Съ достаточнымъ основаніемъ можно удостовѣрить, что графу Панину было поручено вести по этому поводу переговоры, и что онъ своей цѣли достигъ. Характеры молодого князя и Панина могутъ намъ служить ручательствомъ, что они и не думали лишить императора жизни. Графомъ Панинымъ руководилъ чистый патріотизмъ: въ дальнѣйшемъ правленіи Павла онъ видѣлъ гибель для Россіи и ждалъ всякихъ благъ отъ Александра. Но Панинъ попалъ въ немилость, и несозрѣвшій планъ былъ такимъ образомъ пока отложенъ. Другіе иниціаторы заговора не сочли возможнымъ предпринять что-нибудь подъ своей отвѣтственностью, и авторъ этихъ записокъ упомянулъ объ этомъ планѣ съ исключительной цѣлью освѣтить важный вопросъ, былъ ли когда-нибудь нынѣ царствующій императоръ освѣдомленъ о тѣхъ шагахъ, которые предпринимались противъ его отца. Должны были наступить новыя обстоятельства, чтобы опять поставить на очередь вопросъ о заговорѣ» [1]).

Отсюда можно видѣть, что Розенцвейгъ строго различаетъ двѣ фазы въ ходѣ дѣла и также приписываетъ главную роль въ составленіи плана регентства Палену.

Въ разговорѣ съ барономъ Гейкингомъ вскорѣ послѣ государственнаго переворота Паленъ замѣтилъ, что онъ никогда не согласится взять подарокъ отъ императора Александра за это дѣло, за эту «услугу, оказанную государству и всему человѣчеству». «Графъ Панинъ,—прибавилъ онъ далѣе,—мой соучастникъ въ дѣлѣ, вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе. Мы хотѣли заставить императора отречься отъ престола, и графъ Панинъ вполнѣ одобрялъ этотъ планъ. Первою нашей мыслью было воспользоваться для этой цѣли услугами сената, но господа сенаторы бездушные болваны, неспособные на какой-нибудь порывъ. Теперь они радуются всеобщему счастью и громко выражаютъ свой восторгъ, но у нихъ никогда не хватило бы ни смѣлости, ни самопожертвованія, чтобы рѣшиться на какое-нибудь доброе дѣло. Мы были, можетъ быть, наканунѣ еще большихъ несчастій, а для большихъ страданій необходимы серьезныя мѣры. Я

---

[1]) «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 6.

горжусь этимъ дѣяніемъ, какъ моей высшей заслугой передъ государствомъ» и т. д. [1]).

Ясно, что, по изображенію Палена, онъ игралъ первую роль, а Панинъ вторую. Мимоходомъ замѣтимъ, что интересъ представляетъ въ данномъ случаѣ упоминаніе о сенатѣ: оно указываетъ, въ какой формѣ хотѣли обосновать до извѣстной степени этотъ переворотъ съ государственно-правовой точки зрѣнія. Отъ участія сената приходилось отказываться уже по одному тому, что было бы опасно довѣрить дѣло слишкомъ широкому кругу лицъ.

Еще выразительнѣе подчеркнулъ Паленъ свою иниціативу въ своемъ обстоятельномъ разсказѣ о событіи графу Ланжерону въ Митавѣ въ 1804 году.

«Состоя въ высокомъ званіи и занимая отвѣтственные посты,—говорилъ онъ,—я былъ однимъ изъ тѣхъ, которыхъ скорѣе всѣхъ могла поразить гроза царскаго гнѣва. Я долженъ былъ поэтому позаботиться о томъ, чтобы защитить себя отъ этой опасности и избавить Россію и, можетъ быть, даже Европу отъ неизбѣжнаго кроваваго пожара. Въ теченіе шести мѣсяцевъ меня занимала мысль о необходимости свергнуть Павла съ престола. Между тѣмъ казалось невозможнымъ—и такъ въ дѣйствительности и было—достигнуть этой цѣли, не заручившись согласіемъ и, даже болѣе, содѣйствіемъ великаго князя Александра. Нужно было, по крайней мѣрѣ, поставить его въ извѣстность объ этомъ. Я сдѣлалъ попытку позондировать его по этому поводу, сначала слегка, въ общихъ выраженіяхъ, ограничиваясь нѣкоторыми замѣчаніями о характерѣ его отца. Александръ слушалъ меня, вздыхалъ и молчалъ. Я не этого желалъ и рѣшилъ вскрыть ледъ, разсказавъ ему откровенно и чистосердечно обо всемъ, что я считалъ необходимымъ сдѣлать. Вначалѣ Александръ казался очень возмущеннымъ моимъ проектомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что нисколько не обманывается насчетъ той опасности, которая угрожаетъ государству и даже ему самому, но, что онъ, несмотря на это, рѣшилъ терпѣть и ничего противъ отца не предпринимать. Я не испугался этихъ заявленій и снова сталъ приводить убѣдительные доводы, чтобы доказать великому князю неминуемость перемѣны. Ежедневно повторяющіеся припадки безумія (une nouvelle folie) достаточно выясняли эту неизбѣжность. Я старался разбудить самолюбіе Александра и запугать альтернативой—возможностью полученія трона съ одной стороны и грозящей тюрьмой или даже смертью съ другой. Такимъ образомъ, мнѣ удалось подорвать у сына благочестивое чувство къ отцу и убѣдить его принять участіе въ обсужденіи вмѣстѣ со мной и Па-

[1]) Bienemann, «Aus den Tagen Kaiser Pauls», 228.

нинымъ способовъ, какъ ввести эту перемѣну, необходимость которой онъ и самъ не могъ не признавать» и т. д. [1]).

Этому заявленію противорѣчитъ разсказъ Бернгарди, который пользовался главнымъ образомъ мемуарами Беннигсена и другими неизвѣстными источниками. «Достовѣрно то,—читаемъ мы тамъ,—что впервые вопросъ о заговорѣ былъ возбужденъ очень вліятельнымъ лицомъ, именно вице-канцлеромъ графомъ Панинымъ. Ближайшимъ его сотрудникомъ былъ адмиралъ Рибасъ. Панинъ съ раннихъ лѣтъ много разъ встрѣчался съ императоромъ. Въ сущности только такой человѣкъ, какъ Панинъ, который съ давнихъ поръ близко стоялъ къ императорской фамиліи, и могъ составить подобный планъ, такъ какъ необходимо было получить на это согласіе наслѣдника престола великаго князя Александра; и какъ могъ бы осмѣлиться сдѣлать такія заявленія молодому принцу человѣкъ, который не былъ бы издавна въ близкихъ отношеніяхъ къ императорской фамиліи? У кого другого могла быть такая возможность? И Панинъ дѣйствительно въ самомъ началѣ сообщилъ объ этомъ молодому великому князю Александру. Онъ это сдѣлалъ, повидимому, еще раньше, чѣмъ вступилъ въ сношенія и сговорился съ Паленомъ. Великаго князя онъ старался склонить на свою сторону, доказывая ему, что интересы государства и народъ требуютъ, чтобы онъ сдѣлался соправителемъ своего отца, что народъ выражаетъ рѣшительное желаніе, чтобы онъ такимъ образомъ взошелъ на престолъ, и что его представитель (sic?) сенатъ безъ всякаго содѣйствія великаго князя заставитъ императора признать его такимъ соправителемъ. Великій князь, который ежедневно терпѣлъ обиды со стороны своего отца и болѣе чѣмъ всякій другой жилъ въ вѣчномъ страхѣ за свою судьбу, не хотѣлъ вначалѣ и слышать о подобныхъ вещахъ и отказывался отъ предложенія, но все-таки не въ такой формѣ, чтобы нельзя было снова вернуться къ этой темѣ. И такъ какъ онъ очень скоро послѣ нѣсколькихъ такихъ бесѣдъ сталъ признавать необходимость перемѣны, то можно было разсчитывать въ концѣ концовъ на его согласіе» [2]).

Въ своемъ позднѣйшемъ историческомъ трудѣ Бернгарди еще рѣшительнѣе высказывается относительно участія Панина и Палена въ заговорѣ. «Съ Александромъ,—читаемъ мы тамъ,—Панинъ никогда ни о чемъ другомъ и не могъ, конечно, говорить, какъ только о томъ, чтобы удалить душевнобольного императора отъ управленія государствомъ и убѣдить его отречься отъ короны или отказаться отъ неограниченной власти, назначивъ принца своимъ соправителемъ. Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа заговорщиковъ, какъ ихъ скоро при-

[1]) «Revue Britannique», 1895, за іюль, стр. 63—64.

[2]) Историч. Вѣстн., III, 146—147. Бернгарди, Исторія Россіи, II, 2, 423.

дется называть, Александръ неустанно требовалъ обѣщанія, что его отцу никакихъ страданій не причинятъ... Графъ Панинъ совершенно правильно рѣшилъ, что въ первую голову, прежде чѣмъ пріобрѣтать другихъ союзниковъ, нужно завоевать симпатіи къ имѣвшемуся въ виду союзу и его цѣлямъ со стороны министра полиціи, петербургскаго генералъ-губернатора графа Палена... Подъ его защитой союзъ могъ сравнительно безопасно развиваться и готовиться къ дѣлу. Увѣренность Панина въ томъ, что на Палена можно разсчитывать, очень характерна для политическихъ настроеній въ Россіи въ то время. Возведенный Павломъ въ графское достоинство и одаренный богатыми помѣстьями, Паленъ въ это время пользовался расположеніемъ и широкимъ довѣріемъ императора. Но именно эта близость къ императору внушала ему опасеніе, что онъ каждый день можетъ стать жертвой случайнаго каприза. Многіе его считали иниціаторомъ задуманнаго противъ императора плана. Таковымъ онъ не былъ и не могъ быть, такъ какъ у него съ великимъ княземъ Александромъ не было тѣхъ интимныхъ отношеній, безъ которыхъ такая роль была совершенно немыслима. Но Панинъ не ошибся въ немъ. Онъ тотчасъ заявилъ о своей солидарности съ задуманнымъ предпріятіемъ, и, такъ какъ онъ далеко превосходилъ всѣхъ союзниковъ энергіей и умомъ, а въ силу своего служебнаго положенія могъ или дать этотъ планъ выполнить, или же погубить всѣхъ заговорщиковъ, то ему удалось захватить въ свои руки руководство всѣмъ дѣломъ. Даже Панинъ былъ поэтому оттѣсненъ на задній планъ, а всѣ другіе казались только простыми орудіями въ его рукахъ» [1]).

Вопросъ о томъ, кто первый составилъ проектъ государственной реформы, кажется намъ несущественнымъ. Важнѣе рѣшить, кто раньше сдѣлалъ попытку повліять на великаго князя Александра, Панинъ или Паленъ. По сообщеніямъ хорошо освѣдомленныхъ современниковъ первенство принадлежитъ Панину. Вотъ, напр., что пишетъ графъ Кочубей послѣ паденія Панина при Александрѣ I графу Воронцову: «Панинъ, какъ вы знаете, первый говорилъ съ нынѣ царствующимъ императоромъ объ учрежденіи регентства» [2]). На основаніи устнаго разсказа императора Александра Чарторыйскій въ своихъ запискахъ сообщаетъ: «Графы Панинъ и Паленъ, иниціаторы заговора, были самыми умными людьми въ государствѣ, у правительственнаго механизма и при дворѣ. Они видѣли дальше всѣхъ

---

1) Исторія Россіи, II, 2, 424—425. Бернгарди при этомъ упускалъ изъ виду то важное обстоятельство, что Панинъ за 3—4 мѣсяца до катастрофы былъ высланъ изъ Петербурга и по одному ужъ этому не могъ имѣть никакого вліянія на весь ходъ дѣла.

2) Архивъ кн. Воронцова, XVIII, 245—246.

другихъ совѣтниковъ Павла. Они сговорились между собой и рѣшили склонить на свою сторону великаго князя Александра. И, дѣйствительно, для того, чтобы обезпечить благопріятный исходъ такому опасному предпріятію и обезопасить при этомъ самихъ себя, предусмотрительные люди не могли отважиться ни на какой шагъ, не заручившись предварительно согласіемъ наслѣдника престола. Смѣлые и пламенные энтузіасты могутъ быть дѣйствовали бы иначе. Не вмѣшивая сына въ дѣло отрѣшенія отца, жертвуя собой и идя на вѣрную смерть, они оказали бы большую услугу и Россіи и новому монарху; послѣдній могъ бы избѣгнуть всякой тѣни виновности. Но, съ другой стороны, при такой организаціи нельзя было почти разсчитывать на успѣхъ. Къ тому же на такой шагъ могутъ рѣшиться только безумно смѣлые люди, съ развитымъ до крайности альтруистическимъ чувствомъ, что встрѣчается рѣдко. Генералъ Паленъ, который въ качествѣ петербургскаго генералъ-губернатора легко могъ встрѣчаться съ великимъ княземъ, испросилъ у послѣдняго тайную аудіенцію для Панина.

Первая встрѣча произошла въ банѣ. Панинъ обрисовалъ картину общенароднаго бѣдствія и тѣхъ несчастій, которыхъ можно ожидать при дальнѣйшемъ царствованіи Павла. Онъ поставилъ великому князю на видъ, что его священная обязанность передъ отечествомъ воспрепятствовать, чтобы милліоны подданныхъ были принесены въ жертву капризамъ и сумасбродству одного человѣка, хотя бы этотъ человѣкъ и былъ его отецъ. Онъ указалъ ему на то, что жизни или по крайней мѣрѣ свободѣ императрицы, его матери, жизни и свободѣ самого Александра и всей фамиліи грозитъ опасность вслѣдствіе невѣроятнаго отчужденія между императоромъ и его супругой, съ которой онъ совершенно разошелся. Онъ не скрывалъ отъ него, что опасность съ каждымъ днемъ растетъ и что въ любой моментъ можно ждать самыхъ ужасныхъ неслыханныхъ актовъ насилія, что рѣчь идетъ о томъ, чтобы смѣстить (deposer) императора и помѣшать ему творить еще худшія беззаконія надъ страной и своими подданными. Онъ доказывалъ ему далѣе, что только такимъ образомъ можно обезпечить императору спокойную и счастливую жизнь со всѣми ея удовольствіями и преимуществами и устранить отъ него всѣ опасности, которыя угрожаютъ ему теперь. Въ заключеніе Панинъ заявилъ, что судьба Россіи находится въ рукахъ великаго князя, и что ему, наслѣднику престола, предстоитъ рѣшить, можетъ ли онъ оказать свою помощь людямъ, которые хотятъ спасти отечество и династію, во что бы то ни стало. Эта первая рѣчь произвела потрясающее впечатлѣніе на великаго князя, но не привела его ни къ какому рѣшенію. Больше шести мѣсяцевъ упорнаго труда потребовалось на то,

чтобы вынудить у великаго князя согласіе на тотъ шагъ, который предпринимался противъ его отца.

Паленъ очень политично поступилъ, предоставивъ дѣйствовать вначалѣ графу Панину, какъ очень осторожному и краснорѣчивому оратору. Въ разговорѣ были приведены всѣ доводы, которые могли повліять на впечатлительнаго молодого принца и подготовить его къ акту, который такъ сильно противорѣчилъ его чувствамъ. Когда Панинъ былъ высланъ въ Москву, Паленъ самъ взялъ на себя дальнѣйшіе переговоры съ великимъ княземъ. Онъ объяснялся намеками, которые были понятны только Александру, съ тѣмъ военнымъ добродушіемъ, которое составляло отличительную черту этого генерала. Между тѣмъ Панинъ былъ удаленъ не потому, что открыта была его тайна, а потому, что попалъ подъ случайный капризъ, подъ подозрительное настроеніе, ничѣмъ по обыкновенію не вызванное и столь часто повторяющееся у Павла. Паленъ остался одинъ на своемъ посту и во главѣ предпринятаго дѣла, и ему удалось, наконецъ, добиться согласія великаго князя. Въ то время, какъ Панинъ жилъ въ изгнаніи въ Москвѣ, заговоръ подготовлялся Паленомъ и Зубовыми, которые также были посвящены въ тайну» [1]).

На основаніи этого разсказа Чарторижскаго, который писалъ со словъ Александра, мы можемъ утверждать, что съ великимъ княземъ сначала велъ переговоры Панинъ, а затѣмъ уже Паленъ, и что первый больше всего старался примирить наслѣдника престола съ мыслью о регентствѣ. Александръ лелѣялъ этотъ планъ до самаго послѣдняго времени, какъ это можно видѣть изъ дальнѣйшихъ сообщеній Чарторижскаго. «Всякій разъ, какъ разговоръ возвращался къ этой печальной темѣ,—пишетъ онъ въ своихъ мемуарахъ, — императоръ повторялъ всѣ подробности проекта, который касался жизни его отца: Павелъ долженъ былъ остаться жить въ Михайловскомъ дворцѣ и сохранить за собой пользованіе лѣтними резиденціями. «Михайловскій дворецъ,—говорилъ Александръ,—былъ его любимымъ мѣстопребываніемъ; онъ чувствовалъ бы себя тамъ очень хорошо, имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи зимній садъ и могъ бы тамъ даже совершать прогулки верхомъ». Александръ хотѣлъ тамъ устроить для своего отца гипподромъ и театръ; онъ воображалъ, что Павелъ могъ бы наслаждаться въ такомъ уединеніи всѣми удовольствіями, былъ бы доволенъ и счастливъ. Онъ судилъ о своемъ отцѣ по своимъ собственнымъ наклонностямъ» [2]).

Сообщеніе Александра проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на тайные переговоры, которые велись осенью 1800 года. Нужно думать, что

[1]) Чарторижскій, Мемуары, 233—236, 242.

[2]) Чарторижскій, Мемуары, 261—262.

эти совѣщанія начались приблизительно въ сентябрѣ, такъ какъ Чарторижскій упоминаетъ, что только черезъ шесть мѣсяцевъ Александръ далъ, наконецъ, свое согласіе, и въ мартѣ катастрофа произошла. То, что произошло, какъ очевидно, не соотвѣтствовало тому проекту, который былъ составленъ Панинымъ сообща съ Александромъ. Въ своей депешѣ къ королю Густаву IV отъ 3 (15) іюля 1802 г. Стедингъ замѣчаетъ: «Панинскій переворотъ, направленный противъ усопшаго императора, былъ задуманъ въ извѣстномъ смыслѣ съ согласія нынѣ царствующаго императора и носилъ очень умѣренный характеръ. Замыселъ состоялъ въ томъ, чтобы отобрать у Павла бразды правленія, оставивъ за нимъ суверенное представительство, какъ это имѣетъ мѣсто въ Даніи. Поэтому, когда императоръ въ первый разъ послѣ рокового событія увидѣлъ графа Панина, онъ со слезами на глазахъ обнялъ его и сказалъ: «Къ сожалѣнію, дѣло приняло совсѣмъ не тотъ оборотъ, который мы съ вами предусматривали» [1]).

О тайныхъ свиданіяхъ Александра съ Панинымъ осенью 1800 г. мы кое-что узнаемъ и изъ другихъ источниковъ. Въ книгѣ «Тайныя исторіи», гдѣ напечатаны записки Розенцвейга, имѣется слѣдующая замѣтка отъ издателя: «Въ это время, т. е. приблизительно въ сентябрѣ 1800 года, у графа Панина, часто происходили тайныя совѣщанія съ великимъ княземъ Александромъ. Въ интересахъ самой строгой тайны они сходились въ подземныхъ галлереяхъ. Однажды вечеромъ, когда графъ Панинъ одинъ вышелъ изъ своего дома и отправился пѣшкомъ на свиданіе, ему показалось, что за нимъ слѣдитъ шпіонъ. Чтобы замести свои слѣды, онъ сдѣлалъ нѣсколько концовъ по городу и проскользнулъ, наконецъ, въ одинъ изъ входовъ подземной галлереи. Неувѣренными шагами онъ спѣшилъ къ мѣсту свиданія, которое слабо освѣщалось нѣсколькими лампами, какъ вдругъ почувствовалъ чью-то руку на своемъ плечѣ. Онъ былъ уже увѣренъ, что его арестуютъ, но тотчасъ узналъ великаго князя, который его уже поджидалъ».

«Эти подробности,—прибавляетъ издатель этихъ тайныхъ исторій,—лично были сообщены автору этихъ записокъ умершимъ въ началѣ 1837 года графомъ Панинымъ» [2]).

---

[1]) Стокгольмскій Архивъ. О сердечномъ пріемѣ, оказанномъ Панину Александромъ вскорѣ послѣ его восшествія на престолъ, см. Панинскіе матеріалы, т. VI, стр. 3 и д.

[2]) Въ журн. «Aus allen Zeiten und Landen», гдѣ напечатаны записки Розенцвейга, этого анекдота не имѣется. Приводимый нами ниже анекдотъ о грозившей Палену опасности быть уличеннымъ Павломъ упоминается въ «Тайныхъ исторіяхъ» и т. д. также въ качествѣ личнаго сообщенія Панина. Эпизодъ при встрѣчѣ въ подземной галлереѣ разсказанъ въ такомъ видѣ Крузенштольпомъ

Слѣдующій разсказъ Палена въ разговорѣ съ Ланжерономъ (1804) также бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на тайныя сношенія Палена съ великимъ княземъ Александромъ.

«Императору,—говорится тамъ,—внушили подозрѣніе на мой счетъ въ виду моихъ отношеній къ великому князю Александру. Мы знали объ этомъ. Я не смѣлъ больше приходить къ молодому принцу; мы долго не рѣшались разговаривать другъ съ другомъ, хотя служебныя обязанности давали намъ достаточно поводовъ для этого. Мы дѣлились мыслями по поводу предстоящихъ мѣропріятій при помощи записокъ. Я сознаюсь, что это былъ неостроумный и опасный способъ, но неизбѣжный. Передавалъ эти записки графъ Панинъ; великій князь отвѣчалъ также черезъ Панина: мы (Паленъ и Панинъ) читали эти записки, отвѣчали на нихъ и тутъ же сжигали. Однажды Панинъ всунулъ мнѣ такую записку въ передней императорскихъ покоевъ. Я вошелъ въ комнаты императора и, думая, что у меня еще много времени, приготовился прочесть записку, отвѣтить на нее и сжечь. Вдругъ совершенно неожиданно изъ спальни вышелъ Павелъ. Увидавъ меня, онъ подозвалъ меня къ себѣ, потащилъ къ себѣ въ кабинетъ и заперъ за собою дверь. Я едва успѣлъ спрятать записку великаго князя въ правый карманъ своего сюртука. Императоръ говорилъ о самыхъ невинныхъ вещахъ, былъ въ хорошемъ настроеніи, смѣялся, шутилъ. Вдругъ ему вздумалось порыться въ моихъ карманахъ. «Я хочу посмотрѣть,—сказалъ онъ,—что у васъ тамъ, навѣрно, какой-нибудь billet-doux?»—Ну, милый Ланжеронъ,—продолжалъ разсказывать Паленъ,—вы знаете меня: я не робкій человѣкъ и не такъ легко теряюсь; но сознаюсь, что если бы въ эту минуту мнѣ вскрыли мои жилы, то не показалось бы ни одной капли крови».

— Какъ же вы избѣжали опасности?—спросилъ напряженнымъ голосомъ Ланжеронъ.

«Очень просто»,—отвѣтилъ Паленъ. «Я сказалъ императору: «Ваше Величество, что Вы дѣлаете? оставьте! Вы не выносите запаха табаку, а я много нюхаю. Мой носовой платокъ весь въ табакѣ. Вы запачкаете свои руки и будете страдать отъ непріятнаго запаха». Онъ

(Der russiche Hof von Peter I. bis auf Hicolaus I., Hamburg, 1856, Bh. III, S. 343). По устному преданію, сохранившемуся въ семьѣ Панинныхъ, Панину показалось, что его преслѣдуетъ шпіонъ, и онъ быстро обернулся. Это движеніе, которое производило впечатлѣніе, будто графъ хочетъ схватиться за шпагу, смертельно испугало Александра, и только тогда Панинъ узналъ великаго князя. Панинъ будто бы, склоненъ былъ думать, разсказывая объ этомъ анекдотѣ, что наступившее позже охлажденіе къ нему Александра было вызвано тяжелымъ впечатлѣніемъ отъ этой сцены.

убралъ свои руки и воскликнулъ: «Вы правы, фи, какая гадость!» Такъ я и спасся отъ бѣды» [1]).

И въ данномъ случаѣ, какъ и всегда, получается впечатлѣніе, что Паленъ склоненъ приписывать графу Панину подчиненную роль въ выработкѣ плана регентства. Панинъ выступаетъ здѣсь въ качествѣ скромнаго почтальона, какъ орудіе Палена. Нѣкоторые даже полагали, что Паленъ содѣйствовалъ назначенію Панина вице-канцлеромъ лѣтомъ 1799 года и отозванію графа съ дипломатическаго поста въ Берлинѣ, потому что нуждался въ немъ въ Петербургѣ для проведенія въ жизнь своего замысла, устраненія Павла [2]). Такая мысль кажется намъ совершенно невѣроятной. Друзья Панина и онъ самъ совсѣмъ иначе изображаютъ участіе его во всемъ этомъ дѣлѣ. Его взгляды значительно расходились со взглядами Палена, и несомнѣннымъ кажется, что осенью 1800 года онъ пользовался довѣріемъ великаго князя Александра. Во всякомъ случаѣ мнѣніе Панина о способѣ устраненія Павла вполнѣ раздѣлялось и великимъ княземъ.

Графъ Воронцовъ писалъ Панину вскорѣ послѣ катастрофы изъ Соутгемптона 6 (18) мая 1801 года: «Это несчастіе для Россіи, что васъ не было при восшествіи на престолъ императора Александра. Это царствованіе наступило бы совершенно иначе» и т. д. Панинъ отвѣчалъ изъ своего имѣнія подъ Петербургомъ въ письмѣ отъ 11 іюня: «Я не знаю, было ли бы полезно мое присутствіе доброму князю во время восшествія на престолъ. Вѣрно только то, что я съ опасностью для своей жизни воспротивился бы этому позорному злодѣйству, которое было совершено шайкой негодяевъ и разбойниковъ» [3]).

Попавъ въ немилость и подвергшись совершенно незаслуженной карѣ, какъ преступникъ, Панинъ нѣсколько разъ писалъ въ свое оправданіе императрицѣ-матери Маріи Ѳеодоровнѣ, императору Александру и императору Николаю; въ своихъ письмахъ онъ чистосердечно признавался въ той роли, которую онъ игралъ осенью 1800 года въ составленіи плана регентства. Онъ нѣсколько разъ домогался судебнаго разслѣдованія его образа дѣйствій, всегда подчеркивая при этомъ, что его взгляды и проекты были одобрены Александромъ. Въ запискахъ, составленныхъ Панинымъ въ началѣ 1826 года мы читаемъ: «Въ моихъ рукахъ, дѣйствительно, имѣется автографъ [4]), совершенно ясно подтверждающій, что всѣ мои мысли и предложенія, сдѣланныя мною за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти императора Павла, получили санкцію его сына. Я никогда не воспользуюсь этимъ юри-

---

[1]) «Revue Britannique», іюль 1825, стр. 62—63.

[2]) Записка Гейкинга. Изъ эпохи царствованія Павла, стр. 187.

[3]) Матеріалы о Панинѣ, VI, 463 и 483.

[4]) Александра.

дическимъ матеріаломъ изъ уваженія къ императрицѣ-матери, такъ какъ документъ этотъ можетъ быть истолкованъ не въ пользу императора Александра, а я рѣшился чтить материнскую любовь къ монарху, который оказался несправедливымъ ко мнѣ, и послѣ его смерти. Къ тому же императрицѣ-матери нѣтъ никакой нужды знакомиться съ этимъ письмомъ; она и безъ того можетъ убѣдиться, что только при крайней несправедливости ко мнѣ можно мою участь, которой меня подвергли, объяснить моими отношеніями къ усопшему императору Александру до его восшествія на престолъ. Назначеніе меня министромъ [1]) и оказанное мнѣ императоромъ Александромъ довѣріе могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ, что та суровость, которую онъ проявилъ ко мнѣ четыре года спустя, отнюдь не вызвана какимъ-нибудь поступкомъ съ моей стороны еще до его воцаренія [2]) и т. д.

Панинъ еще нѣсколько разъ торжественно заявлялъ, что онъ можетъ предъявить свою переписку съ великимъ княземъ Александромъ, чтобы доказать уваженіе послѣдняго къ нему и его довѣріе къ его заботамъ о спасеніи государства отъ вѣрной гибели и къ его плану учрежденія регентства. Изъ этихъ писемъ видно было бы, что на него ни въ коемъ случаѣ не можетъ падать отвѣтственность за все то, что случилось позже въ его отсутствіе изъ Петербурга, такъ какъ выполненіе плана было довѣрено недостойнымъ людямъ. Панинъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовалъ противъ того, что его смѣшиваютъ съ убійцами Павла.

Такимъ образомъ, императоръ Павелъ долженъ былъ поплатиться своей жизнью за свою несправедливую и жестокую расправу съ графомъ Панинымъ, какъ и со многими другими. 15 ноября Панинъ лишился должности вице-канцлера, а во второй половинѣ декабря онъ былъ высланъ въ свое помѣстье.

2. Смѣна лицъ.

У Павла создалась злополучная привычка расправляться съ высшими сановниками, выдающимися военными людьми, съ друзьями и лицами, пользовавшимися его довѣріемъ, какъ съ лакеями, подъ вліяніемъ быстро смѣняющихся капризовъ и припадковъ гнѣва. Онъ ихъ не только совершенно неожиданно лишалъ занимаемыхъ ими постовъ,

[1]) Непосредственно послѣ переворота.

[2]) См. Панинскіе матеріалы, VII, стр. 231—232. Панинъ ошибался. Хотя взгляды и проекты Панина получили полное одобреніе Александра, гнѣвъ послѣдняго противъ него былъ вызванъ его планомъ регентства, какъ это мы дальше выяснимъ.

но и удалялъ изъ столицы, наказывалъ, ссылалъ и затѣмъ опять оказывалъ всякія милости.

Такія отношенія оказали большое вліяніе на судьбу императора. Не было рѣшительно никого, кому онъ долго довѣрялъ бы, и кто въ свою очередь могъ бы связать свою судьбу съ нимъ. Положеніе неограниченнаго властелина обусловливало полную обособленность и уничтожало возможность продолжительной привязанности. Павелъ былъ и остался одинокимъ, безъ партіи, безъ приверженцевъ, которые представляли бы какія-нибудь политическія убѣжденія. Не было даже и тѣни группы, которая могла бы быть солидарна съ нимъ въ чемъ-нибудь. О какомъ-либо уваженіи къ заслугамъ государственныхъ людей, которые несли службу въ его царствованіе, не могло быть и рѣчи. Презрѣніе къ людямъ, недовѣріе ко всѣмъ, полное пренебреженіе интересами его окружающихъ—таковы основныя черты его отношеній къ министрамъ, придворнымъ, генераламъ, посламъ и т. д.

Такимъ образомъ и произошло то, что къ концу его царствованія были удалены изъ числа его приближенныхъ какъ разъ тѣ, которые могли его защитить отъ подготовленнаго Паленомъ покушенія или даже предупредить его.

Такъ былъ удаленъ Панинъ, который съ 1788 по 1790 годъ считался близкимъ другомъ Павла. Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ возненавидѣлъ графа и сталъ его преслѣдовать, хотя и пользовался его совѣтами при рѣшеніи важныхъ вопросовъ. По той же причинѣ должны были удалиться отъ двора незадолго передъ катастрофой Ростопчинъ и Аракчеевъ, которые въ своихъ собственныхъ интересахъ готовы были потворствовать сумасброднымъ наклонностямъ Павла. Врядъ ли можно сомнѣваться, что и Паленъ оказался бы въ числѣ опальныхъ, если бы Павелъ продолжалъ царствовать. Простой случайностью, повидимому, можно объяснить то, что Паленъ продолжалъ занимать отвѣтственные посты, и этотъ главный заговорщикъ воспользовался своимъ положеніемъ и удаленіемъ вышеупомянутыхъ лицъ, чтобы нанести рѣшительный ударъ. Онъ нуждался въ помощи нѣсколькихъ лицъ, и ему удалось благодаря своему вліянію вернуть въ столицу Беннигсена и братьевъ Зубовыхъ, которые также были высланы.

Какъ быстро незаслуженныя отставки смѣнялись столь же неожиданными милостями и назначеніями на высшія государственныя должности, показываетъ примѣръ графа Панина, который приблизительно около года (съ 1799 по 1800) занималъ постъ вице-канцлера и рядомъ съ Ростопчинымъ завѣдывалъ внѣшней политикой Россіи.

Случилось такъ, что въ ноябрѣ 1800 года Панинъ медлилъ дать свою подпись для одного мѣропріятія, которое должно было приве-

сти къ разрыву съ Англіей. Изъ вскрытой депеши прусскаго посла Лузи Павелъ и Ростопчинъ узнали, что Панинъ не одобрялъ насильственнаго эмбарго, примѣненнаго къ англійскимъ кораблямъ и т. д. Этого было достаточно, чтобы удалить его съ занимаемаго имъ поста. Въ нелояльной и неколлегіальной формѣ Ростопчинъ сообщилъ графу объ его отставкѣ.

Такъ какъ Панинъ въ этотъ же день давалъ обѣдъ дипломатическому корпусу и не могъ его отмѣнить, то онъ предложилъ Ростопчину сдѣлать посламъ сообщеніе объ его отставкѣ послѣ этого обѣда. Павелъ въ разговорѣ съ Паленомъ порицалъ поведеніе Панина, который, какъ истый «римлянинъ» (т.-е. человѣкъ съ независимымъ характеромъ), такъ мало удрученъ своей отставкой, что даже даетъ обѣды. Императоръ освѣдомился о настроеніи Панина, не собирается ли онъ устроить балъ и т. п. [1]). Вскорѣ послѣ этого Панину дали понять, что онъ долженъ уѣхать въ Москву, какъ членъ московскаго отдѣленія сената, а три дня спустя онъ былъ высланъ въ свое имѣніе, въ Смоленскую губернію. Черезъ нѣкоторое время было перехвачено частное письмо нѣкоего Приклонскаго, который сравнивалъ Панина съ Цинцинатомъ. Ростопчинъ донесъ на Панина, несправедливо обвиняя его въ томъ, что онъ авторъ письма и подъ именемъ Цинцината, будто бы, разумѣетъ другого ссыльнаго князя Репнина. Послѣдовалъ обыскъ, а затѣмъ цѣлый рядъ допросовъ. Пылая гнѣвомъ, Павелъ грозилъ сослать графа Панина въ еще болѣе отдаленныя мѣста [2]). Совершенно невинныя письма Панина къ его сестрѣ вмѣнялись ему въ вину, такъ какъ въ нихъ вычитывали то, чего въ нихъ не было, и самымъ простымъ выраженіямъ придавали значеніе своего рода шифра [3]). Ростопчинъ, который завѣдывалъ почтой и отдалъ распоряженіе вскрывать письма, игралъ роль доносчика, пока, наконецъ, самъ императоръ не убѣдился, что въ данномъ случаѣ происходили ошибки и недоразумѣнія. Произошла крупная перемѣна въ настроеніи въ пользу Панина и 16 (27) февраля ссылка Панина была, наконецъ, отмѣнена; ему было позволено по собственному усмотрѣнію поселиться въ Петербургѣ или Москвѣ. Это рѣшеніе вызвало шумъ въ обществѣ и было встрѣчено большой радостью [4]).

---

[1]) См. подробности въ письмѣ Муравьева-Апостола къ Воронцову отъ 17 февраля 1801 года въ Арх. кн. Воронцова, XI, 161—167.

[2]) См. письмо Павла къ московскому генералъ-губернатору графу Салтыкову въ матеріалѣ о Панинѣ, V, 650.

[3]) Панинъ писалъ о своей теткѣ; думали, что онъ разумѣетъ здѣсь императора. «Благодѣянія» тетки должны были обозначать его «преслѣдованія» со стороны Павла и т. п.

[4]) См. письмо Муравьева къ Панину отъ 18 февраля 1801 года въ матеріалахъ о Панинѣ, V, 673.

Одновременно съ этимъ послѣдовала ссылка Ростопчина. Она, повидимому, была вызвана его предательскимъ поведеніемъ въ изобличеніи мнимыхъ измѣнъ, которыя онъ открывалъ въ письмахъ Панина [1]). Эти два врага, Ростопчинъ и Панинъ, оба получили извѣстіе о катастрофѣ Павла вдали отъ столицы. Паленъ, который уже занималъ постъ петербургскаго губернатора и начальника тайной полиціи, былъ теперь назначенъ вмѣсто Ростопчина министромъ иностранныхъ дѣлъ и завѣдующимъ почтой.

Къ несчастью Павла одинъ изъ его безумныхъ капризовъ поразилъ и Аракчеева, который также попалъ въ немилость и былъ удаленъ. Тѣмъ большій просторъ получилъ Паленъ, но и ему грозила не меньшая опасность, чѣмъ всѣмъ пострадавшимъ. Въ послѣдній часъ передъ катастрофой Паленъ, говорятъ, предвидѣлъ свое паденіе въ самомъ близкомъ будущемъ. «Паленъ никогда и не подумалъ бы устраивать переворотъ,—пишетъ Розенцвейгъ,—если бы онъ не былъ убѣжденъ, что непостоянство императора повлечетъ за собой черезъ болѣе или менѣе короткое время и его собственное паденіе, и, чѣмъ выше онъ стоялъ, тѣмъ ниже ему придется пасть. Кромѣ того, онъ яснѣе всякаго другого могъ видѣть, что припадки гнѣва переходятъ у Павла въ настоящее безуміе». «Императоръ послалъ курьера къ Аракчееву,—разсказываетъ дальше Розенцвейгъ,—чтобы вызвать его въ Петербургъ. Паленъ задержалъ курьера съ такимъ разсчетомъ, чтобы позаботиться объ ускореніи дѣла и проведеніи его до пріѣзда Аракчеева. Только тогда онъ сообщилъ главарямъ заговора о томъ, что императоръ хочетъ лишить его поста петербургскаго генералъ-губернатора. Онъ поставилъ имъ на видъ, что его опала повлечетъ за собой не только неудачу въ проведеніи въ жизнь ихъ плана, но и къ его открытію, и что, наконецъ, пріѣздъ Аракчеева не дастъ имъ возможности ни выполнить свою задачу, ни отказаться отъ нея. Поэтому было рѣшено приступить къ дѣйствію въ ночь 11 (23) на (24) марта» [2]).

---

[1]) Бернгарди упоминаетъ въ «Историческомъ Журналѣ», III, 144, объ интригѣ Кутайсова противъ Ростопчина. Намъ мало извѣстно объ этомъ. Біографъ Ростопчина Ségur, Vie du compte de Rostopchine, Парижъ, 1870 года, стр. 80, заявляетъ, что ему неизвѣстна причина ссылки. Исторія съ панинскими письмами и доносами по ихъ поводу подробно изложена у Коцебу въ его опроверженіи работы Массона. См. матеріалы о Панинѣ, V, 146—148. Павелъ, будто бы, былъ крайне возмущенъ и воскликнулъ: «Ростопчинъ извергъ, пусть поплатится за свои интриги!»

[2]) «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 4 и 10. Также и по матеріаламъ Бернгарди видно, что въ послѣдній моментъ угрожала опасность въ виду ожидаемаго пріѣзда Аракчеева и Линденера, «Истор. В.», III, 153.

Кто же такіе были, кромѣ Палена, эти главари заговора, послѣ того, какъ Рибасъ умеръ, а Панинъ былъ сосланъ? Въ первую голову нужно назвать братьевъ Зубовыхъ и генерала Беннигсена. Паленъ самъ далъ въ разговорѣ съ Ланжерономъ главныя свѣдѣнія о томъ, какъ онъ ихъ привлекъ къ исполненію своего плана.

«Вмѣстѣ съ рѣшеніемъ великаго князя Александра,—читаемъ мы здѣсь,—дѣйствовать въ союзѣ со мной было пріобрѣтено очень много, но еще не все. Правда, онъ мнѣ обезпечилъ содѣйствіе своего Семеновскаго полка; тамъ были очень рѣшительные офицеры, но у этихъ молодыхъ и легкомысленныхъ людей не было ни опыта, ни испытанной храбрости, которые необходимы въ такихъ случаяхъ. Въ рѣшительную минуту они своимъ малодушіемъ, необдуманностью или болтливостью могли испортить все дѣло. Мнѣ нужна была помощь людей, болѣе солидныхъ, чѣмъ эта банда вѣтрогоновъ (tourbe de freluquets). Я могъ бы положиться на друзей, извѣстныхъ мнѣ своей отвагой и силой воли. Необходимо было привлечь такихъ людей, какъ Зубовы и Беннигсенъ. Но какъ устроить, чтобы они пріѣхали въ Петербургъ? Они были въ числѣ опальныхъ и были сосланы, и у меня не было никакого предлога, чтобы просить объ ихъ возвращеніи. Тогда мнѣ на умъ пришло слѣдующее:

Я рѣшилъ воспользоваться свѣтлымъ моментомъ (un moment lucide) въ настроеніи императора, когда ему можно было все сказать, чтобы вызвать состраданіе къ печальной участи разжалованныхъ офицеровъ. Я обрисовалъ ему отчаянное положеніе несчастныхъ, изгнанныхъ изъ своихъ полковъ, высланныхъ изъ столицъ, погубившихъ свою карьеру, потерявшихъ всѣ средства къ существованію и гибнущихъ отъ нищеты и нравственныхъ страданій, хотя ихъ проступки не такъ велики и заслуживаютъ снисхожденія. Я зналъ, что Павелъ во всѣхъ случаяхъ и по всякому поводу обыкновенно поступаетъ подъ вліяніемъ порыва. Я надѣялся вызвать съ его стороны такое распоряженіе, которое обнаружило бы его великодушіе. Я бросился ему въ ноги. Онъ любилъ романтическую обстановку, считалъ себя великодушнымъ человѣкомъ и былъ необузданъ (extrême) во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Черезъ два часа послѣ нашего разговора во всѣ концы государства были разосланы двадцать курьеровъ, чтобы вернуть обратно въ Петербургъ всѣхъ отрѣшенныхъ отъ должности и разжалованныхъ. Я тутъ же написалъ приказъ, который императоръ лично продиктовалъ мнѣ.

Теперь я могъ съ увѣренностью разсчитывать на двѣ вещи: во-первыхъ, получить въ свое распоряженіе Беннигсена и Зубовыхъ, которые мнѣ были крайне необходимы, и, во-вторыхъ, раздуть всеобщее недовольство императоромъ. Я зналъ его нетерпѣливый, по-

рывистый нравъ; мнѣ хорошо было извѣстно, что онъ всегда переходитъ отъ одного впечатлѣнія къ другому, совершенно противоположному, и принимаетъ самыя противорѣчивыя рѣшенія. Я былъ увѣренъ, что первые офицеры, которые вернутся, встрѣтятъ вначалѣ самый радушный пріемъ со стороны императора, но что очень скоро наступитъ охлажденіе къ нимъ и другимъ, еще не пріѣхавшимъ. Случилось именно такъ, какъ я разсчитывалъ. Эти несчастные хлынули цѣлымъ потокомъ въ столицу. Каждый день докладывали императору о сотняхъ пріѣзжихъ. Этотъ многочисленный съѣздъ людей очень скоро надоѣлъ императору, и онъ пересталъ ихъ принимать. Затѣмъ онъ ихъ опять сталъ высылать и сдѣлалъ этихъ несчастныхъ, которые снова были лишены всякихъ надеждъ и осуждены на голодную смерть у воротъ столицы, своими заклятыми врагами [1]).

Розенцвейгъ также упоминаетъ о возвращеніи ссыльныхъ, не зная, что Паленъ былъ виновникомъ этой мѣры. «Благодаря этому распоряженію,—пишетъ онъ,—вернулись въ столицу также члены семьи Зубовыхъ, которыхъ императоръ преслѣдовалъ въ теченіе всего своего царствованія. Съ этого времени опять начинаютъ носиться съ мыслью о выполненіи того плана, отъ котораго отказались (?) послѣ изгнанія графа Панина. Недоставало человѣка съ мужественнымъ и твердымъ характеромъ для руководства заговоромъ. Теперь съ полнымъ основаніемъ могли разсчитывать для этой роли на графа Валерьяна Зубова. Его братья, графъ Николай и князь Платонъ уступали ему въ разсудительности, силѣ воли и предпріимчивости [2]). Сестра Зубовыхъ, госпожа Жеребцова, получила разрѣшеніе уѣхать за границу, и она отправилась въ Берлинъ съ деньгами и драгоцѣнностями, чтобы подготовить убѣжище для братьевъ на случай неудачи. Тогда же былъ привлеченъ къ дѣлу и генералъ Беннигсенъ... Въ то время, о которомъ мы здѣсь говоримъ, онъ получилъ мѣсто начальника въ одномъ провинціальномъ городѣ. Это собственно была ссылка, на которую осудилъ его императоръ, подозрѣвая въ немъ, какъ въ урожденномъ ганноверцѣ, симпатіи къ Англіи, а тогда наступилъ разрывъ въ отношеніяхъ между Россіей и Англіей. Генералъ Паленъ послалъ ему приказъ пріѣхать въ Петербургъ и явиться къ нему, прежде чѣмъ онъ кого-нибудь посѣтитъ. Онъ сообщилъ ему о заговорѣ, призывалъ его къ участію и сказалъ, что ему хотятъ

---

[1]) «Revue Britannique» 1895, за іюль, стр. 65—67.

[2]) Такую же характеристику этихъ лицъ мы находимъ у Ланжерона. Паленъ говорилъ объ «énergie» и «courage»: «Pahlen avait raison pour Bennigsen et pour Valerien Zoubow. Nicolas était un taurean, qui pouvait avoir de l'audace, lorsqu'il était ivre et non autrement. Pour Platon Zoubow, c'était le plus lâche et le plus vil des hommes». «Revue Britannique», 1895, іюль, 64.

ввѣрить командованіе надъ преданной ему частью гвардейцевъ. Беннигсенъ три или четыре дня скрывался по пріѣздѣ въ Петербургъ. Онъ показался только тогда, когда наступилъ моментъ выполненія плана [1]).

Нѣсколько уклоняется отъ этой передачи разсказъ самого Беннигсена въ разговорѣ съ Ланжерономъ.

«Я не состоялъ больше на службѣ,—разсказывалъ онъ,—и не смѣлъ показываться ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, ни даже въ какомъ-нибудь губернскомъ городѣ, чтобы не привлечь къ себѣ вниманіе и не подвергаться опасности быть высланнымъ въ еще болѣе отдаленныя мѣста. Такъ я жилъ въ печальномъ уединеніи въ своемъ литовскомъ имѣніи. Въ началѣ 1801 года я получилъ письмо отъ графа Палена, который вызывалъ меня въ Петербургъ. Я былъ удивленъ такому приглашенію и не чувствовалъ никакого желанія послѣдовать ему. Черезъ нѣсколько дней появился императорскій указъ, которымъ возвращались всѣ, получившіе отставку и отрѣшенные отъ своихъ должностей; но и этотъ указъ не вызвалъ у меня расположенія разстаться со своимъ мѣстопребываніемъ. Между тѣмъ Паленъ бомбардировалъ меня письмами, въ которыхъ выражалъ настойчивое желаніе видѣть меня въ Петербургѣ и ручался за самый радушный пріемъ у императора. Въ послѣднемъ письмѣ Палена звучала такая настоятельная просьба, такой рѣшительный тонъ, что я рѣшилъ ѣхать. Я прибылъ въ Петербургъ. Вначалѣ Павелъ меня принялъ очень хорошо; но скоро наступило охлажденіе, а затѣмъ онъ пересталъ со мной разговаривать и смотрѣть на меня. Я отправился къ Палену и заявилъ ему, что случилось то, чего я ожидалъ, что мнѣ не на что надѣяться, и даже, болѣе того, имѣются основанія для большихъ опасеній, и что я хочу возможно скорѣе уѣхать. Паленъ просилъ меня обождать нѣкоторое время. Мнѣ трудно было рѣшиться на это. Наконецъ, вечеромъ, наканунѣ того дня, когда планы Палена должны были осуществиться, онъ посвятилъ меня въ тайну. Я согласился на его предложеніе» и т. д. [2]).

Такъ какъ Бернгарди пользовался для своего сочиненія между прочимъ и мемуарами Беннигсена, то заслуживаютъ вниманія его замѣчанія о пребываніи Беннигсена въ Петербургѣ въ моментъ рѣшенія вопроса, хотя они и расходятся съ устнымъ разсказомъ этого генерала въ разговорѣ съ Ланжерономъ. «Беннигсенъ,—пишетъ Бернгарди,—также попалъ въ ссылку изъ-за случайнаго каприза императора. Онъ получилъ приказъ выѣхать въ свое помѣстье. Паленъ и Платонъ Зубовъ уговаривали его остаться въ Петербургѣ и скрывать

[1]) «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 7.

[2]) «Revue Britannique», стр. 69.

ся, что, конечно, очень легко было сдѣлать подъ защитой министра полиціи. Они оба не ошиблись въ Беннигсенѣ. Такъ какъ ему объявили, что во главѣ заговора стоитъ Александръ, то онъ присоединился къ нему и проявилъ большое рвеніе и даже готовъ былъ руководить выполненіемъ плана» [1].

О Платонѣ Зубовѣ Бернгарди сообщаетъ: «Императора Павла упросили дать этому человѣку какую-нибудь должность, хотя бы номинальную. Онъ былъ назначенъ начальникомъ кадетскаго корпуса. Оба его брата, Николай и Валерьянъ, снова заняли свои мѣста въ сенатѣ. Всѣ трое были въ числѣ заговорщиковъ» [2].

3. Паленъ и Александръ.

Въ рукахъ Палена соединились теперь всѣ нити заговора. «Паленъ,—пишетъ Ланжеронъ,—остался одинъ (послѣ смерти Рибаса и ссылки Панина) но этого было достаточно. Для успѣха въ осуществленіи проекта нуженъ былъ именно такой человѣкъ, какъ онъ. Необходимо было также, чтобы онъ объединилъ въ своихъ рукахъ важнѣйшія государственныя должности; только при такихъ условіяхъ Россія могла быть спасена. Паленъ спасъ Россію, но я лично не особенно охотно согласился бы на такую услугу за столь дорогую цѣну. Паленъ былъ очень даровитый и отважный человѣкъ, съ глубокимъ умомъ и непоколебимой волей, съ цѣльной и благородной душой. Онъ былъ очень сдержанный человѣкъ и ни при какихъ обстоятельствахъ не терялъ присутствія духа. Когда дѣло шло о проведеніи въ жизнь задуманнаго имъ плана, то ни его положеніе, ни состояніе, ни свобода, ни самая его жизнь для него ничего ни стоили. Онъ какъ будто былъ созданъ для успѣха, для побѣдъ, вопреки всякимъ препятствіямъ. Это былъ урожденный заговорщикъ-вожакъ, которому предопредѣлено было служить образцомъ для всѣхъ будущихъ заговорщиковъ. Осуществить его замыслы было столь же трудно, какъ и необходимо. Нужно было освободиться отъ Павла. Паленъ стоялъ за переворотъ. Излагая свой проектъ великому князю Александру, онъ увѣрялъ послѣдняго, что рѣчь идетъ объ отрѣшеніи и заключеніи его отца, и что никакой опасности не угрожаетъ его жизни [3]... Паленъ въ качествѣ петербургскаго градоначальника былъ непосредственно подчиненъ великому князю Александру [4], и это обстоятельство

---

[1]) «Истор. В.» III, стр. 154.

[2]) «Истор. В.» III, стр. 148.

[3]) Нѣсколько наивно Ланжеронъ къ этому прибавляетъ: «ce qu'on ne pouvait lui laisser espérer, si on lui eût parlé d'un empoisonnement».

[4]) «Sans le Grand Duc Alexandre.» »Саблуковъ въ указ. м. говоритъ: «Uewas oint Military Governer of S. Petersburg with the Grand Duke Alexander».

облегчило ему возможность реализовать свой замыселъ... Для вѣрнаго успѣха необходимо было склонить на свою сторону хотя бы нѣсколько гвардейскихъ полковъ, а это была очень трудная задача.

Гвардейскіе солдаты любили Павла. Особенно былъ ему преданъ первый баталіонъ Преображенскаго полка. Отъ яростныхъ нападокъ несчастнаго монарха страдали генералы и офицеры; солдатъ же очень хорошо одѣвали, кормили и даже награждали деньгами. Гораздо легче было добиться содѣйствія офицеровъ для переворота. Между тѣмъ очень трудно было сдѣлать удачный выборъ изъ 300 легкомысленныхъ, распутныхъ, буйныхъ и болтливыхъ офицеровъ. Заговоръ легко могъ быть открытъ благодаря имъ. Вызванныя этими соображеніями опасенія и заставили ускорить моментъ катастрофы. Паленъ нашелъ пути, какъ преодолѣть всѣ эти трудности и устранить всѣ препятствія. Онъ проявилъ непоколебимую волю и поистинѣ поразительное упорство въ достиженіи своей цѣли» [1]).

Въ упоминавшемся уже нѣсколько разъ разсказѣ Палена въ разговорѣ съ Ланжерономъ мы встрѣчаемъ черты цинизма, которыя подтверждаютъ приведенную характеристику этого человѣка. Паленъ сообщилъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Въ интересахъ истины я обязанъ заявить, что великій князь Александръ не хотѣлъ идти ни на какія убѣжденія, прежде чѣмъ я не далъ ему священную клятву въ томъ, что мы пощадимъ жизнь его отца (qu'on n'attenterait pas aux jours de son père). Несмотря на свое обѣщаніе, я не былъ настолько безразсуденъ, чтобы считать себя связаннымъ своимъ словомъ, которое просто не было выполнимо. Нужно было успокоить угрызенія совѣсти моего будущаго монарха, и я притворно шелъ навстрѣчу его желаніямъ, хотя я былъ убѣжденъ въ ихъ неисполнимости [2]). Я очень хорошо зналъ, что революцію нужно или совсѣмъ не начинать или же доводить до самаго конца, и что, если бы Павелъ остался живъ, двери его тюрьмы очень скоро растворились бы, ужасная реакція наступила бы снова и затопила бы столицу и провинціи кровью виновныхъ и невинныхъ» [2]).

«Осуществленіе нашего проекта,—читаемъ мы дальше въ передачѣ разговора Палена,—было нами назначено на конецъ марта мѣсяца; непредвидѣнныя обстоятельства заставили насъ ускорить моментъ.

---

[1]) «Revue Britannique», стр. 62—63.

[2]) Вотъ буквальныя слова Палена. «Je n'etais pas assez dépourvu de sens pour m'engager à une chose impossible, mais il fallait calmer les scrupules de mon futur souverain et je flatta ses intentions bien assuré qu'elles ne seraient pas remplies». Что за человѣкъ!», восклицаетъ Ланжеронъ, возмущенный этимъ цинизмомъ Палена. Только съ такой натурой и можно дѣлать революцію; но всякаго честнаго человѣка такая клятва удерживала бы.

Многіе офицеры изъ гвардейскихъ полковъ были нами посвящены въ тайну или сами догадывались о ней. Отъ ихъ болтливости можно было ожидать самаго худшаго, и это меня безпокоило».

«7 марта въ 7 часовъ утра я вошелъ въ рабочій кабинетъ Павла съ рапортомъ о положеніи столицы, какъ я это дѣлалъ ежедневно. Я нашелъ его погруженнымъ въ свои мысли, серьезнымъ; онъ открываетъ дверь и минуты двѣ смотритъ на меня, не говоря ни слова. Наконецъ, онъ спросилъ меня: «Господинъ Паленъ, были вы здѣсь въ 1762 году?» — «Да, государь». — «Значитъ, вы здѣсь были?» — «Да, государь; но что Вы, Ваше Величество, этимъ хотите сказать?» — «Присутствовали ли вы во время революціи, которая моего отца лишила трона и жизни?» — «Я былъ, государь, только свидѣтелемъ, но не дѣйствующимъ лицомъ; я былъ очень молодъ и служилъ кавалерійскимъ унтеръ-офицеромъ въ гвардіи; я уѣхалъ со своимъ полкомъ, не подозрѣвая, что происходило кругомъ; но почему Вы, Ваше Величество, задаете мнѣ этотъ вопросъ?» — «Почему? да потому, что хотятъ повторить 1762 годъ.»

«Я задрожалъ при этихъ словахъ, но тотчасъ овладѣлъ собой и сказалъ: «Да, государь, этого хотятъ; я это знаю и также состою въ заговорѣ» [1]). — «Какъ, вы это знаете и также состоите въ заговорѣ? Что вы мнѣ говорите?» — «Да, государь, я принадлежу къ числу заговорщиковъ и долженъ себя вести, какъ ихъ соучастникъ; какъ могъ бы я иначе узнать, что хотятъ предпринять; я долженъ былъ показать имъ, что я ихъ сторонникъ. Но будьте спокойны, вамъ нечего бояться. Всѣ нити заговора сосредоточены въ моихъ рукахъ. Вы скоро все сами узнаете. Но и не думайте сравнить опасность, которая угрожаетъ вамъ, съ опасностью, угрожавшей вашему отцу. Онъ былъ иностранецъ, вы—русскій! Онъ ненавидѣлъ русскихъ, не скрывалъ своего презрѣнія къ нимъ и былъ чуждъ народу. Вы, напротивъ, любите русскихъ, уважаете и цѣните ихъ и привлекаете ихъ къ государственной службѣ. Онъ не былъ коронованъ, надъ вами же этотъ обрядъ былъ совершенъ. Онъ преслѣдовалъ духовенство, а вы ему оказываете всякія почести. Онъ крайне вооружилъ противъ себя гвардейскіе полки, вамъ же эти войска, наоборотъ, очень преданы. Тогда въ Петербургѣ не было никакой полиціи; теперь она прекрасно организована; безъ моего вѣдома не дѣлается ни одного шага, не говорится ни одного слова. Каковы бы ни были виды императрицы [2]), у нея нѣтъ ни дарованій, ни силы воли ея матери; у нея взрослыя дѣти, тогда какъ вамъ, Ваше Величество, тогда, въ 1762

[1]) «Je le sais et suis du complot».

[2]) «Палену удалось,—замѣчаетъ при этомъ Ланжеронъ,—внушить императору подозрѣнія насчетъ императрицы».

году было только семь лѣтъ».—«Все это такъ,—сказалъ Павелъ,—но нужно быть на-сторожѣ» [1]).

Такъ кончился нашъ разговоръ. Я тотчасъ же написалъ великому князю, настаивая на немедленномъ устройствѣ переворота, на слѣдующій же день. Онъ убѣждалъ меня обождать до 11 марта, потому что въ тотъ день долженъ былъ нести сторожевую службу третій баталіонъ Семеновскаго полка, въ которомъ онъ былъ болѣе увѣренъ, чѣмъ въ двухъ другихъ. Я съ большой неохотой согласился на это и былъ очень неспокоенъ эти два дня».

«Панинъ имѣлъ всѣ основанія безпокоиться», пишетъ по этому поводу Ланжеронъ. «Императоръ, повидимому, догадывался о замыслѣ, и самъ Паленъ принадлежалъ къ числу заподозрѣнныхъ. Павелъ тайно вызвалъ двухъ своихъ прежнихъ любимцевъ гатчинскаго періода, Аракчеева и Линденера, которыхъ онъ удалилъ отъ себя. Если бы эти два изверга во время вернулись, то они вытѣснили бы Палена и можетъ быть Александра отъ занимаемыхъ ими постовъ и устроили бы кровавую баню въ столицѣ. Аракчеевъ пріѣхалъ черезъ десять часовъ послѣ смерти Павла, онъ былъ задержанъ у воротъ города и снова высланъ» [2]).

Разсказываютъ, что Павелъ хотѣлъ вернуть также Ростопчина. За нѣсколько дней до катастрофы послѣдній будто бы получилъ отъ императора депешу, въ которой второпяхъ были нацарапаны слова: «Вы мнѣ нужны. Пріѣзжайте немедленно. Павелъ». Съ тяжелымъ предчувствіемъ Ростопчинъ отправился въ путь, но уже въ дорогѣ, въ Москвѣ, онъ узналъ о внезапной кончинѣ императора. Онъ отгадалъ причину и вернулся въ свое имѣніе. Позже онъ увѣрялъ, что сумѣлъ помѣшать преступленію, еслибъ былъ въ то время въ Петербургѣ [3]).

Въ заключеніе къ своему разсказу въ разговорѣ съ Ланжерономъ Паленъ замѣтилъ: «Моментъ, наконецъ, наступилъ; вы знаете, что произошло. Императоръ умеръ и долженъ былъ умереть. Я не былъ ни свидѣтелемъ, ни активнымъ лицомъ во время его смерти. Я предвидѣлъ его кончину, но не хотѣлъ принимать никакого участія въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ далъ свое слово великому князю».

«Удивительное объясненіе, восклицаетъ по этому поводу Ланжеронъ,—онъ никакого содѣйствія при убійствѣ Павла не оказалъ, но дѣло Зубовыхъ и Беннигсена было задумано тѣмъ не менѣе имъ» [4]).

---

[1]) «Il ne faut pas s'endormir».

[2]) «Revue Britannique», 1895, за іюль, 26—69.

[3]) Ségur, Rostopchine, стр. 86.

[4]) Ланжеронъ, въ указ. соч. 68—69. Тамъ же упоминается анекдотъ о письмѣ, которое, будто бы, получилъ Кутаисовъ или князь Гагаринъ наканунѣ катастрофы и по халатности не прочиталъ. Въ немъ заключалось предупрежденіе. Генералъ-адъютантъ Павла, состоящій затѣмъ посломъ въ Лондонѣ, Ливенъ разсказываетъ Ланжерону, что онъ дѣйствительно писалъ тогда Гагарину, и что по-

Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ полной увѣренности Александра, что рѣчь идетъ объ отрѣшеніи Павла отъ престола, а не о насиліи, которое потомъ было совершено. Но такой взглядъ трудно примирить съ тѣми подготовленіями, которыя были въ данномъ случаѣ сдѣланы. Государственно-правовую реформу, безкровную перемѣну правительства могли бы прежде всего предложить и совершить политическія учрежденія, хотя бы сенатъ. Здѣсь же по, преимущественно, военному характеру предпріятія можно было, наоборотъ, заключить, что дѣло шло о «coup de main». Александръ самъ весь центръ тяжести переносилъ въ войска, духъ которыхъ ему былъ знакомъ и отъ содѣйствія которыхъ онъ ждалъ вѣрнаго успѣха. Шумную толпу частью молодыхъ офицеровъ привлекали къ устраненію душевнобольного монарха. Какъ же это могло произойти безъ насилія, безъ жестокости?

Разсказъ Палена о поведеніи Александра передъ катастрофой, какъ и сообщеніе Чарторижскаго по разсказу молодого императора послѣ событія, заставляютъ насъ признать противорѣчіе въ мысляхъ и чувствахъ великаго князя, какой-то пробѣлъ въ его мышленіи, который можно объяснить крайней неопытностью въ политическихъ и другихъ вопросахъ. Пользоваться такимъ опаснымъ оружіемъ и думать при этомъ, что оно не нанесетъ раны, было бы слишкомъ странно. Передъ нами здѣсь психологическая проблема. Александръ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ оставлялъ на выдающихся постахъ главныхъ виновниковъ смерти Павла, а затѣмъ тяжелѣе всѣхъ покаралъ того, кто самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждалъ такой способъ рѣшенія задачи, именно графа Панина. Страшная опасность, которой Александръ подвергался, постоянный гнетъ, подъ которымъ онъ жилъ, очевидно, омрачили его разсудокъ.

Достовѣрно извѣстно, какъ фактъ, что онъ былъ крайне пораженъ и ошеломленъ въ послѣдній моментъ. Съ другой стороны, поведеніе и способъ дѣйствія Палена очень ясны и понятны. Съ циничной откровенностью онъ раскрылъ передъ нами свое іезуитство, свою *reservatio mentalis;* онъ зналъ, чего онъ хотѣлъ. Роль Александра въ этой трагедіи остается для насъ подъ знакомъ вопроса. Паленъ проявляетъ огромную иниціативу, кипучую дѣятельность. Александръ идетъ на буксирѣ у него. То обстоятельство, что Паленъ могъ обмануть великаго князя насчетъ послѣдствій предпріятія, является очень характернымъ для обоихъ.

слѣдній не прочиталъ во время письма, но въ немъ, однако, ничего не сообщалось о заговорѣ, такъ какъ Ливенъ и самъ объ этомъ ничего не зналъ; тамъ рѣчь шла исключительно о частныхъ дѣлахъ. Такъ и создался слухъ, что было предупрежденіе, которое осталось безъ всякихъ послѣдствій.

III.

11—21 марта 1801 года.

1. Наканунѣ катастрофы.

Заговоръ скоро принялъ такіе размѣры, что дальнѣйшее промедленіе грозило опасностью для него. Въ одномъ батальонѣ Семеновскаго гвардейскаго полка [1]), напр., всѣ офицеры, не исключая прапорщиковъ, были посвящены во всѣ замыслы заговорщиковъ. Нельзя было и надѣяться долго сохранить тайну, о которой знало такъ много людей двойственнаго характера, такъ много необдуманныхъ юношей [2]). Обо всемъ планѣ могъ, напр., очень легко узнать, между прочимъ, Саблуковъ, и нужно полагать, что этотъ лояльный и вѣрный императору офицеръ не преминулъ бы оказать противодѣйствіе въ данномъ случаѣ.

Къ посвященнымъ въ дѣло принадлежали люди различныхъ круговъ. Изъ сенаторовъ къ этому числу принадлежали: Орловъ, Чичеринъ, Татариновъ, графъ Толстой, Трощинскій, изъ военныхъ генераловъ: князь Голицынъ, командиръ Преображенскаго гвардейскаго полка, Депрерадовичъ, командиръ Семеновскаго гвардейскаго полка, Талызинъ, Мансуровъ, Уваровъ, генералъ-адъютантъ Павла Аргамантовъ, князь Яшвиль и другіе офицеры [3]). Среди нихъ были люди, къ которымъ императоръ могъ питать особенное довѣріе. Такъ, Уваровъ, напр., былъ интимнымъ другомъ матери возлюбленной Павла, княгини Лопухиной [4]).

---

[1]) У Бернгарди въ указ. м., III, 149, названъ первый батальонъ. Паленъ говорилъ о третьемъ; см. Ланжеронъ, указ. м., стр. 68. [2]) Бернгарди, указ. м., III, 149—150. [3]) Бернгарди, I, с., 148. [4]) Саблуковъ, I, с., 309.

Генералъ-маіоръ Обольяниновъ, который къ концу этого царствованія занималъ постъ оберъ-прокурора сената, казался такимъ благонадежнымъ вѣрноподданнымъ и настолько стоялъ внѣ всякихъ подозрѣній, что его домъ могъ служить лучшимъ мѣстомъ для собраній заговорщиковъ. Отецъ Саблукова почти ежедневно приходилъ къ нему играть въ карты, не имѣя даже представленія о томъ, что происходитъ въ его квартирѣ, и даже послѣ катастрофы—и это характерно для общественнаго мнѣнія—онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что его выбрали московскимъ предводителемъ дворянства[1]).

Молодой Саблуковъ вращался въ кругу главныхъ заговорщиковъ, и у него получалось впечатлѣніе, что что-то готовится, но онъ не былъ посвященъ въ тайну. Онъ бывалъ на обѣдахъ при небольшомъ числѣ гостей у Палена, Талызина, у Зубова, и Обольянинова, при чемъ ему казалось, что здѣсь посѣтители не поддерживали общаго разговора, а разбивались на группы, которыя немедленно же прекращали свою бесѣду, какъ только къ нимъ кто-нибудь подходилъ [2]). Онъ замѣтилъ далѣе, что Талызинъ и другія лица дѣлали видъ, какъ будто имъ нужно сообщить очень важныя вещи, но въ послѣдній моментъ они умолкали, погруженные въ свои мысли. «Однимъ словомъ,—разсказываетъ Саблуковъ,—все поведеніе этого общества ясно показывало, что замышляется нѣчто необычайное; свобода, съ которой порицали императора, смѣялись надъ его сумасбродными выходками (extravagances) и критиковали его строгія мѣры, ясно доказывала, что на него готовится покушеніе. Особенно подозрительными въ этомъ отношеніи показались мнѣ небольшой обѣдъ у Талызина и собраніе очень узкаго круга лицъ у Валерьяна Зубова. Когда я однажды за обѣдомъ у графа Палена сдѣлалъ рѣзкое замѣчаніе по адресу императора, онъ многозначительно посмотрѣлъ на меня и сказалъ: «Не такъ много и безъ пользы говорить, а смѣло дѣйствовать» [3]). Я почувствовалъ тогда, что что-то виситъ въ воздухѣ [4]); это навело меня на размышленія, и мною овладѣло безпокойство; я вспомнилъ о своей присягѣ и нѣкоторыхъ хорошихъ чертахъ характера императора. Но все это были лишь одни сомнѣнія и опасенія, ничего опредѣленнаго, ничего яснаго, что могло бы заставить меня предпринять какія-нибудь рѣшительныя дѣйствія. Я чувствовалъ себя очень несчастнымъ и обратился за совѣтомъ къ своему старому дру-

---

[1]) Саблуковъ, указ. м. 234.

[2]) «I particularly remarked, that there was no general Conversation but everywhere *des apartes* of people, who immediately dispersed, if any one came near to them».

[3]) «Ioan f... qui parle et brave homme qui agit».

[4]) «That sommething was in the wind».

гу Тончи [1]). Онъ отвѣтилъ мнѣ, что въ виду полной невозможности для меня ни улучшить характера императора, ни предотвратить подготовляющееся на него покушеніе, я долженъ быть возможно сдержаннѣе въ разговорахъ со всѣми, чтобы никто не могъ осмѣлиться довѣрить мнѣ какую-нибудь тайну. Къ своему счастью, я послѣдовалъ его совѣту» [2]).

Но признаки надвигающагося переворота увеличивались съ каждымъ днемъ. Такъ, напр., Саблуковъ узналъ, что возвращенные изъ ссылки Зубовы и ихъ сестра госпожа Жеребцова ежедневно собираются у Обольянинова, то у Талызина, у братьевъ Ушаковыхъ, Депрерадовича и другихъ, обыкновенно сходится общество съ очень строгимъ подборомъ за ужиномъ, что полковникъ Хитровъ необыкновенно даровитый, но безпутный человѣкъ, адъютантъ великаго князя Константина, жившій очень близко отъ Михайловскаго дворца, завелъ у себя очень изысканный кругъ знакомыхъ и т. д.

Въ то же время распространился слухъ, что усилены патрули вокругъ Михайловскаго дворца, и что надзоръ сталъ строже [3]). Саблуковъ позже узналъ, что госпожа Жеребцова, которая въ моментъ катастрофы находилась въ Берлинѣ, предсказала тамъ время наступленія событія и отправилась въ Англію, чтобы встрѣтиться тамъ со своимъ другомъ Уитвортомъ. Послѣднее обстоятельство дало поводъ къ слуху, что англійское золото сыграло роль въ заговорѣ [4]).

Очень многіе, безъ сомнѣнія, были освѣдомлены обо всѣхъ подробностяхъ предпріятія, Розенцвейгъ, кромѣ вышеупомянутыхъ военныхъ чиновъ и сенаторовъ, упоминаетъ, между прочимъ, командира Преображенскаго гвардейскаго полка Талбанова, нѣкоего лейтенанта Марина; онъ полагаетъ, что въ тайну было посвящено еще болѣе 50 человѣкъ. Онъ называетъ далѣе братьевъ Зубовыхъ Платона и Валерьяна какъ лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ великаго князя Александра [5]). Изъ воспроизведеннаго Ланжероном разсказа Константина можно видѣть, что и онъ въ это время состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Зубовыми.

«Удивляешься,—замѣчаетъ Бернгарди, — когда видишь, какимъ широкимъ кругамъ было въ это время извѣстно, не только то, что заговоръ долженъ положить конецъ безумной и несносной тиранніи этого царствованія, но даже и то, что вечеръ 11 марта

---

[1]) Неаполитанецъ, философъ, поэтъ и живописецъ, которому Саблуковъ былъ очень многимъ обязанъ.

[2]) Саблуковъ въ «Fraser's Magazine», 1865 сент., стр. 312.

[3]) Саблуковъ, указ. соч., 311.

[4]) Тамъ же, стр. 323.

[5]) «Aus allen Zeiten und Landen, стр. 8.

былъ предусмотрѣнъ для рѣшительнаго шага противъ императора. Очень большая часть по крайней мѣрѣ такъ называемаго великосвѣтскаго общества въ Петербургѣ была, повидимому, объ этомъ освѣдомлена. Въ многочисленномъ обществѣ за ужиномъ у княгини Бѣлозерской камергеръ Загряжскій посмотрѣлъ на часы, когда уже стало поздно, и сказалъ: «Le grand Empereur n'est pas en ce moment fort à son aise». Воцарилось глубокое молчаніе; всѣ разошлись, и никто при этомъ и не подумалъ спросить о значеніи этихъ темныхъ словъ: они были ясны, очевидно, для всѣхъ [1]).

Намѣреніе Павла назначить вюртембергскаго герцога Евгенія наслѣдникомъ престола, о чемъ Бернгарди упоминаетъ съ большой увѣренностью, не называя источниковъ, повидимому, побудило Александра дать свое согласіе на рѣшительныя дѣйствія [2]). Положеніе молодого герцога въ этотъ роковой моментъ могло быть очень опаснымъ. «Красивая княгиня Гагарина,—разсказываетъ Бернгарди,—нѣсколько разъ въ таинственныхъ выраженіяхъ предупреждала молодого вюртембергскаго принца о грозившихъ ему опасностяхъ; въ этотъ вечеръ она ему сказала: «Si vous aviez bèsoin d'un asile, vous le trouveriez chez moi». Она знала о томъ, что предстояло; молодого принца она предупреждала; человѣка, которому она отдала права любовника, она не предупредила!» «Генералъ Дибичъ,—разсказываетъ дальше Бернгарди,—хотя и далеко стоялъ отъ заговора, также узналъ о предстоящемъ покушеніи и былъ очень озабоченъ, какъ бы заговорщики не причинили какихъ-нибудь страданій молодому принцу, который былъ ввѣренъ его попеченію; это ясно обнаруживается изъ всего его поведенія въ этотъ роковой день. Онъ говорилъ объ опасностяхъ; прусскій ротмистръ фонъ-Требра, который состоялъ помощникомъ гувернера при принцѣ, хотѣлъ отвести послѣдняго вечеромъ въ первый кадетскій корпусъ, полагая, что онъ тамъ будетъ въ безопасности. Но первый фактическій начальникъ этого учрежденія, нашъ извѣстный нѣмецкій писатель Фридрихъ Максимиліанъ Клингеръ, рѣшительно отказался принять его. Изъ какихъ основаній—хотѣлъ ли онъ сохранить видъ, будто ничего не знаетъ о томъ, что происходило, и въ чемъ онъ никакого участія не принималъ, или онъ опасался, что великій князь Александръ, сдѣлавшись императоромъ, никогда не проститъ ему такой предупредительной и къ тому же еще излишней заботливости о принцѣ — осталось для насъ неизвѣстнымъ. Дибичъ не давалъ принцу раздѣться и лечь спать, пока,

[1]) Историческій Вѣстникъ, III, стр. 156. Очевидно, по устнымъ традиціямъ, сохранившимся въ высшихъ кругахъ Петербурга.

[2]) Это извѣстіе, повторяемъ, встрѣчается только у Бернгарди, но его свѣдѣнія почерпнуты изъ очень вѣрныхъ источниковъ.

наконецъ, поздно ночью не появился офицеръ, капитанъ Фолькерсбергъ, и въ полуотворенную дверь заявилъ, что все кончено, указавъ при этомъ движеніемъ руки на горло. Дибичъ послѣ этого сказалъ принцу, что онъ можетъ лечь спать».

Ночь 11 марта была назначена Паленомъ, какъ окончательный срокъ для рѣшительныхъ дѣйствій. Въ этотъ день Павелъ отправилъ русскому послу въ Берлинѣ барону Крюденеру очень рѣзкое письмо, въ которомъ рѣчь шла о крайне важныхъ враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Англіи. Паленъ въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ сдѣлалъ приписку въ надеждѣ, что Крюденеръ не очень будетъ спѣшить съ исполненіемъ приказа. Приписка Палена гласила: «La Majesté Imperiale est indisposée aujourd'hui. Cela pourrait avoir des suites» [2]).

Вечеромъ 11 (23) марта состоялось собраніе заговорщиковъ за ужиномъ, послѣ котораго дѣйствующія лица непосредственно отправились для осуществленія дѣла. Самыя важныя данныя объ этомъ собраніи сообщилъ Беннигсенъ какъ въ своихъ запискахъ, которыми воспользовался Бернгарди, такъ и въ разговорѣ съ Ланжерономъ. Только въ незначительныхъ подробностяхъ эти разсказы расходятся между собой. Бернгарди замѣчаетъ, что ужинъ состоялся у Талызина, который жилъ вблизи Лѣтняго сада и Михайловскаго дворца; было приглашено много молодыхъ офицеровъ, именно такихъ, которые незадолго передъ этимъ понесли строгія и оскорбительныя наказанія за мелкіе проступки; среди нихъ были нѣкоторые, которые до момента покушенія на императора ничего не знали. Паленъ и Беннигсенъ пили за ужиномъ очень умѣренно, но молодымъ людямъ подливали очень щедро [3]).

«Когда наступилъ этотъ день,—разсказывалъ Беннигсенъ въ разговорѣ съ Ланжерономъ,—мы всѣ собрались у Палена. Я нашелъ тамъ Зубовыхъ, Уварова, многихъ гвардейскихъ офицеровъ [4]), возбужденныхъ выпитымъ въ большомъ количествѣ шампанскимъ. Паленъ запретилъ мнѣ пить, самъ онъ также не пилъ. Всѣхъ насъ было 60 человѣкъ» и т. д.

Несущественно, конечно былъ ли ужинъ у Палена или у Талызина. Розенцвейгъ разсказывалъ эпизодъ, который подтверждаетъ послѣднее извѣстіе. «Генералъ Талызинъ,—читаемъ мы у него,—сказался больнымъ, чтобы безпрепятственно сдѣлать нужныя пригото-

---

[1]) «Историч. Вѣстникъ», III, 155—157.

[2]) «Историч. В.», III, 156.

[3]) «Историч. В.», III, 157.

[4]) Ланжеронъ называетъ кромѣ вышеупомянутыхъ Яшвиля, Татаринова и Аргамантова еще князя Вяземскаго изъ Семеновскаго полка, Скарятина изъ Измайловскаго, Волконскаго и др.

вленія. Императоръ послалъ къ нему своего лейбъ-медика доктора Гривэ, состоявшаго послѣ придворнымъ врачемъ при Александрѣ, англичанина родомъ. По приказу императора онъ ворвался въ кабинетъ Талызина, въ которомъ какъ-разъ въ это время происходило совѣщаніе заговорщиковъ. Сначала врача хотѣли убить, чтобы уничтожить всякую возможность доноса; но генералъ Талызинъ взялъ на себя поручительство въ томъ, что онъ будетъ молчать и въ теченіе остальныхъ нѣсколькихъ часовъ держалъ его подъ строгимъ надзоромъ» [1]).

У Саблукова имѣется одно описаніе, которое можетъ быть рѣшаетъ вопросъ о мѣстѣ собранія. «Вечеромъ 11 марта состоялось нѣсколько собраній заговорщиковъ,—пишетъ онъ. Полковникъ Хитровъ, генералы Ушаковъ и Депрерадовичъ и другіе давали у себя ужины, и всѣ они позже, вечеромъ, соединились на общемъ собраніи (at one principal party), на которое явились также Паленъ и Беннигсенъ. Было выпито при этомъ очень много вина, а нѣкоторые даже переусердствовали въ этомъ отношеніи. Послѣ ужина Паленъ, будто бы, сказалъ: «Rappelez-vous, messieurs, que pour manger d'une omelette il faut commencer par casser les oeufs». Полковникъ Измайловскаго полка Бибиковъ, блестящій офицеръ, вхожій во всѣ лучшіе дома, высказалъ, говорятъ, за ужиномъ мысль, что недостаточно устранить одного Павла, и что въ Россіи жилось бы всѣмъ гораздо лучше, если бы заодно освободились отъ всѣхъ членовъ императорской фамиліи (to ged rid of them all together)» [2]). Такая безумная мысль можетъ быть объяснена крайнимъ опьяненіемъ и даже тогда ни на кого не произвела никакого впечатлѣнія.

Болѣе важныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ мы узнаемъ отъ Бернгарди, т.-е. отъ Беннигсена. «Тайный совѣтникъ сенаторъ Трощинскій предложилъ выпустить манифестъ, въ которомъ было бы заявлено, что императоръ въ виду своей болѣзни назначилъ своимъ соправителемъ великаго князя Александра. Что Павла можно было только силой заставить подписать такой актъ, было само-собой понятно для всѣхъ; онъ долженъ былъ такимъ образомъ сдѣлать это по принужденію, а въ крайнемъ случаѣ его можно было бы заключить въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ это время часть солдатъ Семеновскаго полка, на которыхъ можно было положиться, была собрана въ домѣ Талызина; другая часть получила приказъ явиться въ опредѣленное мѣсто на Невскомъ проспектѣ. Платонъ Зубовъ и Беннигсенъ взяли на себя «лично покончить съ императоромъ». Графъ Паленъ и генералъ Уваровъ должны были во главѣ солдатъ

[1]) «Aus allen Zeiten und Landen, стр. 16.

[2]) Саблуковъ въ «Fraser's Magazine», 1865, сент., стр. 318.

собравшихся на Невскомъ проспектѣ, обезпечить внѣшнюю безопасность для заговорщиковъ. Еще въ послѣднюю минуту разгоряченный виномъ молодой человѣкъ спросилъ, что должно произойти, если императоръ окажетъ сопротивленіе. Паленъ отвѣтилъ извѣстной тривіальной французской пословицей: «Quand on veut faire une omelette, il faut casser les oeufs». Такъ разсказываетъ Беннигсенъ, который при этомъ былъ. Послѣ такихъ словъ—которыя вполнѣ согласуются съ припиской, сдѣланной Паленомъ къ письму, отправленному Крюденеру—было совершенно невозможно сдерживать страсти опьяненныхъ офицеровъ» [1]).

Создалось какое-то своеобразное противорѣчіе между редактированнымъ Трощинскимъ манифестомъ, который долженъ былъ быть подписанъ Павломъ и заключалъ въ себѣ назначеніе Александра регентомъ, съ одной стороны, и тѣми разнообразными военными подготовленіями, которыя были предприняты заговорщиками, съ другой. Паленъ, повидимому, нисколько не обманывался насчетъ того, что кризисъ не можетъ обойтись безъ насилія. Толпа пьяныхъ офицеровъ, готовыхъ на кровавую расправу, появилась на той сценѣ, на которой должны были вестись переговоры съ душевно-больнымъ монархомъ о его полномъ или частичномъ отреченіи отъ престола. Чтобы поддержать дѣло заговорщиковъ, были выставлены войска. Послѣ этого можно было ожидать, что, если дѣло не кончится смертью Павла, то во всякомъ случаѣ насильственное заключеніе въ тюрьму будетъ неизбѣжно. Но разъ дѣло имѣли съ душевно-больнымъ, то почему, спрашивается, никому и въ голову не пришло прежде всего обратиться къ авторитетному мнѣнію психіатра? Приходится допустить, что интересы общаго блага и спасеніе отъ бѣдствій, угрожавшихъ странѣ отъ опаснаго человѣка, стояли на первомъ планѣ. Было рѣшено пожертвовать больнымъ. Павелъ шелъ навстрѣчу своему року.

2. Послѣдніе дни и часы Павла.

Несмотря на полный распадъ семейныхъ узъ въ императорской фамиліи, придворная жизнь до послѣдняго времени сохраняла свой обычный внѣшній характеръ. Шведскій посолъ писалъ за нѣсколько недѣль до катастрофы, что по вторникамъ при дворѣ бываютъ обыкновенно маскарадные балы, на которыхъ очень много веселятся [2]). Самого Стединга на эти увеселенія не приглашали, потому что

[1]) «Истор. В.» III, 157—158.

[2]) Стокгольмскій Архивъ. Депеша Стединга отъ 25 января (6 февраля) 1801 года. Можетъ быть, Стедингъ писалъ такъ потому, что его депеши изъ Россіи прочитывались на русской почтѣ.

между Павломъ и шведскимъ дворомъ создались натянутыя отношенія. Изъ источниковъ, болѣе компетентныхъ, доходили совершенно другія свѣдѣнія объ этомъ весельѣ въ высшихъ кругахъ. «Каждую субботу,—разсказываетъ Бернгарди по неизвѣстнымъ намъ источникамъ,—при дворѣ бывали большіе концерты, на которыхъ Павелъ завелъ странныя традиціи: во время паузъ гости обильно угощались виномъ. Императоръ самъ также пилъ очень много. Онъ любилъ высказывать самые чудовищные парадоксы и защищать ихъ, а когда онъ разгорячался отъ выпитаго вина, его смѣлая фантазія переходила въ настоящее безуміе, и онъ поражалъ своей болтливостью, въ высшей степени страстной и самоувѣренной. Въ послѣднюю субботу своей жизни Павелъ казался возбужденнымъ до невѣроятности; онъ металъ такіе молніеносные взгляды на императрицу и сыновей своихъ, налеталъ на нихъ съ такимъ грознымъ лицомъ и такими оскорбительными словами, что даже самые наивные люди не могли отвязаться отъ самыхъ мрачныхъ предчувствій» [2]).

Разсказываютъ, что въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Павла преслѣдовала боязнь, что его могутъ отравить. Онъ обратился поэтому къ одному англійскому купцу, съ давнихъ лѣтъ жившему въ Петербургѣ, и просилъ рекомендовать ему хорошую буржуазную англійскую кухарку. Его желаніе было удовлетворено. Кухарка помѣстилась въ кухнѣ, которая непосредственно примыкала къ покоямъ императора, и ежедневно готовила ему обѣдъ. Въ ночь его смерти она услышала поднявшійся шумъ и такъ перепугалась, что выскочила изъ двора и несмотря на темную ночь пѣшкомъ убѣжала къ своему старому хозяину [1]).

Болѣе достовѣрный характеръ, чѣмъ всѣ такіе анекдоты, имѣетъ разсказъ Коцебу о его послѣдней встрѣчѣ съ императоромъ въ день катастрофы. Павелъ возвращался съ прогулки верхомъ въ сопровожденіи графа Кутайсова и, повидимому, былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа. Коцебу, которому императоръ поручилъ составить подробное описаніе Михайловскаго дворца, встрѣтилъ его на лѣстницѣ у стоявшей здѣсь статуи Клеопатры. Павелъ заговорилъ съ поэтомъ о статуѣ, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о судьбѣ египетской царицы и затѣмъ спросилъ, скоро ли Коцебу закончитъ описаніе дворца. Коцебу обѣщалъ скоро представить работу, и императоръ высказалъ свое удовольствіе по этому поводу. Поднимаясь на лѣстницу, Павелъ обернулся и посмотрѣлъ на поэта. Оба не подозрѣвали, что они видятся въ послѣдній разъ [2]).

---

[2]) «Истор. В.», III, 155.

[1]) Крузенштольпе. Русскій дворъ, III, 349—350.

[2]) См. русское изданіе книги Коцебу «Замѣчательный годъ моей жизни». С.-Петербургъ, 1879, II, стр. 137—138.

Извѣстный генералъ Кутузовъ разсказалъ Ланжерону слѣдующій анекдотъ: «Мы сидѣли 11 (23) марта вечеромъ за ужиномъ у императора. Насъ было двадцать человѣкъ за столомъ. Онъ былъ очень веселъ и много шутилъ съ моей старшей дочерью, придворной фрейлиной, сидѣвшей напротивъ императора. Послѣ ужина онъ бесѣдовалъ со мной. Посмотрѣвъ въ зеркало, которое невѣрно показывало, онъ, смѣясь, сказалъ: «Удивительное зеркало, когда я смотрюсь въ него, мнѣ кажется, что у меня шея свернута (de travers). Черезъ полтора часа онъ былъ уже трупомъ» [1]).

Подобный же анекдотъ разсказывалъ оберштальмейстеръ Мухановъ полковнику Саблукову за нѣсколько дней до катастрофы. Императоръ катался верхомъ въ туманную погоду по парку, расположенному у Замка, и вдругъ сталъ жаловаться на удушье. Онъ разсказалъ объ этомъ тотчасъ же оберштальмейстеру и замѣтилъ: «Я почувствовалъ, что задыхаюсь; мнѣ не хватало возможности, и мнѣ казалось, что я сейчасъ умру; меня, можетъ быть, удавятъ?» Мухановъ старался успокоить монарха, объясняя его нездоровье сырой погодой. Павелъ умолкъ, покачалъ головой и казался очень задумчивымъ [2]).

Саблуковъ провелъ полтора года съ своимъ кавалерійскимъ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, которое служило для него мѣстомъ ссылки. Это былъ одинъ изъ часто повторяющихся актовъ произвола со стороны императора за мнимыя упущенія, которыя были имъ замѣчены на парадахъ. Саблуковъ замѣчаетъ, что великій князь Константинъ, который никакого понятія не имѣлъ о кавалеріи, питалъ страсть къ командованію надъ кавалерійскимъ полкомъ и подвергалъ его самымъ жестокимъ дисциплинарнымъ наказаніямъ. Только благодаря терпѣнію и выдержкѣ Саблукова все это счастливо проходило; впрочемъ, полковникъ былъ потомъ очень доволенъ тѣмъ, что его не было въ столицѣ, такъ какъ благодаря этому и онъ самъ, и его полкъ избѣжали опасности принимать участіе въ заговорѣ противъ императора. Но слухи о грозившей императору опасности доходили и до Царскаго Села. Тамъ узнали, между прочимъ, что Павелъ чувствовалъ себя неувѣренно въ Зимнемъ дворцѣ и поэтому велѣлъ построить Михайловскій дворецъ, который былъ защищенъ, какъ крѣпость, рвами и подъемными мостами, потайными лѣстницами и подземными ходами. Здѣсь надѣялся Павелъ быть, «á l'abri d'un coup de main».

Вскорѣ послѣ этого Саблукову было разрѣшено вернуться со своимъ полкомъ въ столицу. 11 марта онъ долженъ былъ съ частью

---

[1]) «Revue Britannique», указ. м. 77—78.

[2]) «Fraser's Magazine», указ. м., 312—313. Мухановъ разсказалъ этотъ эпизодъ въ тотъ же день, когда онъ произошелъ.

своего войска несть сторожевую службу во дворцѣ. Въ его распоряженіи были двадцать четыре рядовыхъ, три унтеръ-офицера и одинъ трубачъ. Они размѣстились рядомъ съ рабочимъ кабинетомъ императора. Нѣсколько дальше находилась другая стража Преображенскаго полка, которому Павелъ отдавалъ преимущество. Эта стража была подъ командой подпоручика Марина, котораго нѣкоторые источники причисляютъ къ заговорщикамъ. Во дворѣ дворца стояла на посту группа семеновскихъ гвардейцевъ, на содѣйствіе которыхъ во время переворота возлагалъ большія надежды, какъ мы выше видѣли, великій князь Александръ.

11 марта утромъ Саблуковъ занялъ свой сторожевой постъ во дворцѣ и тамъ узналъ отъ своего сослуживца по полку адъютанта Ушакова (который также состоялъ въ числѣ заговорщиковъ), что онъ, Саблуковъ, долженъ по приказу великаго князя Константина вернуться въ казармы. Это была неправильность, на которую Саблуковъ хотѣлъ пожаловаться великому князю Константину во время парада, который ежедневно происходилъ во дворѣ дворца. Къ немалому удивленію Саблукова оба великихъ князя не явились на парадъ, потому что, какъ полковникъ послѣ узналъ, оба они были подъ арестомъ.

Послѣ цѣлаго дня, проведеннаго въ казармахъ, Саблуковъ въ 8 часовъ вечера отправился во дворецъ съ рапортомъ къ шефу полка великому князю Константину. Лакей Павла встрѣтилъ его у дверей и заявилъ, что онъ не пропуститъ его къ великому князю, прежде чѣмъ не доложитъ объ этомъ императору. Саблуковъ возразилъ, что онъ по долгу службы обязанъ поговорить съ великимъ княземъ, и направился къ комнатамъ Константина. Но и здѣсь хотѣлъ его задержать другой лакей съ разспросами о цѣли его прихода. Саблукова это вывело изъ терпѣнія, и онъ воскликнулъ: «Вы здѣсь, повидимому, всѣ съ ума сошли. Я—дежурный полковникъ».

Такъ Саблуковъ проникъ дальше, пока не вошелъ, наконецъ, въ комнату великаго князя, котораго онъ нашелъ въ крайне возбужденномъ состояніи. Явился также и Александръ, который выглядѣлъ, какъ «трусливо пробирающійся заяцъ» [1]). «Вдругъ,—разсказываетъ Саблуковъ,—открылась дверь и появился императоръ, въ сапогахъ и при шпорахъ, со шляпой въ одной рукѣ, съ палкой въ другой и сталъ расхаживать взадъ и впередъ, какъ на парадѣ. Александръ шмыгнулъ, какъ фонарщикъ [2]), въ свои комнаты, Константинъ стоялъ, какъ статуя, съ опущенными руками и выглядѣлъ такъ, какъ будто онъ

[1]) »Sneaking along like a frightened hare».

[2]) «Like a lamplighter», т.-е. такъ быстро, какъ будто онъ спѣшилъ зажигать фонари.

очутился безъ всякаго оружія лицомъ къ лицу съ медвѣдемъ. Я обратился къ императору и передалъ ему дневной рапортъ о состояніи полка. «Ты дежурный?—спросилъ императоръ,—затѣмъ дружелюбно кивнулъ мнѣ и удалился. Тотчасъ же Александръ тихо пріотворилъ немного дверь и заглянулъ въ комнату. Константинъ неподвижно стоялъ на своемъ мѣстѣ. Когда раздался стукъ второй двери и можно было заключить, что императоръ дѣйствительно ушелъ, Александръ снова вошелъ въ комнату съ виновнымъ видомъ виляющей хвостомъ лягавой собаки [1]). «Ну, братъ,—сказалъ Константинъ,—что ты теперь скажешь? Развѣ я не говорилъ тебѣ, что онъ (онъ указалъ на меня) не будетъ бояться». Александръ спросилъ меня, дѣйствительно ли я не боюсь императора. «Нѣтъ,—отвѣтилъ я,—я исполняю свой долгъ и боюсь только своего начальника великаго князя Константина» [2]). «Ступай домой», сказалъ мнѣ Константинъ, «и будь настороже». Я ушелъ. Въ передней слуга Рудковскій помогъ мнѣ одѣть пальто. Въ это время раздался голосъ Константина, который просилъ стаканъ воды. Рудковскій налилъ воды въ стаканъ. На поверхности воды плавала пушинка. Онъ вынулъ ее пальцами и сказалъ; «Сегодня она еще плаваетъ сверху; завтра она ужъ утонетъ» [3]). Я возвратился домой, сѣлъ въ свое кресло и былъ, какъ можно себѣ представить, крайне смущенъ и полонъ самыхъ тяжелыхъ предчувствій по поводу всего того, что я видѣлъ и слышалъ. Я не долго предавался своимъ размышленіямъ, потому что въ три четверти десятаго вошелъ мой слуга и доложилъ, что прибылъ курьеръ отъ императора съ приказомъ, чтобы я немедленно явился во дворецъ.

«Такіе посланцы всегда внушали подозрѣнія и считались дурнымъ предзнаменованіемъ. Когда я пришелъ во дворецъ, то корнетъ Андреевскій, который стоялъ на посту, сказалъ мнѣ, что ничего чрезвычайнаго не случилось, что императоръ и императрица три раза проходили мимо стражи и всякій разъ очень любезно раскланивались.

«Въ шестнадцать минутъ одиннадцатаго въ передней появился императоръ въ башмакахъ и чулкахъ. Онъ возвращался съ ужина. Его собачка Шпицъ бѣжала впереди; за государемъ слѣдовалъ генералъ-адъютантъ Уваровъ. Императоръ подошелъ ко мнѣ и сказалъ мнѣ по-французски: «Вы якобинцы». Я отвѣтилъ: «Такъ точно, государь». «Не вы сами,—поправилъ онъ,—а вашъ полкъ». «Развѣ

---

[1]) «Alexander sneaked again towards us like a crouching pointer».

[2]) Здѣсь Саблуковъ узналъ, что оба великихъ князья были подъ арестомъ и въ тотъ же день должны были вторично принести присягу.

[3]) Саблуковъ не говоритъ, что это выраженіе изобличаетъ освѣдомленность Рудковскаго о заговорѣ.

только я,—замѣтилъ я,—что же касается полка, то вы ошибаетесь» [1]). «Я это лучше знаю», возразилъ императоръ, «пусть стража уходитъ». Я скомандовалъ «направо кругомъ маршъ!»—и корнетъ Андреевскій ушелъ со своими солдатами. Тогда императоръ сталъ со мною разговаривать по-русски и повторилъ, что мы якобинцы. Я очень энергично возражалъ противъ этого обвиненія. Онъ настаивалъ на томъ, что онъ это лучше знаетъ, и прибавилъ, что отдалъ приказъ выслать полкъ изъ города и размѣстить его по деревнямъ. «Вашъ эскадронъ,—сказалъ онъ очень любезно мнѣ,—будетъ водворенъ въ Царскомъ Селѣ. Два бригадныхъ маіора проводятъ полкъ до седьмой версты. Распорядитесь, чтобы всѣ въ 4 часа утра были готовы отправиться въ путь со всѣми своими пожитками». Затѣмъ онъ обратился къ своимъ камеръ-гусарамъ и, указывая на дверь своей комнаты, сказалъ: «Вы оба стойте здѣсь на посту». Уваровъ все время стоялъ позади императора и съ глупымъ выраженіемъ на лицѣ улыбался. Императоръ необыкновенно любезно раскланялся и ушелъ въ свою комнату. Я вернулся домой, передалъ генералу Тормасову къ великому его удивленію приказъ императора по поводу полка, сѣлъ въ кресло и погрузился въ свои мысли.

Въ самомъ началѣ второго часа ночи пришелъ мой слуга съ собственноручнымъ приказомъ великаго князя Константина. Записка, которая была написана, повидимому, второпяхъ и въ большомъ волненіи, содержала слѣдующее: «Соберите свой полкъ въ кратчайшій срокъ съ лошадьми и въ полной амуниціи, но безъ вещей. Ждите моихъ дальнѣйшихъ приказаній. Константинъ Цесаревичъ». Посланецъ, курьеръ великаго князя, устно прибавилъ къ этому: «Его Высочество велѣли вамъ сказать, что дворецъ окруженъ войсками и чтобы вы приказали зарядить боевыми зарядами карабины и пистолеты».

Крайне ошеломленный всѣмъ этимъ Саблуковъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія. Онъ разсказываетъ, какъ онъ превратилъ казармы въ настоящую крѣпость, и, такъ какъ не увѣренъ былъ въ образѣ мыслей генерала Тормасова, то поставилъ у его дверей стражу, строго приказавъ ей никого не пропускать къ нему. Онъ замѣчаетъ далѣе, что эта тревога вызвала неудовольствіе среди солдатъ, такъ какъ до четырехъ часовъ, до выступленія изъ столицы, по ихъ словамъ, еще оставалось много времени, и что особенно много нареканій вызвалъ съ ихъ стороны приказъ о боевыхъ патронахъ. Черезъ три часа послѣ этого пришло извѣстіе о переворотѣ.

Разсказъ Саблукова очень живо воспроизводитъ передъ нами ту атмосферу, въ которой протекла жизнь дворца въ эту страшную ночь.

---

[1]) «Passe encore pour moi mais vous trompez pour le régiment».

Нѣкоторые небольшіе штрихи этой картины нуждаются въ болѣе обстоятельномъ освѣщеніи и вызываютъ сомнѣнія. Что Александръ зналъ о готовящемся покушеніи на императора, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Напротивъ, изъ приводимаго нами далѣе разсказа Константина въ разговорѣ съ Ланжерономъ вытекаетъ, что онъ, Константинъ спалъ ночью, ни о чемъ не зная раньше и былъ разбуженъ Зубовымъ, который принесъ ему извѣстіе о наступившей за часъ передъ этимъ кончинѣ императора. Это обстоятельство трудно согласовать съ отправленной въ полночь Саблукову запиской Константина и устно переданнымъ черезъ курьера сообщеніемъ, что дворецъ окруженъ войсками. Въ данномъ случаѣ рѣчь можетъ идти только о тѣхъ военныхъ отрядахъ, которые были въ распоряженіи заговорщиковъ для выполненія покушенія. Очень сомнительнымъ кажется, чтобы Константинъ могъ спокойно спать въ эту ночь послѣ тѣхъ волненій, свидѣтелемъ которыхъ былъ Саблуковъ.

Къ сожалѣнію, въ сообщеніяхъ о самомъ насильственномъ актѣ недостаетъ точныхъ указаній времени. Мы не знаемъ, въ какомъ часу наступила смерть Павла и когда Зубовъ разбудилъ великаго князя Константина; но все говоритъ за то, что въ тотъ часъ, когда Константинъ послалъ свой приказъ Саблукову, событіе подвинулось уже далеко впередъ. Какъ Саблуковъ позже узналъ, отряды заговорщиковъ двинулись по направленію къ Зимнему дворцу «около полуночи»; убійство императора совершено было, вѣроятно, въ 1—2 часа ночи; Зубовъ разбудилъ Константина черезъ часъ послѣ этого, т.-е. около трехъ часовъ, а Саблуковъ уже узналъ о событіи между 3 и 4 часами утра въ своей казармѣ. Принимая во вниманіе все это и несомнѣнный фактъ полученнаго Саблуковымъ отъ великаго князя приказа, можно утверждать, что Константинъ заснулъ только на нѣсколько часовъ, если онъ вообще спалъ въ эту ночь.

Далѣе заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что Саблуковъ и его солдаты, которые ничего рѣшительно не знали о заговорѣ и, безъ сомнѣнія, готовы были защищать императора отъ нападенія заговорщиковъ, оказались на такомъ далекомъ разстояніи отъ мѣста дѣйствія. Легковѣріе Павла, съ одной стороны, и склонность къ подозрѣніямъ, съ другой, толкали его навстрѣчу злополучной судьбѣ. Въ послѣднюю минуту онъ лишилъ себя той защиты, которая могла, если не совсѣмъ воспрепятствовать покушенію, то, по крайней мѣрѣ, значительно затруднить его. Вскорѣ послѣ переворота Саблуковъ узналъ слѣдующія подробности.

Непосредственно передъ катастрофой императоръ будто бы спросилъ графа Палена, не можетъ ли онъ со своей стороны сдѣлать что-нибудь для его безопасности въ виду слуховъ о подготовляю-

щемся противъ него заговорѣ. Указывая на помѣщеніе, гдѣ стояла стража Саблукова, Паленъ отвѣтилъ: «Трудно сказать, что еще можно придумать; развѣ только, Ваше Величество, удалить этихъ якобинцевъ и запереть эту дверь (въ спальню императрицы)».

Павелъ слишкомъ ревностно исполнилъ оба этихъ совѣта этого типичнаго Яго изъ Отелло, графа Палена. Отсюда и удивительное обращеніе Павла къ Саблукову, который старался опровергнуть обвиненіе въ якобинствѣ, но не могъ разсѣять подозрѣнія, вызванныя словами Палена. Поэтому же онъ удалилъ и стражу, которая могла бы спасти ему жизнь.

На слѣдующій день, утромъ, во время парада Паленъ подошелъ къ Саблукову, который стоялъ въ сторонѣ, и сказалъ: «Вы внушали больше страха, чѣмъ весь гарнизонъ (т.-е остальные солдаты во дворцѣ)». — «И вы имѣли на это всѣ основанія»,—отвѣтилъ Саблуковъ. На это Паленъ замѣтилъ: «Поэтому я и позаботился, чтобы васъ удалили» [1]).

3. Ночь.

Послѣ попойки заговорщики двинулись по направленію къ Михайловскому дворцу. Это движеніе напоминало военный походъ. Беннигсенъ упоминаетъ, что всѣхъ было больше шестидесяти офицеровъ[2]). Генералъ Талызинъ пришелъ въ казарму Преображенскаго гвардейскаго полка и отдалъ приказъ одному батальону стать подъ ружье въ виду того, что въ городѣ начались волненія. Во дворцѣ были поставлены отряды Семеновскаго гвардейскаго полка. Паленъ отправилъ отряды кавалеріи для занятія улицъ, ведущихъ отъ Невскаго проспекта къ Михайловскому дворцу. Они должны были соединиться съ батальономъ преображенскихъ гвардейцевъ, но явились только тогда, когда все во дворцѣ уже было окончено.

Заговорщики очень тихо перерѣзали Марсово поле съ сѣвера, вошли въ Лѣтній садъ и достигли Михайловскаго дворца. «На старыхъ липахъ Лѣтняго сада,—разсказываетъ Розенцвейгъ,—ночуютъ тысячи воронъ. Испуганныя движеніемъ военныхъ въ такой неурочный часъ, птицы отчаянно закаркали и перепугали офицеровъ, которые опасались, какъ бы не проснулся императоръ. Если бы ему удалось укрыться въ безопасное мѣсто, то ихъ планы рушились бы, и вороны Лѣтняго сада пріобрѣли бы извѣстность капитолійскихъ гусей» [3]).

---

[1]) Паленъ: «Je vous ai craint plus que toute la garnison». Саблуковъ: «Et vous avez eu raison». Паленъ: «Aussi, j'ai eu soin de vous faire renvoyer». «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 322.

[2]) «Revue Britannique». 1865, іюль, стр. 70.

[3]) Розенцвейгъ въ «Aus allen Zeiten und Landen, стр. 11.

Они проникли во дворецъ. Когда батальонный командиръ преображенскихъ гвардейцевъ Талбановъ, подойдя, ко дворцу, спросилъ у солдатъ, захотѣли ли бы они слѣдовать за нимъ въ опасный походъ государства и народа, тѣ, не задумываясь, отвѣтили утвердительно. Тогда онъ перешелъ черезъ замерзшіе рвы. Внѣшній караулъ былъ обезоруженъ безъ всякаго сопротивленія съ его стороны.

Адъютантъ Преображенскаго полка Аргамантовъ помогъ заговорщикамъ войти во дворецъ. Онъ находился въ томъ помѣщеніи, которое за нѣсколько часовъ до этого занимали солдаты Саблукова. По его знаку было устранено препятствіе, которое оказывалъ внѣшній караулъ, и такимъ образомъ заговорщики или часть ихъ достигли той двери спальни Павла, гдѣ стояли на посту два камеръ-гусара. Аргамантовъ, будто бы, далъ возможность войти въ комнаты, обратившись къ камердинеру, который медлилъ открывать дверь, съ заявленіемъ, что уже шесть часовъ утра, что онъ пришелъ къ императору съ рапортомъ о состояніи полка и долженъ войти къ нему. Пьяный лакей далъ себя обмануть и открылъ дверь, и заговорщики вошли [1])

Оба гусара оказали сопротивленіе. Въ крайнемъ возбужденіи какой-то офицеръ такъ сильно ударилъ одного изъ нихъ, что тотъ упалъ на полъ. Офицеръ, который едва сознавалъ, что онъ дѣлаетъ, даже выстрѣлилъ въ гусара, но пистолетъ, къ счастью заговорщиковъ, далъ осѣчку. Другой гайдукъ убѣжалъ. Розенцвейгъ разсказываетъ, что раненый гусаръ прибѣжалъ съ окровавленной головой въ залъ, гдѣ стояли преображенцы подъ командой Марина. Гусаръ звалъ на помощь, чтобы спасти государя. У солдатъ уже были подозрѣнія, потому что истопникъ имъ сказалъ то же самое. Настроеніе стражи становилось опаснымъ. Одинъ изъ гвардейцевъ выступилъ впередъ и отъ имени всѣхъ потребовалъ, чтобы ихъ повели къ государю. Тогда Маринъ приставилъ ему къ груди свою шпагу и пригрозилъ тутъ же уложить его на мѣстѣ, если онъ хоть одно слово еще скажетъ. Въ то же время онъ скомандовалъ заряжать ружья. Солдаты повиновались; наступило спокойствіе, и пока они оставались въ такомъ положеніи, все было кончено.

Самымъ важнымъ источникомъ, воспроизводящимъ передъ нами все, что происходило въ спальнѣ Павла, долженъ служить разсказъ Беннигсена въ разговорѣ съ Ланжерономъ. Вотъ что мы находимъ здѣсь.

«Мы вошли въ комнату въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, среди которыхъ были Платонъ и Николай Зубовы (Паленъ и большинство другихъ пошли другой дорогой). Валерьянъ Зубовъ остался у Палена...

---

[1]) Ланжеронъ. Это вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ Беннигсена.

Шумъ (въ передней) разбудилъ императора. Онъ соскочилъ съ кровати и могъ бы легко спастись, если бы сохранилъ присутствіе духа. Правда, комнаты императрицы не могли служить для него убѣжищемъ, такъ какъ онъ, по совѣту Палена, забаррикадировалъ ея дверь, но оставалась еще лѣстница, которая вела въ покои княгини Гагариной. Онъ, повидимому, былъ слишкомъ перепуганъ, чтобы разсуждать, и спрятался за ширмы. Мы входимъ; Платонъ Зубовъ подбѣгаетъ къ кровати, находитъ ее пустой и кричитъ: «Il s'est sauvé». Я нашелъ императора. Я, какъ и всѣ другіе, былъ при полной формѣ, съ лентой и орденами, со шляпой на головѣ и шпагой въ рукѣ. Я опустилъ шпагу и сказалъ по-французски: «Государь, вы перестали царствовать; Александръ сталъ императоромъ; по его приказу мы васъ арестуемъ; Вы должны отречься отъ престола. Будете спокойны, мы васъ жизни не хотимъ лишать. Я явился сюда, чтобы защитить васъ; покоритесь своей судьбѣ; если же вы окажете хоть малѣйшее сопротивленіе, то я ни за что не ручаюсь».

«Императоръ ничего не отвѣтилъ. Платонъ Зубовъ повторилъ по-русски все, что я сказалъ по-французски.—«Что я вамъ сдѣлалъ?»—воскликнулъ императоръ. Одинъ изъ гвардейскихъ офицеровъ отвѣтилъ: «Четыре года подрядъ вы насъ мучили». Въ эту минуту съ шумомъ вошли въ переднюю другіе офицеры, которые по дорогѣ заблудились въ комнатахъ дворца; поднятый ими шумъ перепугалъ тѣхъ, которые были со мной въ комнатѣ. Они подумали, что это стража прибѣжала на помощь императору, и убѣжали по лѣстницѣ. Я остался одинъ съ императоромъ и угрожалъ ему своимъ рѣшительнымъ видомъ и шпагой. Въ это время бѣглецы встрѣтили товарищей и вернулись въ комнату Павла. Началась давка, во время которой упали ширмы и потушили лампу. Я вышелъ, чтобы принести лампу изъ другой комнаты. Въ этотъ короткій промежутокъ времени Павла не стало».

Гораздо обстоятельнѣе описываетъ это происшествіе Бернгарди, который въ основныхъ чертахъ воспроизводитъ записки Беннигсена. «Беннигсенъ,—пишетъ онъ,—нашелъ императора за ширмой, гдѣ горѣла лампа; онъ стоялъ въ одной рубашкѣ, босой, съ курткой на плечахъ и ночной шапкой на головѣ. Зубовъ и Беннигсенъ подошли съ обнаженными шпагами къ императору. Онъ потерялъ все свое присутствіе духа и настолько не владѣлъ собой, что даже не могъ говорить. Тогда Беннигсенъ обратился къ нему со словами: «Sire, vous êtes arrêté!» Не отвѣчая ему, Павелъ обратился къ Зубову.—«Que faites-vous, Platon Alexandrowitch?»—спросилъ онъ. Въ это время одинъ офицеръ сообщилъ князю, что дворцовая стража вышла изъ повиновенія, и что Палена нѣтъ. Зубовъ убѣжалъ. Только Бенниг-

сенъ «не растерялся», какъ онъ самъ хвастается. Онъ повторилъ свои первыя слова, но, вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему, Павелъ сдѣлалъ попытку проникнуть въ сосѣднюю комнату. Тамъ по заведенному императоромъ обычаю хранились шпаги арестованныхъ офицеровъ. Павелъ искалъ оружія для своей защиты. Но ему преградили путь.

Заговорщики, которые только что бѣжали изъ спальни, снова стали собираться и скоро вся комната была ими переполнена. Беннигсенъ заперъ двери въ сосѣднюю комнату съ оружіемъ и въ покои императрицы. Павелъ пытался проложить себѣ дорогу къ бѣгству и сталъ кричать по-русски: «Арестованъ! что значитъ арестованъ!» Его удержали силой, при чемъ особенно грубо набросились на него князь Яшвиль и маіоръ Таротиновъ (sic?). Напрасно Беннигсенъ дважды взывалъ къ императору: «Restez tranquille, Sire, il y va de vos jours!» Несчастный старался пробиться и повторялъ свои слова. Началась ожесточенная борьба. Ширмы упали. Среди шума Беннигсенъ разслышалъ голосъ одного офицера, который кричалъ императору: «Вотъ ужъ четыре года, какъ съ тобой хотятъ покончить!»—«Что же я такое сдѣлалъ?»—возразилъ императоръ. Когда въ передней снова поднялся шумъ, многіе опять хотѣли бѣжать. Но Беннигсенъ подскочилъ къ двери и громкимъ голосомъ сталъ угрожать убить всякаго, кто сдѣлаетъ попытку къ бѣгству. «Теперь ужъ поздно отступаться»—прибавилъ онъ.

«Этотъ шумъ произвелъ отрядъ семеновскихъ гвардейцевъ подъ начальствомъ состоявшаго въ заговорѣ офицера Бибикова, внезапно ворвавшись въ переднюю. И въ этотъ моментъ, когда не могло оставаться никакого сомнѣнія насчетъ того, какъ окончится черезъ нѣсколько минутъ борьба съ императоромъ, которая становилась все ожесточеннѣй, въ особенности, когда Павелъ сталъ непрерывно кричать и звать на помощь,—умный Беннигсенъ поручаетъ охрану императора пьяному князю Яшвилю, а самъ спѣшитъ въ переднюю, чтобы «поставить сторожевые посты».

«По позднѣйшимъ заявленіямъ очевидцевъ ужасныхъ послѣднихъ минутъ, императоръ дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы вырваться изъ рукъ Яшвиля. Во время борьбы оба упали на полъ. Какой-то гвардейскій офицеръ, котораго Беннигсенъ называетъ Скеллеретомъ, сорвалъ съ себя свой шарфъ и обмоталъ его вокругъ шеи императора, котораго держалъ Яшвиль. Стоявшіе сзади двинулись впередъ и повалили впереди стоявшихъ на борющихся. Императора придавили и удушили. Тѣ, которые дальше стояли, не могли даже дать себѣ отчетъ въ томъ, что произошло».!

Кто были эти свидѣтели, которые давали свои показанія о послѣднихъ минутахъ Павла, Бернгарди не говоритъ. Въ разсказѣ Ро-

зенцвейга имѣются слѣдующія подробности. Императоръ подбѣжалъ къ столу, на которомъ лежало нѣсколько заряженныхъ пистолетовъ. Его повалили на полъ, и заговорщики наложили свои преступныя руки на своего императора. Увѣряютъ, что Яшвиль нанесъ первый ударъ, и что императоръ послѣ упорнѣйшаго сопротивленія былъ удавленъ своимъ собственнымъ шарфомъ. Борьба продолжалась около десяти минутъ. Большинство заговорщиковъ были пьяны, и, повидимому, вполнѣ достовѣрно показаніе, что Николай Зубовъ, человѣкъ огромнаго роста и дикаго вида, собственными руками задушилъ императора.

Ланжеронъ сожалѣетъ, что Беннигсенъ не разсказалъ ему подробнѣй о кончинѣ Павла. «Беннигсенъ, — пишетъ онъ, — повидимому, былъ свидѣтелемъ смерти императора, но въ убійствѣ непосредственнаго участія не принималъ. Убійцы набросились на Павла, который слабо защищался, молилъ о пощадѣ и просилъ дать ему времени, чтобы прочесть молитву. Среди офицеровъ онъ замѣтилъ одного, который былъ похожъ на великаго князя Константина, и сказалъ ему, какъ нѣкогда Цезарь Бруту: «Какъ, и Вы, Ваше Высочество, здѣсь!» (Слово *Высочество* звучитъ довольно странно при такой обстановкѣ). Такъ умеръ несчастный монархъ съ убѣжденіемъ, что его сынъ былъ въ числѣ убійцъ; ужасная мысль, которая отравила послѣднія минуты жизни Павла. У заговорщиковъ не оказалось ни веревки, ни полотенца, чтобы удавить его. Мнѣ разсказывали, что Скарятинъ предложилъ для этой цѣли свой шарфъ, который и послужилъ орудіемъ для убійцы: неизвѣстно, кто можетъ претендовать на страшную честь этого ужаснаго убійства; всѣ заговорщики принимали въ немъ участіе; отвѣтственность больше всего, повидимому, падаетъ на князя Яшвиля и Татаринова. Вполнѣ вѣроятно также, что этотъ мясникъ Николай Зубовъ, озвѣрѣвшій и набравшійся смѣлости отъ выпитаго вина, ударилъ императора по лицу и поранилъ ему лѣвый глазъ острымъ краемъ табакерки, которую онъ держалъ въ рукѣ».

Вся эта драма заняла очень мало времени. Намъ кажется совершенно невѣроятнымъ разсказъ Саблукова, будто объясненіе Павла съ Платономъ Зубовымъ по вопросу объ отреченіи отъ престола продолжалось полчаса. Большаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія сообщенія, сдѣланныя Саблуковымъ, повидимому, на основаніи показаній очевидцевъ. «Павелъ,—пишетъ онъ,—громко говорилъ и сильно жестикулировалъ. Великорослый и сильный шталмейстеръ Николай Зубовъ ударилъ императора по рукѣ и по-русски крикнулъ: «Что ты такъ кричишь?» Возмущенный такимъ оскорбленіемъ императоръ оттолкнулъ руку Зубова. Тогда послѣдній ударилъ императора въ лѣвый високъ правой рукой, въ которой держалъ тяжелую золотую таба-

керку. Павелъ упалъ и потерялъ сознаніе. Камердинеръ Зубова, французъ, вскочилъ обѣими ногами на императора, а офицеръ измайловскаго полка Скарятинъ схватилъ шарфъ Павла, который висѣлъ надъ кроватью, и удавилъ его».

Саблуковъ по этому поводу замѣчаетъ: «Послѣднія слова графа Палена за ужиномъ «Qu'il faut commencer par casser les oeufs» крѣпко засѣли въ головы заговорщиковъ и руководили ихъ дѣйствіями. Называли много различныхъ лицъ, которыя проявили во время этой расправы особенно много грубости и жестокости и мстили императору за оскорбленія, которыя онъ себѣ позволилъ по отношенію къ нимъ. Они толкали и топтали его ногами и всячески издѣвались надъ несчастнымъ трупомъ. Для врачей и живописцевъ была нелегкая работа препарировать трупъ, чтобы можно было согласно традиціямъ выставить его на нѣкоторое время для всѣхъ, желавшихъ его видѣть. Я видѣлъ императора на парадномъ ложѣ. Лицо, несмотря на искусство художника, было въ черныхъ и синихъ пятнахъ. Шляпа была такъ надвинута, что почти совершенно закрывала лѣвый глазъ и високъ, которые у него были разбиты» [1]).

«Мнѣ противно,—прибавляетъ далѣе Саблуковъ, называть имена этихъ кровожадныхъ людей, которые выдѣлялись своимъ звѣрствомъ во время этой катастрофы. Я напомню только, что съ нѣкоторыми изъ нихъ я лично былъ знакомъ и хорошо знаю, что въ свой предсмертный часъ они испытывали страшныя физическія и нравственныя страданія».

Приблизительно то же самое говоритъ Розенцвейгъ. «Трудно,—пишетъ онъ,—съ полной увѣренностью указать имена всѣхъ убійцъ, чтобы предать ихъ проклятію всѣхъ грядущихъ временъ. Число заговорщиковъ было такъ значительно, ненависть къ императору и грубость нравовъ такъ велика, что еще въ 1801 году можно было встрѣтить много офицеровъ, которые хвастались своимъ участіемъ въ убійствѣ, хотя въ дѣйствительности ихъ и не было совсѣмъ на мѣстѣ преступленія. Во всякомъ случаѣ для будущихъ поколѣній останутся памятными имена графа Николая Зубова, генерала Чичерина, Мансурова, Татаринова и Яшвиля, какъ главныхъ виновниковъ катастрофы».

Изъ сообщеній очевидцевъ этой трагедіи выносишь впечатлѣніе, что здѣсь дѣло шло не о томъ, чтобы принудить Павла къ отреченію отъ престола или назначенію Александра регентомъ, а о томъ,

[1]) Издатель мемуаровъ Саблукова удостовѣряетъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній, что французскій посолъ, который вмѣстѣ съ другими членами дипломатическаго корпуса продефилировалъ мимо трупа, нагнулся надъ останками и сдвинулъ шейную повязку на трупѣ, чтобы увидѣть красный слѣдъ, оставленный шарфомъ.

чтобы возможно скорѣй покончить съ нимъ. По словамъ Саблукова ходили также слухи о томъ, что Платонъ Зубовъ, ворвавшійся вмѣстѣ съ Беннигсеномъ въ спальню Павла, держалъ въ рукахъ листъ бумаги, на которомъ долженъ былъ быть написанъ «договоръ между монархомъ и народомъ». «Между тѣмъ, — пишетъ Саблуковъ, — дискуссія между императоромъ и заговорщиками продолжалась слишкомъ недолго, чтобы за это время можно было такой разговоръ поднять; раздражительность и вспыльчивость Павла и возбужденное состояніе заговорщиковъ, большинство которыхъ были очень пьяны, должны были привести къ катастрофѣ» [1]).

Паленъ во время всего этого происшествія держался вдали. Онъ явился во дворецъ, когда все уже было кончено. Другіе заговорщики упрекали его позже въ томъ, что онъ намѣренно медлилъ, чтобы пожинать плоды вмѣстѣ со всѣми въ случаѣ удачи, и явиться спасителемъ Павла, если бы дѣло не удалось. Паленъ въ сопровожденіи Уварова долженъ былъ пробраться въ покои императора во главѣ батальона гвардейцевъ по главной лѣстницѣ дворца. Но онъ такъ медленно двигался, что Уваровъ долженъ былъ его торопить. Это обстоятельство еще увеличило подозрѣнія противъ него [2]).

Совершенно невозможно выяснить этотъ случай. Характерно для всего этого событія сообщеніе Беннигсена, что императоръ Александръ, спустя насколько мѣсяцевъ, удалилъ Палена, вмѣнивъ ему въ вину его «двусмысленное отсутсівіе въ рѣшительный моментъ» въ эту роковую ночь. «Дѣйствительно,—замѣчаетъ Бернгарди,—среди тѣхъ, которые хорошо знали Палена, было распространено мнѣніе, что онъ замышлялъ въ случаѣ неудачи переворота арестовать великаго князя Александра вмѣстѣ со всѣми заговорщиками и предстать передъ Павломъ въ роли его спасителя» [3]).

Но какъ бы медленно ни двигался Паленъ, онъ все-таки долженъ былъ подойти къ дворцу, раньше чѣмъ тамъ все было кончено. Тогда

---

[1]) «Fraser's Magazine», 1865, сентябрь, стр. 323. Въ семьѣ Ростопчиныхъ сохранились въ устной передачѣ слѣдующія мало вѣроятныя подробности этого происшествія. Когда нашли спрятавшагося за ширмами императора, къ нему, будто бы, вернулось сознаніе монаршаго достоинства, и онъ обратился къ заговорщикамъ съ рѣчью, которая продолжалась нѣсколько минутъ. Онъ говорилъ съ такимъ вдохновеніемъ и такъ трогательно, что многіе прослезились и готовы были броситься къ его ногамъ и просить прощенія. Другіе же настаивали на томъ, что уже слишкомъ поздно, и что Павелъ долженъ отречься отъ престола и т. д. Павелъ рѣшительно отказывался подписать актъ объ отреченіи. Одинъ изъ заговорщиковъ ударилъ его въ лицо и проломилъ ему кости лба и носа. Другой хотѣлъ его заколоть своей шпагой, но Павелъ схватилъ шпагу рукой и потерялъ три пальца и т. д. Ségur, Rostoptchine, стр. 84—85.

[2]) Розенцвейгъ въ «Aus allen Zeiten und Landen», стр. 12.

[3]) Бернгарди въ «Истор. В.», III, стр. 165.

возникаетъ вопросъ, гдѣ онъ находился во время убійства. Саблуковъ утверждаетъ, что Паленъ въ этотъ моментъ находился у Александра [1]). Это довольно правдоподобно. Молодой, неопытный и боязливый великій князь нуждался въ эти тяжелыя минуты въ помощи сильнаго и рѣшительнаго человѣка. За нѣсколько часовъ до этого онъ еще ужиналъ за однимъ столомъ со своимъ отцомъ, а затѣмъ, какъ утверждаетъ Бернгарди, подписалъ манифестъ, въ силу котораго онъ бралъ на себя регентство [2]). Теперь онъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій о результатахъ предпринятаго дѣла.

Какъ предусмотрительно Паленъ принялъ всѣ мѣры, чтобы воспрепятствовать всѣмъ открытымъ сторонникамъ императора оказать ему свои услуги въ эту ночь, показываютъ, между прочимъ, слѣдующія обстоятельства. Уже раньше было упомянуто, что Аракчеевъ, пріѣзда котораго ждали, былъ задержанъ у городскихъ воротъ. Командиръ гусарскаго полка Кологривовъ, который принадлежалъ къ самымъ надежнымъ приверженцамъ императора, игралъ въ вистъ въ своемъ собственномъ домѣ съ генераломъ Кутузовымъ. Въ половинѣ перваго часа ночи Кутузовъ вынулъ свои часы и заявилъ, что Кологривовъ арестованъ. Маіоръ Горголи получилъ порученіе арестовать графа Кутайсова и его возлюбленную, актрису Шевалье. Кутайсовъ въ послѣдній моментъ ускользнулъ изъ-подъ надзора, пробѣжалъ босой, въ халатѣ и ночномъ колпакѣ по улицамъ, пока не нашелъ убѣжища въ домѣ Ланского [3]).

Таковы были обстоятельства, при которыхъ императоръ Александръ взошелъ на престолъ.

4. Утро послѣ переворота.

О первыхъ минутахъ послѣ убійства сообщаетъ Бернгарди, повидимому, по запискамъ Беннигсена, отчасти, по крайней мѣрѣ. «Когда Беннигсенъ,—пишетъ онъ,—черезъ нѣсколько минутъ снова вошелъ (въ спальню Павла), къ нему навстрѣчу уже въ дверяхъ бросился пьяный офицеръ со словами: «il est achevé». Беннигсенъ оттолкнулъ его отъ себя, закричалъ толпѣ: «стой! стой!»—протиснулся къ трупу и съ большимъ гнѣвомъ сталъ бросать страшныя угрозы по адресу убійцъ. Онъ съ необыкновенной заботливостью сталъ прислушиваться, не живъ ли императоръ и нельзя ли еще привести его къ жизни. Когда онъ убѣдился, что никакой надежды на это не имѣется, онъ приказалъ положить мертвое тѣло на кро-

---

[1]) «Fraser's Magazine», стр. 321.

[2]) «Историч. В.», Ш, стр. 161.

[3]) Саблуковъ, указ. м. 321—322.

вать. Вошедшимъ слугамъ Беннигсенъ сказалъ, что императоръ умеръ отъ апоплексическаго удара, и приказалъ одѣть его въ мундиръ.

Платонъ Зубовъ между тѣмъ поспѣшилъ къ дворцовой стражѣ и приказалъ ей выстроиться. Онъ встрѣтилъ здѣсь своихъ братьевъ и великаго князя Александра, который стоялъ передъ стражей, въ надеждѣ, можетъ быть, произвести впечатлѣніе на солдатъ своимъ личнымъ присутствіемъ. Напрасно Зубовы призывали солдатъ крикнуть «ура» въ честь «императора Александра». Даже личное присутствіе великаго князя не могло повліять на солдатъ. Они упорно отказывались, пока присланный Беннигсеномъ офицеръ не принесъ извѣстія, что императоръ Павелъ скончался. Здѣсь, во дворѣ дворца, передъ лицомъ стражи великій князь узналъ эту страшную вѣсть, и въ первый моментъ, несмотря на то, что солдаты теперь очень охотно привѣтствовали его, какъ императора, Александръ, казалось, былъ внѣ себя отъ горя, вызваннаго этимъ неожиданнымъ ударомъ. Но ему удалось скоро до нѣкоторой степени овладѣть собой. Когда теперь появился Беннигсенъ, то онъ получилъ приказъ взять на себя начальство надъ стражей и охрану дворца. Палену [1]) было поручено извѣстить о происшедшемъ императрицу Марію. Самъ молодой императоръ вмѣстѣ съ перепуганнымъ братомъ Константиномъ отправился въ Зимній дворецъ, чтобы присутствовать на ранней заутренѣ въ дворцовой церкви и принять присягу отъ своихъ подданныхъ» [2]).

Совершенно иначе разсказываетъ Розенцвейгъ о томъ, какъ Александръ получилъ это извѣстіе. «Великій князь Александръ,—пишетъ онъ,—ждалъ въ это время въ своихъ покояхъ исхода заговора. Съ нимъ были графъ Уваровъ, который только на короткое время отлучился, чтобы вмѣстѣ съ Паленомъ привести гвардейцевъ, и полковникъ Николай Бороздинъ, чтобы защищать его и въ случаѣ несчастнаго исхода раздѣлить съ нимъ его судьбу. Наконецъ, не безъ затрудненій, пришелъ къ великому князю Валерьянъ Зубовъ. Онъ нашелъ его лежащимъ на кровати, но одѣтымъ, и сообщилъ ему о сверженіи и смерти его отца и его собственномъ воцареніи. Извѣстно, что императоромъ овладѣло крайнее отчаяніе. Только теперь ему стало ясно, какія послѣдствія должно было повлечь за собой сверженіе его отца съ престола; слишкомъ поздно и напрасно плакалъ онъ теперь о томъ, что на грубыхъ и безразсудныхъ молодыхъ людей возложено было выполненіе этого предпріятія, которое казалось не-

[1]) По сообщенію Бернгарди Паленъ только въ этотъ моментъ появился съ Уваровымъ и своими солдатами на проспектѣ. Трудно даже повѣрить, что онъ такъ долго пробылъ на улицѣ. Правдоподобнѣе извѣстіе Саблукова, что Паленъ находился у Александра.

[2]) Бернгарди, указ. м., III, 161.

обходимымъ въ интересахъ государственнаго блага и было запятнано теперь кровавымъ преступленіемъ».

Очень яркую картину далъ четверть столѣтія спустя великій князь Константинъ въ разговорѣ съ графомъ Ланжерономъ. «Я ничего не подозрѣвалъ,—разсказывалъ великій князь,—и крѣпко спалъ, какъ могутъ спать двадцатилѣтніе юноши. Пьяный Платонъ Зубовъ съ шумомъ ввалился въ мою комнату (черезъ часъ послѣ смерти моего отца), грубо стянулъ съ меня одѣяло и нахальнымъ тономъ сказалъ: «Вставайте и идите къ императору Александру; онъ васъ ждетъ». Можете себя представить мой ужасъ и недоумѣніе. Я смотрѣлъ на Зубова съ заспанными глазами, и мнѣ казалось, что это мнѣ снится. Платонъ съ силой дернулъ меня за руку, чтобы заставить подняться. Я одѣлъ свои брюки, сюртукъ, сапоги и совершенно механически послѣдовалъ за Зубовымъ. Изъ предосторожности я захватилъ съ собой польскую саблю, которую я получилъ въ подарокъ въ Ковнѣ отъ князя Любомирскаго. Въ случаѣ, если бы угрожала опасность моей жизни, я сталъ бы защищаться, думалъ я, потому что совершенно не понималъ, что произошло. Я прихожу въ комнату брата, застаю тамъ толпу очень шумныхъ и разгоряченныхъ офицеровъ. Уваровъ такой же пьяный, какъ и всѣ другіе, сидѣлъ на мраморномъ столѣ и болталъ ногами. Я вхожу въ залъ моего брата и застаю его распростертымъ на диванѣ, въ слезахъ. Тутъ же была и императрица Елизавета. Здѣсь я впервые узналъ объ убійствѣ моего отца. Я такъ былъ ошеломленъ этимъ ударомъ, что сначала мнѣ показалось, будто заговоръ направленъ противъ всѣхъ насъ. Въ этотъ моментъ моему брату сообщили о претензіяхъ моей матери, и онъ воскликнулъ: «Боже мой, этого еще недоставало!» Онъ приказалъ Палену пойти къ ней, образумить ее, заставить отказаться отъ этой идеи, которая казалась такой странной и дикой въ такой моментъ. Паленъ вернулся черезъ нѣсколько часовъ и увелъ брата, чтобы показать его войскамъ. Остальное вы сами знаете»—закончилъ великій князь свой разсказъ.

Саблуковъ удостовѣряетъ, что Александръ и Константинъ были оба крайне поражены смертью отца, хотя имъ въ первый моментъ сказали, что императоръ былъ страшно взволнованъ требованіями заговорщиковъ и умеръ отъ апоплексическаго удара. Нѣсколько дней спустя Саблуковъ по дѣламъ свой службы посѣтилъ своего начальника великаго князя Константина. Константинъ пригласилъ его зайти въ свою комнату, заперъ за собой дверь и сказалъ: «Ну, Саблуковъ, хорошая здѣсь каша была на дняхъ.»—«Да,—отвѣтилъ полковникъ,—дѣйствительно хорошая каша. Я очень радъ, что мнѣ не пришлось принимать въ этомъ никакого участія».—«Мой другъ,—сказалъ взволнованнымъ голосомъ Константинъ,—пусть мой братъ царствуетъ, если

онъ хочетъ, послѣ всего того, что произошло. Но если бы тронъ достался мнѣ, то я навѣрное отказался бы».

Совершенно иначе отнеслась къ этому супруга Павла, императрица Марія Ѳеодоровна, которая при извѣстіи о смерти императора дѣйствительно думала о возможности ей самой взойти на престолъ.

Ланжеронъ разсказываетъ, что Александръ поручилъ Палену извѣстить императрицу о кончинѣ императора. По свѣдѣніямъ Саблукова, оберштальмейстеръ Мухановъ, близко стоявшій къ императрицѣ, поручилъ сообщить ей эту страшную вѣсть обергофмейстершѣ великихъ княженъ и близкому другу императрицы графинѣ Ливенъ. Эта послѣдняя сначала отказывались брать на себя такое тягостное порученіе, но Паленъ, приказавшій разбудить ее, объяснилъ, что ей это удобнѣе сдѣлать, чѣмъ кому-либо другому. Когда Ливенъ явилась ночью къ императрицѣ, то послѣдняя подумала сначала, что пришло извѣстіе о смерти ея дочери Александры, вышедшей замужъ за венгерскаго палатина Іосифа. Ливенъ сказала ей, что Павелъ тяжко боленъ и что его поразилъ апоплексическій ударъ.—«Онъ умеръ, онъ убитъ!» закричала Марія Ѳеодоровна. Такъ какъ Ливенъ не возражала, то она соскочила съ кровати и безъ башмаковъ и чулокъ побѣжала къ двери, которая вела въ покои Павла. Графиня Ливенъ едва успѣла накинуть ей на плечи пальто [1]).

Между тѣмъ, Беннигсенъ приказалъ открыть эту дверь и поставилъ стражу для ея охраны. Отрядъ солдатъ въ 30 человѣкъ подъ командой офицера Константина Полторацкаго охранялъ трупъ Павла и не позволялъ никому проходить здѣсь. Когда императрица крайне взволнованная появилась въ дверяхъ, солдаты скрестили штыки; она кричала, чтобы ее пропустили, плакала, бросилась на полъ и обнимала колѣни солдатъ. Полторацкій заявилъ, что онъ получилъ строжайшій приказъ. Солдаты плакали. Императрица рыдала съ такимъ отчаяніемъ, что одинъ гренадеръ, по имени Перекатовъ, поднесъ ей стаканъ воды. «Матушка, выпей,—сказалъ онъ,—здѣсь отравы нѣтъ; тебѣ за себя нечего бояться». Онъ самъ отпилъ немного и подалъ ей стаканъ. Она выпила воды и пошла обратно въ свои покои. Къ ней вернулось спокойствіе и сознаніе своего достоинства.

«Блѣдная и похолодѣвшая, какъ статуя,—пишетъ Саблуковъ, очевидно, по разсказамъ оберштальмейстера Муханова,—она сѣла въ кресло и дала себя одѣть. Мухановъ былъ первый, котораго она впустила къ себѣ. Рано утромъ явился посланецъ; это былъ, насколько я помню, Уваровъ. Онъ сказалъ, что просилъ ее «отъ имени импе-

[1]) Ланжеронъ, указ. м., стр. 75. Саблуковъ, ук. м., стр. 321.

ратора и императрицы» (т.-е. Александра и Елизаветы) придти къ нимъ. Она отвѣтила: «Скажите моему сыну, что, прежде чѣмъ я не увижу трупъ своего мужа, я не признаю его своемъ государемъ». «Александръ,— прибавляетъ Саблуковъ,— охотно бросился бы въ объятія своей матери, которую онъ нѣжно любилъ, несмотря на этотъ суровый отвѣтъ (rebuke); но это невозможно было сдѣлать, не позволивъ ей посмотрѣть на мертвеца. Возстановленіе внѣшняго вида послѣдняго продолжалось [бвлѣе тридцати часовъ, и только на слѣдующій день вечеромъ императрица могла увидѣть трупъ».

О поведеніи императрицы Маріи Ѳеодоровны въ это утро сообщаетъ Беннигсенъ въ своихъ замѣткахъ, которыми воспользовался Бернгарди, такія интересныя подробности, что мы считаемъ нужнымъ привести разсказъ послѣдняго.

«Императрица Марія», читаемъ мы здѣсь, «приказала своему лейбъ-медику тайному совѣтнику Беку оставаться въ эту роковую ночь во дворцѣ, недалеко отъ ея комнатъ, хотя никто изъ императорской фамиліи не былъ боленъ. Когда Паленъ принесъ извѣстіе о смерти императора, она пришла въ страшный гнѣвъ, громко заявляла, что она не вѣритъ въ естественную смерть своего супруга, и угрожала убійцамъ своей местью, самыми ужасными наказаніями. Она потребовала, чтобы ей показали трупъ ея мужа. Такъ какъ на ея желаніе отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ, то она отправилась къ своей невѣсткѣ, женѣ Александра, ставшей уже императрицей Елизаветой, и «здѣсь она проявила не столько скорбь по поводу смерти своего супруга, сколько другія душевныя движенія», которымъ она скоро придала очень яркое выраженіе.

«Немного спустя туда пришелъ также генералъ Беннигсенъ и именемъ императора Александра потребовалъ, чтобы она отправилась въ Зимній дворецъ принести присягу. Совершенно не желая ни овладѣть своими чувствами, ни скрывать ихъ, императрица Марія громко закричала: «Кто императоръ? Кто называетъ Александра императоромъ?» И когда Беннигсенъ отвѣтилъ: «голосъ народа!»—она тѣмъ же повышеннымъ тономъ заявила, что она своего сына не признаетъ. Никто ничего не отвѣтилъ на этотъ смѣлый отказъ. Затѣмъ она тихимъ голосомъ прибавила: «пока онъ мнѣ не дастъ отчета о своемъ поведеніи въ этомъ дѣлѣ». Но скоро она схватила Беннигсена за руку и снова громко приказала повиноваться ей и вести ее въ комнату императора Павла. Но Беннигсенъ, какъ онъ самъ заявляетъ, боялся солдатъ. Онъ опасался, что, въ виду ихъ привязанности къ убитому императору, ихъ могутъ склонить на какой-нибудь необдуманный шагъ, и отказался повиноваться приказу императрицы и удержалъ ее здѣсь. Она стала угрожать, что ему придется жестоко поплатиться за свое

поведеніе—и разразилась, наконецъ, слезами, которыя, повидимому, ее успокоили немного.

«Беннигсенъ подумалъ, что теперь можно повторить приглашеніе ѣхать въ Зимній дворецъ. Молодая императрица присоединила и свою просьбу къ его представленію. Но это вызвало только новый гнѣвъ ея тещи, которая была, видимо, крайне недовольна предстоящей поѣздкой. «Que me dites-vous»?—набросилась, какъ выражается Беннигсенъ, вдовствующая императрица на супругу своего сына, «ce n'est pas a moi à obeir! Allez! Obéissez si vous voulez!»

Такъ она рѣшительно отказывалась оставить Михайловскій дворецъ, прежде чѣмъ не увидитъ трупъ своего супруга, то Беннигсенъ далъ знать молодому императору о положеніи дѣла и получилъ указаніе удовлетворить желаніе вдовствующей императрицы, *если это не грозитъ никакой опасностью.* Эти слова показываютъ, что Александръ уже раньше зналъ объ интригахъ семьи Куракиныхъ и о миражахъ, которые рисовались предъ глазами его матери. Кромѣ того, изъ поведенія Палена и Беннигсена достаточно ясно видно, что за этими кругами зорко слѣдили и готовы были оказать должное противодѣйствіе ихъ планамъ.

«Тогда Беннигсенъ просилъ императора прислать ему на помощь Палена. Когда этотъ опасный любимецъ и измѣнникъ Павла еще разъ предсталъ передъ оскорбленной императрицей, она снова вспылила, и разыгралась бурная сцена. Она осыпала его упреками, а онъ съ полнымъ самообладаніемъ и холоднымъ спокойствіемъ встрѣтилъ взрывы ея гнѣва и съ циничной откровенностью заявилъ, что онъ былъ заранѣе обо всемъ освѣдомленъ. Онъ доказывалъ, что интересы государственнаго блага и безопасность императорской фамиліи оправдываютъ то, что произошло. Разсчеты политики и доводы разсудка должны утѣшить императрицу. Но такъ какъ его грубое краснорѣчіе никакого успѣха не имѣло, то онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ своему новому государю.

«Еще разъ императрица Марія схватила за руку Беннигсена и рѣзкими словами и угрозами хотѣла заставить его повиноваться ей. Генералъ все отказывался вести ее къ трупу, пока она совершенно не успокоится—и онъ, повидимому, счелъ себя въ правѣ разговаривать съ ней достаточно безцеремонно; по крайней мѣрѣ, онъ самъ разсказываетъ, что онъ ей, между прочимъ сказалъ: «Madame on ne joue pas la comedie».

«Наконецъ, она дала обѣщаніе быть спокойной, если только ей покажутъ мертвое тѣло ея мужа, призвала своихъ дочерей, взяла подъ руку Беннигсена, и произошло то, что этотъ человѣкъ безпощадно называетъ «настоящимъ театральнымъ представленіемъ». Уже по до-

рогѣ черезъ залы и комнаты дворца она нѣсколько разъ останавливалась, какъ бы борясь со своими чувствами, и нѣсколько разъ взывала по-нѣмецки: «Боже, помоги мнѣ перенести это!» Когда она вошла въ страшную комнату, гдѣ лежалъ теперь на кровати усопшій императоръ въ гвардейскомъ мундирѣ, она громко вскрикнула, бросилась къ ложу и стала цѣловать своего покойнаго супруга, который еще за нѣсколько часовъ до этого представлялъ большую опасность для ея свободы, для ея жизни и для ея дѣтей. Затѣмъ она потребовала ножницы, отрѣзала локонъ отъ волосъ императора и то же самое велѣла сдѣлать своимъ дочерямъ. Наконецъ, императрица, повидимому, хотѣла уже уйти, но она вдругъ повернулась, отослала дочерей, еще разъ бросилась на колѣни передъ кроватью и съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнула: «Я хочу быть послѣдней!» Вернувшись въ свои покои, она одѣлась въ глубокій трауръ и отправилась въ Зимній дворецъ.

«По дорогѣ въ Зимній дворецъ императрица, видимо, ожидала, какъ насъ увѣряютъ, что народъ, который толпами расхаживалъ по улицамъ, предприметъ что-нибудь въ ея интересахъ. Этого, конечно, не случилось» [1]).

Въ этомъ разсказѣ, основанномъ на сообщеніи Беннигсена недостаетъ одного важнаго момента: первой встрѣчи вдовствующей императрицы съ ея сыномъ Александромъ послѣ катастрофы и возникшей между матерью и сыномъ борьбы изъ-за короны. Какъ бы кратковременны ни были претензіи вдовствующей императрицы, но онѣ были и и усложняли и безъ того крайне тяжелое положеніе императора Александра. Не удивительно, что, услышавъ объ этихъ претензіяхъ своей матери, онъ воскликнулъ въ присутствіи брата, который ему разсказалъ объ этомъ: «Mon Dieu, encore ce surcroit d'embarras!»

Тѣмъ важнѣе представляется намъ вопросъ, при какихъ обстоятельствахъ произошла встрѣча между матерью и сыномъ.

Въ запискахъ Розенцвейга также разсказывается, что императрица

---

[1]) «Истор. В.», III, 161—184. Розенцвейгъ въ указ. м., стр. 15, разсказываетъ нѣсколько иначе объ этомъ. Беннигсенъ отказывался вести ее къ усопшему императору, мотивируя это тѣмъ, что не имѣетъ на это полномочія отъ императора Александра. Марія Ѳеодоровна спросила: «Кто сдѣлалъ Александра императоромъ?» «Народъ, Madame, гвардейцы его провозгласили императоромъ».—«Но кто же заговорщики?»—Люди изъ различныхъ круговъ, гражданскіе и военные чины, придворные».—«Дайте мнѣ пойти къ императору Александру».—«Нѣтъ, Madame, это мнѣ запрещено. Вы не оставите этой комнаты» и т. д. Беннигсенъ позволилъ ей, наконецъ, повидаться съ Александромъ, но подъ двумя условіями: во-первыхъ, она никуда не должна была заѣзжать по дорогѣ, во-вторыхъ, ни съ кѣмъ не заговаривать и т. д.

медлила признать Александра императоромъ, и что Беннигсену стоило большихъ трудовъ успокоить ее, прежде чѣмъ идти съ ней къ трупу Павла. Дальше саксонскій посолъ разсказываетъ: «Такъ прибыла она къ Александру, который поспѣшилъ ей навстрѣчу и бросился ей въ объятія. У него она нашла главныхъ заговорщиковъ... Когда она увидѣла трупъ своего мужа, ей стало ясно, какимъ образомъ онъ скончался, и она впала въ такое глубокое отчаяніе, что ее пришлось силой удалить отъ покойника. Черезъ нѣсколько дней послѣ катастрофы императрица отправилась со своими обоими старшими сыновьями Александромъ и Константиномъ въ церковь св. Михаила и заставила ихъ поклясться, что они ничего не знали о подготовлявшемся планѣ убить императора».

Другой очевидецъ этихъ сценъ оберштальмейстеръ Мухановъ сообщилъ очень подробныя свѣдѣнія объ этомъ полковнику Саблукову.

«Блѣдная и похолодѣвшая, какъ мраморная статуя,—читаемъ мы въ запискахъ Саблукова,—сидѣла императрица въ своей спальнѣ. Александръ и Елизавета возвращались изъ Зимняго дворца. У вдовствующей императрицы находились въ это время Мухановъ и графиня Ливенъ. Былъ ли при этомъ Константинъ, я не знаю. Думаю, что его не было, и насколько я припоминаю, не было также тамъ и младшихъ дѣтей. Опираясь на руку Муханова, императрица подошла къ комнатѣ, гдѣ лежалъ скончавшійся императоръ. Александръ и Елизавета слѣдовали за ней. Шествіе замыкала графиня Ливенъ. При видѣ трупа Марія Ѳеодоровна осталась стоять на своемъ мѣстѣ, молча уставилась на него глазами и не проронила ни одной слезы. Александръ остановился, какъ окаменѣлый, при видѣ изуродованнаго и закрашеннаго лица своего отца. Затѣмъ вдовствующая императрица обратилась къ своему сыну и сказала по-русски: «поздравляю, ты императоръ». При этихъ словахъ Александръ упалъ на полъ, и присутствующіе подумали въ первый моментъ, что онъ умеръ. Императрица безъ всякаго волненія посмотрѣла на своего сына, затѣмъ снова взяла подъ руку Муханова и въ его сопровожденіи и графини Ливенъ вернулась въ свои покои. Она ушла раньше, чѣмъ Александръ пришелъ въ сознаніе. Онъ отправился затѣмъ къ своей матери и тамъ они впервые дали оба волю своему горю. Вечеромъ императрица прошла въ комнату усопшаго только въ сопровожденіи Муханова и графини Ливенъ. Тамъ она лежала у трупа почти въ обморочномъ состояніи и горько рыдала въ глубокомъ отчаяніи. Ея оба друга должны были нести ее на себѣ обратно въ ея комнаты. На слѣдующій день посѣщеніе повторилось; молодой императоръ также пришелъ. Затѣмъ состоялся переѣздъ вдовствующей императрицы въ Зимній дворецъ, и тѣло Павла было выставлено для всѣхъ».

Между тѣмъ Александру пришлось еще преодолѣвать и другія затрудненія на пути къ трону.

Несмотря на то, что дворцовыя революціи бывали и въ предыдущія десятилѣтія въ Россіи, теперь можно было замѣтить оппозицію въ военныхъ кругахъ. Оставалось подъ сомнѣніемъ, гладко ли все обойдется при восшествіи на престолъ Александра.

Ланжеронъ разсказываетъ, что Александръ въ первые часы послѣ катастрофы былъ въ крайнемъ отчаяніи по поводу происшедшаго, не будучи въ состояніи думать о чемъ-нибудь другомъ. Но Паленъ, который питалъ нѣкоторыя опасенія насчетъ поведенія войскъ, настоялъ, чтобы молодой императоръ показался гвардейскимъ полкамъ. Когда появился Александръ и генералъ Талызинъ призвалъ солдатъ крикнуть: «Да здравствуетъ императоръ Александръ»—солдаты отвѣтили недружелюбнымъ молчаніемъ. Пришли Зубовы и пытались повліять на войска, но мрачное молчаніе продолжалось. Только при приближеніи къ Семеновскому полку молодого императора привѣтствовали криками «ура». Другіе полки послѣдовали этому примѣру. Только Преображенскій полкъ продолжалъ и послѣ этого молчать. Солдаты ворчали и не хотѣли вѣрить, что Павелъ умеръ, и принесли присягу только тогда, когда убѣдились въ этомъ. Въ этомъ обстоятельствѣ Ланжеронъ не безъ основанія видитъ доказательство того, какъ необходимо было окончательно устранить императора, потому что въ противномъ случаѣ неминуемо сдѣлали бы попытку освободить его и снова возвести на престолъ и вызвали бы этимъ гражданскую войну.

Саблуковъ узналъ раннимъ утромъ въ своей казармѣ, что императоръ, будто бы, скончался отъ апоплексическаго удара. Онъ выступилъ со своимъ полкомъ, чтобы принести присягу. Все уже было готово для торжественнаго акта, когда фланговый солдатъ Ивановъ спросилъ полковника, убѣдился ли онъ, Саблуковъ, собственными глазами, что императоръ Павелъ умеръ. Когда полковникъ далъ отрицательный отвѣтъ, Ивановъ замѣтилъ, что нельзя присягать императору Александру, если Павелъ еще живъ. Тормасовъ и Саблуковъ рѣшили отложить торжество присяги на нѣкоторое время подъ предлогомъ, что нужно принести сначала полковыя знамена. Въ то же время другой солдатъ Филатьевъ заявилъ, что нужно сначала увидѣть трупъ умершаго императора. Когда генералу Беннигсену, получившему главное начальство надъ дворцомъ, было сообщено, что солдаты хотятъ послать депутацію для осмотра тѣла Павла, онъ невольно воскликнулъ, что въ виду ужаснаго состоянія трупа это пока невозможно. Но такъ какъ солдаты категорически заявили, что въ противномъ случаѣ они откажутся отъ присяги, то пришлось уступить

и впустить въ комнату Павла Филатьева и Иванова. Когда Саблуковъ спросилъ ихъ послѣ этого, убѣдились ли они въ смерти Павла, Ивановъ отвѣтилъ: «крѣпко умеръ»; когда же спросили солдатъ, хотятъ ли они теперь присягать, они выразили свою полную готовность.

О другихъ какихъ-нибудь затрудненіяхъ во время принесенія присяги намъ неизвѣстно. Раннимъ утромъ собрались сенаторы и другія власти. Всѣ принесли присягу и вмѣстѣ съ другими и вдовствующая императрица «bon grè malgrè», какъ замѣчаетъ Ланжеронъ.

1. Произведенное событіемъ впечатлѣніе.

Съ быстротою молніи разнеслась по столицѣ вѣсть о происшедшемъ переворотѣ. Повсюду можно было слышать выраженія громкой, торжествующей радости. При встрѣчахъ обмѣнивались привѣтствіями, какъ послѣ долгой разлуки, обнимались и поздравляли другъ друга. Могло казаться, что каждый въ отдѣльности избѣжалъ грозившей ему лично опасности. Люди, не имѣвшіе понятія другъ о другѣ, дѣлились своими чувствами, какъ самые близкіе друзья [1]).

Александръ обѣщалъ въ своемъ манифестѣ управлять государствомъ въ духѣ своей бабушки Екатерины II. Это былъ протестъ противъ злоупотребленій царствованія Павла. Общество съ своей стороны очень скоро обратилось къ традиціямъ великой императрицы и старалось забыть полицейскій режимъ эпохи Павла. Словно сговорившись между собой, всѣ жители столицы появились утромъ 12 марта на улицахъ въ костюмахъ, прическахъ и выѣздахъ, которые были строжайше запрещены при Павлѣ. Снова можно было увидѣть прически «a la Titus»; косички исчезли; длинныя брюки, круглыя шляпы, сапоги съ отворотами безнаказанно появлялись на улицахъ. Опять встрѣчались выѣзды цугомъ. На улицахъ столицы было много жизни

[1]) Стедингъ замѣчаетъ въ одной депешѣ къ Густаву IV, что одинъ только Куракинъ очень печаленъ. Онъ прибавляетъ: „Ces regrets sont partagés par peu de personnes et la joie de changement parait être générale et éclate d'une manière peu décente». Бернгарди говоритъ о всеобщей радости въ указ. м., III, 164, черпая, повидимому, свои свѣдѣнія изъ записокъ Беннигсена.

и движенія въ противоположность той гробовой тишинѣ, которая царила до этого.

Повсюду во всей странѣ извѣстіе о смерти Павла было воспринято, какъ мановеніе волшебнаго жезла. Всѣ съ восторгомъ почувствовали, что правовые устои, личное достоинство и матеріальное благосостояніе были снова обезпечены. Наступила новая жизнь. Непосредственно послѣ катастрофы широкіе круги общества могли тѣмъ болѣе радоваться перемѣнѣ правительства, что среди нихъ еще не было извѣстно, какое ужасное насиліе, какое преступленіе, можно сказать, коллективное преступленіе, положило конецъ жизни деспота. Только спустя нѣкоторое время распространились слухи о страшной трагедіи, которая разыгралась въ стѣнахъ императорскаго дворца. Какъ бы многіе ни возмущались этимъ актомъ насилія, но результаты устраненія Павла были встрѣчены всѣми съ глубокимъ чувствомъ удовлетворенія. На-лицо былъ совершившійся фактъ, и его принимали, какъ благодѣяніе, которое принесло пользу всей странѣ. Желаніе Екатерины сбылось; вмѣсто Павла царствовалъ Александръ.

Послушаемъ теперь, какъ нѣкоторые современники высказывались объ этомъ переворотѣ.

Одинъ изъ высшихъ сановниковъ Татищевъ писалъ изъ Петербурга вскорѣ послѣ убійства Павла своему дядѣ графу С. Р. Воронцову въ Лондонъ: «Я раздѣляю ваше удивленіе и вашу радость по поводу полученныхъ депешъ. Наше отечество, освобожденное, наконецъ, отъ невыносимаго гнета, подъ которымъ оно стонало цѣлыхъ четыре года, было неожиданно спасено и имѣетъ теперь добраго, кроткаго государя... Намъ всѣмъ кажется, что мы возродились къ новой жизни. Представленія о тюрьмахъ, застѣночныхъ пыткахъ, проскрипціяхъ исчезли, какъ страшный призракъ, отлетѣли, какъ тяжелый сонъ. Вмѣсто этого у насъ воскресли надежды на общее благосостояніе, на обезпеченное существованіе отдѣльныхъ лицъ, на счастье, о которомъ мы едва смѣли мечтать въ эту ужасную эпоху, которая повергла въ трауръ всю нашу страну и подорвала всѣ ея жизненные источники. Будемъ надѣяться, что благодѣянія новаго царствованія въ короткое время вознаградятъ насъ за многочисленные удары судьбы, которые поразили насъ въ послѣдніе годы.

Въ такомъ же духѣ выражаетъ свою радость и докторъ Роджеронъ въ своемъ письмѣ къ Воронцову: «Теперь мы опять можемъ возобновить нашу дружескую переписку, мы не должны уже больше дрожать передъ опасностью шпіонажа и доносовъ. Событіе 12 марта (если не принимать во вниманіе обстоятельствъ, которыя оставляютъ тягостное впечатлѣніе, хотя они можетъ быть и были неизбѣжны) совершило полный переворотъ въ настроеніяхъ людей и

общемъ обликѣ всей обстановки. Снова наступила свобода и возстановлено взаимное довѣріе между людьми» [1]). Въ томъ же смыслѣ пишетъ Николай: «Великое и счастливое событіе 12 марта представляетъ слишкомъ обильный матеріалъ для размышленій, чтобы можно было взяться писать о немъ подробно. Ваше служебное положеніе и ваше состояніе, которымъ грозила такая страшная опасность, снова такъ внезапно возстановлены. Я въ восторгѣ не только за васъ; но и за всеобщее благосостояніе».

Близкій другъ Воронцова Завадовскій получилъ извѣстіе о перемѣнѣ правительства въ мѣстѣ своей ссылки, въ своемъ имѣніи. Въ числѣ многихъ другихъ сановниковъ онъ немедленно былъ приглашенъ ко двору Александра и оттуда писалъ Воронцову: «Я не надѣялся дожить до того момента, когда Россія будетъ избавлена отъ тѣхъ ужасныхъ невзгодъ, отъ которыхъ страдали всѣ классы общества. Я не разсчитывалъ дождаться конца тѣхъ преслѣдованій, которыя и меня постигли. Мы должны быть благодарны судьбѣ, которая избавила насъ, наконецъ, отъ бѣдствій прошлаго царствованія. Залѣчиваются старыя раны. Кнутъ и топоръ не возродятся вновь. Кроткій и милостивый ангелъ царитъ надъ нами. Мы на опытѣ узнали, какіе ужасы существовали во времена Іоанна Грознаго. Ты можешь себѣ представить нашу общую радость. Снова духъ воспрялъ. Никто не боится ни думать, ни говорить о томъ, что только можетъ пользу принести. Появилось сознаніе своего достоинства. Никто не ожидаетъ, что его каждую минуту могутъ заключить въ тюрьму и т. д.»

«Голосъ народа,—писалъ адмиралъ Чичаговъ,—едва въ состояніи выразить ту радость, которую мы всѣ испытываемъ. Изъ глубинъ печали, въ которую насъ ввергли, мы вознеслись на вершину счастья. Мы снова возвращаемся къ правовымъ порядкамъ, къ которымъ мы привыкли въ царствованіе Екатерины. Ея «духъ законовъ» снова будетъ господствовать среди насъ» [2]).

О той радости, которая охватила жителей Москвы при извѣстіи о восшествіи на престолъ Александра, князь Вяземскій писалъ: «Тутъ царитъ неописуемый восторгъ, но это еще ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что разсказываютъ о Петербургѣ» [3]). То же самое пишетъ племянникъ Воронцова графъ Бутурлинъ по полученіи извѣстія о смерти Павла. «Возблагодаримъ Провидѣніе за его рѣшеніе»,—пишетъ онъ въ своемъ первомъ письмѣ, и черезъ нѣсколько дней: «Радость по поводу новаго царствованія стала всеобщей; въ соборѣ, гдѣ я при-

---

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXX, 132.
[2]) Архивъ кн. Воронцова XIX, 38.
[3]) Тамъ же, XIV, 388—389.

носилъ присягу, всѣ были въ восхищеніи; всѣ поздравляли другъ друга и обнимались, наступило какое-то необычайное ликованіе» [1]). Изъ Кіева писалъ графъ Морковъ въ такихъ же восторженныхъ выраженіяхъ, припоминая при этомъ царствованіе Екатерины: «Это великое событіе зажжетъ и въ наши дни солнце счастья, которое свѣтило намъ раньше въ теченіе тридцати пяти лѣтъ» [2]).

Также и за предѣлами Россіи впечатлѣніе отъ извѣстія о происшедшей великой перемѣнѣ было чрезвычайно велико. Алексѣй Орловъ, который жилъ, какъ изгнанникъ, въ Дрезденѣ, писалъ оттуда Воронцову: «Послѣ всѣхъ жестокихъ бурь и непогодъ, которыя погубили такъ много народа, я желаю вамъ здоровья и всякаго счастья. Божьей милостью засіяла надъ нами яркая звѣзда и возвѣстила намъ весну; многіе несчастные, изувѣченные и еле дышащіе, снова ожили и возносятъ свои молитвы Господу за счастливое воцареніе новаго монарха. Мы всѣ русскіе можемъ сказать: не одни только бѣдствія судилъ намъ Господь; еще раньше Святой недѣли наступило для Россіи и всѣхъ насъ воскресеніе, и я желаю вамъ счастья по этому случаю. Аминь». И далѣе: «Восхвалимъ Господа, что насъ еще не окончательно съѣли. Аллилуіа, аллилуіа и еще разъ аллилуіа! У меня словно тяжесть съ души упала. Я всегда боялся, что покойный императоръ выдастъ мою дочь замужъ противъ ея воли. Теперь я освободился отъ угнетавшей меня заботы. И во всей Россіи дышется свободнѣй. Замѣчательно, что даже мѣстные жители, всѣ отъ низшихъ до высшихъ слоевъ были чрезвычайно обрадованы этимъ извѣстіемъ».

Графъ Кочубей также жилъ въ Дрезденѣ. Тотчасъ по полученіи извѣстія о смерти Павла онъ отправился въ Петербургъ. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ писалъ Воронцову: «Теперь всѣ честные люди должны собраться и сплотиться вокругъ императора Александра и дѣлать все, чтобы залѣчить тѣ многочисленныя раны, которыя нанесъ Павелъ нашему отечеству» [3]).

Очень большое впечатлѣніе произвело извѣстіе также и въ Лондонѣ, откуда священникъ русскаго посольства Смирновъ писалъ графу Воронцову въ Соутгемптонъ: «Ваша душа можетъ отдохнуть отъ всѣхъ тревогъ. Павелъ I ушелъ на вѣчный покой. Только что прибылъ курьеръ изъ Петербурга... теперь вы возстановите свои права; теперь намъ нечего бояться своей собственной тѣни... Добрый князь Кастельчикала плакалъ отъ радости» и т. д. [4]). Итальянскій посолъ

[1]) Архивъ кн. Воронцова, XXXII, 296.
[2]) Тамъ же, XIV, 270.
[3]) Тамъ же, XVIII, 236.
[4]) Архивъ кн. Воронцова, XX, 466 – 468.

Кастельчикала, состоявшій въ дружбѣ съ Воронцовымъ, писалъ послѣднему: «Мой другъ! какая ошеломляющая новость! Какое утѣшеніе для меня и для моей семьи видѣть, какъ благопріятно измѣнились обстоятельства для васъ, какъ вы снова займете свой постъ... Существуетъ Провидѣніе, которое управляетъ всѣмъ... Это поведетъ къ большимъ перемѣнамъ въ международныхъ отношеніяхъ и т. д. [1]).

Такими же чувствами дышитъ письмо бывшаго англійскаго посла въ Петербургѣ Уитворта, незадолго передъ тѣмъ изгнаннаго Павломъ изъ Россіи, къ тому же Воронцову. «Примите мое искреннее поздравленіе»,—пишетъ онъ. «Какъ мнѣ выразить вамъ свои чувства по поводу этого событія, которое указано Провидѣніемъ. Чѣмъ больше я о немъ думаю, тѣмъ больше я благодарю небеса» и т. д. [2]).

Но въ чашу радости была прибавлена горькая капля полыни. Хотя графъ С. Р. Воронцовъ и считалъ сверженіе Павла спасеньемъ отъ величайшей опасности, какъ онъ писалъ, между прочимъ, своему брату, хотя онъ, какъ мы помнимъ, самъ желалъ этого устраненія Павла, но обстоятельства, при которыхъ насильственный актъ былъ совершенъ, внушали ему крайнее отвращеніе. Въ письмѣ, написанномъ лимоннымъ сокомъ, онъ высказываетъ своему брату удивленіе по поводу того, что духовный отецъ этого преступленія Паленъ не удаляется отъ двора, и выражаетъ опасеніе, что этотъ примѣръ будетъ имѣть дурныя послѣдствія и можетъ привести Россію къ гибели. «La Russie est devenue une seconde Perse», жаловался Воронцовъ [3]).

По дорогѣ въ Петербургъ графъ Кочубей узналъ подробности переворота и писалъ Воронцову изъ Кенигсберга 21 апрѣля 1801 года: «Конечно, каждый, въ томъ числѣ и я, долженъ былъ ждать перемѣны, но такой насильственный актъ съ тѣми ужасами, о которыхъ мнѣ разсказали, столь же отвратителенъ, сколь и опасенъ для будущаго. По правдѣ говоря, я охотно вернулся бы, но я долженъ продолжать свой путь, хотя и думаю, что придется снова удалиться, если обстоятельства плохо сложились; я хочу сказать, если важную роль играетъ князь Платонъ Зубовъ со своими родственниками и друзьями, а самъ императоръ никакой власти на имѣетъ. Меня успокаиваетъ мысль, что его противъ воли принудили взять въ свои руки бразды правленія. Онъ самъ былъ въ отчаяніи, мать въ неутѣшномъ горѣ—и въ такомъ хаосѣ я долженъ себя хорошо чувствовать!» [4]).

---

[1]) Тамъ же, XIX, 394.
[2]) Архивъ кн. Воронцова, XXIX, 394.
[3]) Тамъ же, XI, 395.
[4]) Архивъ кн. Воронцова, XIV, 149.

Приблизительно къ этому времени вернулся также въ Петербургъ сосланный Павломъ въ Курляндію баронъ Гейкингъ. О своихъ впечатлѣніяхъ въ связи съ событіемъ онъ писалъ: «Я приходилъ въ ужасъ, когда видѣлъ молодого императора въ обществѣ Палена, Зубовыхъ и другихъ, которыхъ всѣ громко называли главными дѣйствующими лицами послѣдней трагедіи. Эти господа не только не скрывались, но даже открыто объ этомъ говорили со своими друзьями и знакомыми, и изъ сравненія разсказовъ различныхъ лицъ мнѣ легко было отличить, что всѣми признавалось, какъ достовѣрный фактъ, и что являлось вымысломъ или фантазіей отдѣльныхъ участниковъ».

О какомъ-нибудь преслѣдованіи виновниковъ ничего не слышно было. На основаніи неизвѣстныхъ намъ источниковъ Бернгарди замѣчаетъ, что второстепенные заговорщики, исполнители, которыхъ пьяными послали въ спальню Павла, были высланы изъ Петербурга. Но это извѣстіе ничѣмъ не подтверждается.

Иногда въ разговорахъ между участниками катастрофы и ихъ противниками доходило до рѣзкихъ колкостей. Уваровъ вспомнилъ однажды въ бесѣдѣ съ адмираломъ Чичаговымъ объ одномъ обстоятельствѣ изъ сцены убійства. Адмиралъ на это замѣтилъ ему: «Если вы нынѣ царствующему императору такъ же вѣрны, какъ и его предшественнику, то вы заслуживаете всяческихъ наградъ». Великій князь Константинъ назвалъ въ шутку Беннигсена «капитаномъ сорока пяти», намекая на убійство герцога Гиза Блуасскаго очень многочисленной гвардіей короля Генриха III. Когда князь Платонъ Зубовъ узналъ, что его положеніе при дворѣ поколебалось, онъ пришелъ къ великому князю Константину и старался оправдать свое участіе въ катастрофѣ Павла. Но великій князь повернулся къ нему спиной, замѣтивъ ему: «Monsieur le prince, qui s'excuse, s'accuse». Когда генералъ Уваровъ долженъ былъ вскорѣ послѣ катастрофы Павла отправиться въ Финляндію, чтобы присутствовать на маневрахъ шведскихъ войскъ подъ начальствомъ короля Густава IV, шведское правительство отказалось принять его, и только потому, что генералъ былъ скомпрометированъ въ насильственной смерти Павла.

Между тѣмъ главные иниціаторы заговора играли главную роль въ началѣ новаго царствованія. На слѣдующее же утро послѣ катастрофы Паленъ, какъ всегда, явился на парадѣ. Онъ, Платонъ Зубовъ и другіе производили при этомъ впечатлѣніе, какъ будто они гордились своимъ преступленіемъ. Разсказывая объ этомъ, Саблуковъ прибавляетъ, что онъ и другіе офицеры кавалерійскихъ полковъ избѣгали общества бывшихъ заговорщиковъ. Они проявляли столько неуваженія въ своихъ отношеніяхъ къ послѣднимъ, что дѣло доходило часто до ссоръ и даже до дуэлей. Когда Александръ и Константинъ

явились 13 марта на парадъ въ плохомъ настроеніи духа, то у нѣкоторыхъ заговорщиковъ былъ крайне убитый видъ. Только въ поведеніи Палена и Платона Зубова нельзя было замѣтить никакихъ перемѣнъ.

Чтобы положить конецъ этимъ недоразумѣніямъ, графъ Паленъ рѣшилъ дать большой обѣдъ, на которомъ представители различныхъ взглядовъ могли бы сблизиться между собой. Саблуковъ сначала и слышать не хотѣлъ о томъ, чтобы «сидѣть за однимъ столомъ съ убійцами». Его друзья послѣдовали его примѣру и также рѣшили не являться на это празднество. Но графъ Паленъ пригласилъ къ себѣ Саблукова для переговоровъ и спросилъ объ основаніяхъ его отказа. Саблуковъ отвѣтилъ, что онъ «ничего общаго не хочетъ имѣть съ этими господами». Паленъ горячо возразилъ на это: «Вы несправедливо поступаете, Саблуковъ; дѣло сдѣлано; какъ патріоты, мы должны оставить всякія партійныя тренія и думать только объ интересахъ страны, которой мы всѣ служимъ». Послѣ настоятельныхъ просьбъ Палена Саблуковъ, а за нимъ и другіе полковники рѣшили придти на раутъ, но обѣдали за отдѣльнымъ столомъ. Нисмотря на то, что шампанское лилось рѣкой, въ отношеніяхъ между гостями можно было замѣтить извѣстную натянутость.

Изъ числа фактическихъ убійцъ Павла всегда выдѣляли графа Палена, который въ дѣйствительности былъ фактическимъ организаторомъ катастрофы. Такое отличіе въ интересахъ послѣдняго сказалось также въ поведеніи графа Панина, который самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждалъ кровавую расправу и, несмотря на это, поддерживалъ самыя дружескія отношенія съ Паленомъ въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ царствованія Александра. Въ первые дни послѣ воцаренія Александра до пріѣзда Панина въ Петербургъ внѣшней политикой продолжалъ завѣдовать Паленъ. Затѣмъ это вѣдомство перешло подъ управленіе Панина. Между обоими государственными дѣятелями было много точекъ соприкосновенія. Большое число писемъ показываетъ, что между ними существовали интимныя отношенія.

Больше всѣхъ была полна чувства мести по отношенію къ убійцамъ вдовствующая императрица. Она негодовала на всѣхъ, которые не въ полной мѣрѣ раздѣляли ея собственное возмущеніе преступленіемъ. Получивъ однажды, вскорѣ послѣ катастрофы, письмо отъ графа Якова Іоанна Сиверса съ чисто дѣловымъ содержаніемъ, она пришла въ крайнее негодованіе, не найдя въ немъ «ни одного слова сожалѣнія о монархѣ» и прервала переписку съ графомъ, съ которымъ была въ большой дружбѣ. Въ это же приблизительно время она однажды встрѣтила при дворѣ своего сына своихъ друзей гене-

раловъ Кнорринга и Бенкендорфа; она подошла къ нимъ и тихо понѣмецки прошептала: «Ахъ, если бы вы оба были здѣсь, этого несчастья не случилось бы!» Смущенный Бенкендорфъ молчалъ, но Кнорингъ откровенно заявилъ: «Кто знаетъ, Ваше Величество, вѣдь покойнаго государя не любили». Императрица немедленно же удалилась, не сказавъ ни одного слова. Когда она весной 1801 года отправилась на нѣкоторое время въ Павловскъ, и императоръ предложилъ ей почетную охрану, она и слышать не хотѣла объ охранѣ, составленной изъ одного изъ тѣхъ полковъ, офицеры и солдаты которыхъ прямо или косвенно причастны были къ катастрофѣ, и выбрала гусарскій эскадронъ, начальникомъ котораго состоялъ полковникъ Саблуковъ. Нѣкоторыя вещи, которыя напоминали о печальномъ событіи, какъ постель Павла и подушка, запятнанная кровью, составляли своего рода культъ въ глазахъ императрицы. Она заказала также великолѣпный памятникъ, который она поставила своему покойному супругу въ часовнѣ, въ Павловскѣ.

Паденіе Палена лѣтомъ 1801 г. было дѣломъ императрицы-матери. Она достаточно хорошо знала, при какихъ обстоятельствахъ умеръ Павелъ, и ей было горько сознавать, что графъ занимаетъ такое выдающееся положеніе и находится въ непосредственной близости къ Александру. Къ тому же Паленъ, повидимому, проявлялъ иногда безтактность по отношенію къ молодому императору. Дѣло дошло до того, что этотъ человѣкъ съ богатыми дарованіями и сильной волей оказался неудобнымъ для монарха. И разъ между Паленомъ и императрицей началась борьба, то она должна была кончиться удаленіемъ графа.

Вскорѣ послѣ смерти Павла сектанты поднесли вдовствующей императрицѣ икону, которую она отдала церкви воспитательнаго дома. На этой иконѣ была надпись, которая, повидимому, воспроизводила мѣсто изъ второй книги Царствъ 31-ый стихъ IX главы: «Хорошо ли жилъ Симри, который удавилъ своего господина?» Это была демонстрація противъ убійцъ Павла и разсчитано на то, чтобы вызвать шумъ въ обществѣ. На этой почвѣ должны были произойти разногласія между Паленомъ и Александромъ.

Очень обстоятельный разсказъ объ этомъ эпизодѣ мы находимъ въ мемуарахъ Гейкинга, который въ это время какъ разъ пріѣхалъ въ Петербургъ и имѣлъ случай бесѣдовать объ этихъ напряженныхъ настроеніяхъ въ высшихъ сферахъ съ Нелидовой, Паленомъ и другими лицами. «Мало того,—говорила Нелидова Гейкингу,—что Паленъ былъ иниціаторомъ заговора противъ своего монарха и благодѣтеля, онъ еще хочетъ поссорить сына съ матерью, чтобы потомъ править государствомъ въ качествѣ премьеръ-министра. Но я сомнѣваюсь, чтобы второй планъ ему удался такъ же, какъ и первый. Импера-

торъ любитъ свою мать, а она души въ немъ не чаетъ; такой союзъ разрушить не удастся и Палену при всей его ловкости».

Самъ Паленъ въ свою очередь разъ сказалъ въ очень высокопарныхъ выраженіяхъ объ императрицѣ-матери: «Право, она совершенно напрасно воображаетъ,—говорилъ онъ,—что она нами управляетъ. Въ сущности, мы оба являемся подданными императора, и если она перваго класса, то я второго. Я съ неослабной энергіей буду противодѣйствовать всякому шагу съ ея стороны, который можетъ дать поводъ къ скандалу или волненіямъ. Вы знаете исторію съ иконой?»—«Нѣтъ».—«Дѣло, видите ли, было такъ: императрица поставила въ часовнѣ Ново-Екатерининскаго пріюта икону, изображающую распятаго Спасителя съ Богоматерью и Магдалиной и снабженную надписями, которыя намекаютъ на смерть императора и могутъ возбудить въ толпѣ вражду къ тѣмъ, которые, по слухамъ, будто бы, были виновниками этой смерти. Эти надписи привлекли уже много народа въ часовню, какъ докладывала мнѣ объ этомъ полиція. Чтобы не вышло какой-нибудь неосмотрительности, я отправилъ переодѣтаго полицейскаго, умнаго и интеллигентнаго человѣка, съ порученіемъ списать волнующія публику изреченія и велѣлъ сказать священнику, чтобы онъ безъ всякаго шума убралъ икону. Онъ отвѣтилъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ прямого приказа императрицы. Поэтому мнѣ сегодня придется говорить на эту тему съ императоромъ, который завтра поѣдетъ съ визитомъ къ своей матери въ Гатчину. Я узналъ, что она настаиваетъ на оставленіи иконы въ часовнѣ. Но это невозможно».

Когда Гейкингъ ушелъ отъ Палена, Віельгорскій сказалъ ему: «Паленъ воображаетъ, что его положеніе непоколебимо, и что онъ можетъ бороться съ императрицей. Но ему нужно быть на-сторожѣ. Императрица—женщина, у нея много упрямства; ея сынъ любитъ и уважаетъ ее; борьба слишкомъ неравная». Когда Паленъ изложилъ суть дѣла Александру, тотъ замѣтилъ: «не забывайте, что вы говорите о моей матери; впрочемъ, я не допускаю и мысли, чтобы надписи были таковы, какъ вы говорите; я хочу видѣть икону». Паленъ немедленно же приказалъ взять изъ часовни икону и принесъ ее императору. Александръ внимательно прочиталъ надписи, ничего не сказалъ и отправился въ Гатчину, гдѣ потребовалъ объясненій отъ своей матери. При всемъ его стараніи смягчить вопросъ, императрица вынуждена была оправдываться и объяснять свои намѣренія, и это привело ее въ удрученное настроеніе духа. Свое оправданіе она закончила заявленіемъ: «До тѣхъ поръ, пока Паленъ будетъ въ Петербургѣ, я туда не вернусь» [1].

[1] Изъ эпохи императора Павла, 232—328.

Саблуковъ также упоминаетъ, что по этому поводу произошло тяжелое объясненіе между вдовствующей императрицей и ея сыномъ, что Александръ также высказался противъ Палена въ крайне серьезномъ и рѣшительномъ тонѣ. Саблуковъ далѣе сообщаетъ, будто графъ явился на парадъ въ крайне мрачномъ настроеніи и произнесъ очень безтактную и хвастливую рѣчь. «Меня самого не было при этомъ», пишетъ Саблуковъ, «но я послѣ слышалъ, что Паленъ говорилъ въ крайне неумѣренныхъ выраженіяхъ о своей власти и способности возводить на престолъ монарховъ и низвергать ихъ. Я не могу повѣрить, чтобы Паленъ былъ настолько неуменъ и говорилъ подобныя вещи, но слухи объ этомъ въ тотъ же вечеръ разнеслись по городу. Говорили о соглашеніи между Паленомъ и Зубовымъ и о планѣ возвести на престолъ императрицу [1]). Но какъ бы это тамъ ни было, достовѣрно то, что на слѣдующее утро Паленъ по своему обыкновенію пріѣхалъ на парадъ въ элегантномъ экипажѣ, запряженномъ шестеркой лошадей, и, какъ только вышелъ изъ экипажа, долженъ былъ выслушать отъ адъютанта императора приказъ немедленно оставить столицу и отправиться въ свое имѣніе, въ Курляндію. Паленъ не сказалъ ни одного слова и повиновался. Вмѣстѣ съ тѣмъ появился приказъ, извѣщавшій объ отставкѣ генерала отъ кавалеріи графа Палена. Въ тотъ же вечеръ получилъ также и князь Платонъ Зубовъ распоряженіе удалиться въ свое имѣніе, что онъ также сдѣлалъ безъ малѣйшихъ возраженій» [2]). Такія рѣшительныя распоряженія наслѣдника Павла могли обществу напомнить о столь часто повторявшихся случаяхъ высылки изъ столицы въ предыдущее царствованіе.

Въ этой исторіи съ графомъ Паленомъ игралъ нѣкоторую роль и графъ Панинъ. «Въ свою бытность министромъ при императорѣ Александрѣ,—писалъ онъ позже,—я сталъ на сторону вдовствующей императрицы, когда графъ Паленъ старался очернить ее въ глазахъ императора по поводу недоразумѣнія съ иконой. Я, и только я одинъ разсѣялъ возникшее между ними тогда недовѣріе» [3]). Нѣкоторыя подробности этой исторіи остались неизвѣстными. Скоро, однако, и Панина постигла такая же точно участь, какъ и Палена.

---

[1]) «Pahlen alluded to his power of placing and disfeacing sovereigns«, будто бы существовалъ «perhabs a plan to pass the sceptre to a female» и т. д.

[2]) «Fraser's Magazine», 1865, сентября, стр. 326.

[3]) Матеріалъ о Панинѣ, VI, стр. 403.

Стран.

Событіе 11-го марта 1801 года.—Проф. Шимана. 5
Смерть Павла.—Проф. Брикнера 32
Введеніе . . . . . —
Источники 41
Общее положеніе передъ переворотомъ 49
Жалобы государственныхъ людей . . . . . —
Военные круги 63
Императорская фамилія. 69
Опасность увеличивается. 79
Происхожденіе кризиса 89
1) Планъ регентства . . . . . —
2) Смѣна лицъ 102
3) Паленъ и Александръ 109
11—12 марта 1801 года 114
1) Наканунѣ катастрофы . . . . . —
2) Послѣдніе дни и часы Павла 120
3) Ночь 127
4) Утро послѣ переворота 134
Заключеніе 144
Произведенное событіемъ впечатлѣніе . . . . . —